

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1891.

№ 8.

АПРѢЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ. (Второе чтеніе Преосвященнаго *Амвросія*, Архіепископа Харьковскаго, въ собраніи С.-Петербургскаго Братства Пресвятыхъ Богородицы 9-го апрѣля 1891 г.). 467—512

Очеркъ православнаго Церковнаго права (продолженіе). Профессора *М. А. Остроумова* (въ особомъ приложеніи). 129—144

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Самооправданіе или самообвиненіе? (Отвѣтъ князю С. Трубецкому и редакціи «Православнаго Обозрѣнія») Свящ. *Т. Бутневича* 309—334

Самосознаніе и личность. Профессора Казанской Духовной Академіи, *В. А. Снегирева* 335—359

III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности Харьковской епархіи за 1889/90 учебный годъ (окончаніе).—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1891.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоука и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени» на Елатерино-славской улицѣ, въ нижнемъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул. и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ нижнемъ магазинѣ г. Тузова, Садовая ул., Гостинный Дворъ, № 45 и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

ОСНОВЫ МОРАЛИ В. ВУНДТА.

Всякій, кто болѣе или менѣе внимательно слѣдилъ за развитіемъ въ послѣднее дѣсятилѣтіе научно-философской литературы въ Западной Европѣ и у насъ въ Россіи, не могъ, конечно, не обратить вниманія на обиліе появившихся въ этомъ періодѣ времени сочиненій, по вопросамъ о происхожденіи и сущности морали. Въ особенности въ послѣдніе три—четыре года не проходитъ почти мѣсяца, чтобы не появилось нѣсколько изслѣдованій нравственныхъ вопросовъ—въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ или въ журнальныхъ статьяхъ. Очевидно, интересъ къ изслѣдованію вопросовъ нравственности въ послѣднее время значительно усилился. Къ сожалѣнію, мы должны признать, что далеко не всѣ эти этическія изслѣдованія удовлетворительно рѣшаютъ основныя вопросы нравственности. Причина этого печальнаго явленія кроется, главнымъ образомъ, въ томъ обстоятельствѣ, что многіе изслѣдователи до сихъ поръ еще не могутъ отказаться отъ тщетной надежды превратить ученіе о нравственности въ чисто опытную науку, вывести принципы ея чисто-эмпирическимъ путемъ, отвергнувъ «старое» объясненіе ея изъ трансцендентальныхъ основъ. Самая серіозная попытка построенія такой «научной» морали сдѣлана была въ 1880 г. знаменитыхъ психо-физиологомъ В. Вундтомъ въ его сочиненіи: «Этика. Изслѣдованіе фактовъ и законовъ нравствен-

ной жизни»¹⁾). Сочиненіе это вызвало лестные отзывы о себѣ и въ заграничной и въ нѣкоторыхъ органахъ русской печати. Критика выражала надежду, что это сочиненіе сообщитъ наукѣ о нравственности новое направленіе, что оно произведетъ въ этой наукѣ цѣлый переворотъ. Въ самомъ дѣлѣ въ своемъ сочиненіи Вундтъ проявилъ крупный талантъ, способность къ широкимъ и оригинальнымъ обобщеніямъ и громадную эрудицію. Но мы не можемъ согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ его критиковъ, будто «этика» Вундта должна произвести цѣлый переворотъ въ наукѣ о нравственности и положить основаніе «научной» морали. Мы полагаемъ, что, не смотря на свои научныя приемы, изслѣдованіе Вундта о происхожденіи и принципахъ морали имѣетъ для науки скорѣе отрицательное значеніе, ибо оно, по нашему мнѣнію, еще разъ наглядно доказало всю невозможность построенія морали однимъ только эмпирическимъ, «научнымъ» путемъ. Доказать эту мысль мы и постараемся въ настоящей статьѣ, рассмотрѣвши основныя положенія морали Вундта. Для этой цѣли мы изложимъ сперва содержаніе «этики» Вундта.

Прежде всего Вундтъ опредѣляетъ задачу этики и методъ изслѣдованія. Предметъ этики—науки чисто-нормативной, и въ этомъ отношеніи родственной логикѣ—установить общіе принципы, которыхъ нравственные факты суть частныя примѣненія. Рѣшеніе этой задачи можетъ быть достигнуто двумя путями. Ближайшій путь къ отысканію этическихъ принциповъ есть путь антропологическаго изслѣдованія (субъективно и объективно-эмпирическаго). Сначала, чрезъ наблюденіе фактовъ мы должны изучитъ явленіе нравственнаго міра, какъ они существуютъ фактически въ сознаніи и жизни людей. Вспомогательными науками къ такому изученію служатъ, главнымъ образомъ, слѣдующія науки: психологія народовъ, первобытная исторія и исторія культуры. Съ другой стороны, при изученіи нравственныхъ фактовъ чувствуется необходимость въ научномъ умозрѣніи объ этихъ фактахъ. Нужно, впрочемъ,

¹⁾ Это сочиненіе переведено на русск. языкъ въ прилож. къ «Русск. Бог.» за 1887 и 1888 гг.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Апрѣля 30 дня 1891 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ*

О РЕЛИГИОЗНОМЪ СЕКТАНТСТВѢ

ВЪ НАШЕМЪ ОБРАЗОВАННОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Второе чтеніе Преосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, въ собраніи С.-Петербургскаго Братства Пресвятыя Богородицы 9-го апрѣля 1891 года.

При первомъ моемъ чтеніи въ этомъ почтенномъ собраніи «о причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества» я намѣренно отложилъ до другаго времени одну изъ самыхъ важныхъ причинъ этого отчужденія, какъ требующую особаго обстоятельнаго изложенія. Я разумѣю *религіозное сектантство въ нашемъ образованномъ обществѣ*. Прошу позволенія этою темною чертою дополнить печальную картину удаленія отъ Православной Церкви нашихъ передовыхъ людей.

Вліяніе протестантства, какъ было сказано мною прежде, со времени Петра Великаго, поселило въ умахъ первыхъ русскихъ людей, пскавшихъ европейскаго образованія, недовѣріе къ нашей Православной Церкви и охлажденіе къ ней. Но вмѣстѣ съ этимъ не обнаружилось въ нихъ стремленія организовать у себя съ самаго начала особое религіозное общество, съ особымъ исповѣданіемъ христіанской вѣры, какъ это сдѣлали сами протестанты, отдѣлившись отъ католической церкви. Большинство изъ нихъ устремилось исключительно за научными познаніями, увлеклось европейскими философскими ученіями, и, рабски слѣдуя за ними въ теченіе почти двухъ вѣковъ, оказалось, какъ мы видѣли, въ

области крайняго рачіонализма и матеріализма, а затѣмъ и невѣрія. Но такое направленіе не могло же овладѣть всѣми безъ исключенія нашими любителями заграничнаго образованія и европейской жизни. Всѣ они были крещены въ Православной Церкви, слѣдовательно, получили благодать возрожденія, которая не покидаетъ до конца жизни и заблуждающагося христіанина и пробуждаетъ его сердце и совѣсть. Многіе изъ нихъ въ раннемъ возрастѣ въ своихъ семействахъ, особенно изъ старинныхъ дворянскихъ родовъ, видѣли примѣры благочестія въ своихъ родственникахъ, познакомились съ религіозными впечатлѣніями, и склонны были такъ или иначе искать удовлетворенія своимъ религіознымъ потребностямъ. А почему *не такъ*, т. е. не по духу Православной Церкви, *а иначе*, т. е. по духу иностранныхъ религіозныхъ обществъ, пошло ихъ дальнѣйшее духовное развитіе, объ этомъ, какъ и послѣдствіяхъ этого направленія, много и много надо думать. Это направленіе грозитъ въ будущемъ неисчислимыми бѣдствіями нашей Православной Церкви и государству, если не будетъ поворота къ лучшему. Если ложно поставленная наука надѣлала намъ много бѣдъ, распространяя невѣріе, то религіозныя секты надѣлаютъ намъ ихъ еще больше. Замѣчено, что отъ совершеннаго невѣрія при благоприятныхъ обстоятельствахъ возможно обращеніе прямо къ истинной вѣрѣ, но замѣна истинной вѣры лжеученіемъ, порождая въ человѣкѣ совращенномъ ложное убѣжденіе, что онъ вступилъ на истинный путь, и искажая его религіозныя понятія, дѣлаетъ труднымъ, а иногда и невозможнымъ обращеніе его къ истинѣ, особенно при недостаткѣ научнаго образованія. Этою именно опасностью и грозитъ нашему православному народу распространеніе въ немъ религіозныхъ сектъ, вырывая его изъ подъ вліянія Православной Церкви, единственной его учительницы и руководительницы въ нравственной жизни.

Для болѣе яснаго представленія этой угрожающей намъ опасности, мнѣ кажется, будетъ полезно: 1) разъяснить обстоятельства, увлекавшія сначала и продолжающія увлекать доселѣ въ секты нашихъ образованныхъ людей; 2) изложить кратко въ исто-

рическомъ порядкѣ появленіе между ними въ разное время различныхъ религіозныхъ сектъ, и наконецъ 3) обсудить нынѣ существующія между ними секты и вліяніе ихъ на народъ нашъ.

I.

Крутой поворотъ, сдѣланный Петромъ Великимъ отъ древняго строя нашей умственной жизни къ европейскому образованію, оторвалъ отъ нашего народа передовую и лучшую его часть. Отъ Петра и до послѣдняго времени народъ нашъ, говоря современнымъ языкомъ, походилъ на желѣзнодорожный поѣздъ, у котораго оторвался локомотивъ. Локомотивъ полетѣлъ впередъ, а вагоны стали неподвижно. Народъ нашъ въ теченіе вѣковъ воспитался и сложился подъ вліяніемъ Православной Церкви во всѣхъ отрасляхъ своей жизни—отъ религіозныхъ воззрѣній до внѣшняго порядка и обыденныхъ обычаевъ. Его образованіе имѣло характеръ церковности, заимствованной отъ греческой Церкви. Онъ учился по книгамъ Священнаго Писанія, по тяжелымъ славянскимъ переводамъ греческихъ отеческихъ твореній и не менѣе тяжелымъ произведеніямъ отечественной письменности. За немногими исключеніями, онъ не усвоилъ, какъ должно, высокаго ученія своей Церкви, но крѣпко устоялся въ церковной практикѣ. Онъ въ простотѣ своей думалъ, что мыслить обо всемъ умомъ своей Церкви и смотреть на весь міръ ея очами; а потому смущался всѣмъ, что отъ его понятій было отлично и его обычаю чуждо. Поэтому онъ былъ не готовъ къ спокойному, разумному и сознательному усвоенію европейскаго образованія; онъ его испугался. Но сколько онъ былъ своеобразенъ и не похожъ на западныхъ европейцевъ, столько же эти послѣдніе были не похожи на него. Между тѣмъ ему предстояло сплою внѣшнихъ обстоятельствъ передѣлаться въ народъ европейскій. Въ большинствѣ своемъ онъ на это не пошелъ, потому что его къ этому не подготовили. Ему не показали просвѣщенія съ внутренней, разумной его стороны; не примприли науки съ его вѣрою; не пощадили его національныхъ свойствъ и вѣковыхъ обычаевъ, и онъ остался неприступнымъ для европей-

скаго просвѣщенія въ то время, когда передовая часть его передѣлывалась въ народъ европейскій. Она и передѣлалась. Это было несчастіе столько же для народа, сколько и для передовой его части. Обѣ стороны взаимно, какъ не поняли сначала, такъ и теперь не понимаютъ другъ друга. Эта трудная задача примирить обѣ стороны, выяснить ихъ взаимныя отношенія и сросить снова обѣ разорванныя части въ одно цѣлое органическое тѣло предстоить намъ, вразумленнымъ горькимъ опытомъ двухъ послѣднихъ вѣковъ.

Чѣмъ больше съ теченіемъ времени наши первые образованные люди углублялись въ европейское просвѣщеніе и европейскую жизнь, тѣмъ больше они отдалялись отъ народа. При блескѣ европейской цивилизаціи ихъ родная страна представлялась имъ дикою и ихъ собственный народъ невѣжественнымъ. Это во многихъ отношеніяхъ было вѣрно, но они эти признаки виѣшней дикости и неразвитости распространили и на нашу вѣру и Церковь. Вслѣдъ за иностранцами, особенно протестантами, они смѣшали народную вѣру съ суевѣріями, въ уставахъ нашей Церкви увидѣли одну мертвую букву, въ народныхъ обычаяхъ безсодержательныя преданія грубой старины. Они стали плѣнниками Западной Европы въ нравственномъ отношеніи, отчужденными отъ своей родины. И могли ли они стать въ иное положеніе по отношенію къ своей родной землѣ? Справедливость требуетъ сказать, что это превышало ихъ силы.

Что они видѣли въ Европѣ и что у себя дома въ религіозномъ отношеніи? Тамъ у народовъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій они нашли богатую духовную литературу, въ которой открыло имъ доступъ изученіе иностранныхъ языковъ, у насъ же видѣли въ этомъ отношеніи крайнюю скудость. Могли ли они сидѣть за нашими славянскими книгами въ деревянныхъ, обтянутыхъ кожею, переплетахъ съ мѣдными застежками, когда имъ со всѣхъ сторонъ предлагали нарядныя благочестивыя книжки, написанныя изящнымъ языкомъ? Могли ли они сохранять расположеніе къ нашему богослуженію, которое переставали понимать, требовавшему про-

должительнаго стоянія на ногахъ, при плохомъ пѣніи, когда въ европейскихъ церквахъ они безъ утомленія, сидя, могли слушать великолѣпные органы и краснорѣчивыя проповѣди? Къ этому, въ оправданіе себя, они стали указывать на бѣдность нашихъ храмовъ, на необходимость смѣшиваться въ нихъ съ простымъ народомъ, не знающимъ приличій. Ихъ сокровище, религіозное чувство, перемѣстилось за-границу; туда потянулось и ихъ сердце.

Удержать ихъ въ оградѣ своей Церкви, разъяснить имъ внутреннее ея достоинство и превосходство ея ученія и уставовъ предъ исповѣданіями западными должны были пастыри Церкви, или духовенство; но въ какомъ положеніи было наше духовенство въ петровское время и въ теченіе всего XVIII столѣтія? Правда, были у насъ ученые архипастыри, но крутая реформа лишила и ихъ самихъ единодушія, и повергла въ смутное и тяжкое положеніе. Достоинство ихъ было унижено недовѣріемъ правительства и гласнымъ заявленіемъ въ законодательномъ актѣ, что «должность ихъ великая, но чести никакой», и особенно запрещеніемъ при обзорѣніи епархій вѣзжать въ города и повелѣніемъ останавливаться за городомъ въ палаткахъ. Тѣхъ изъ нихъ, которые въ чемъ нибудь обнаруживали особенную ревность и возбуждали недовѣріе правительства, особенно въ бироновское время, брали подъ арестъ, подвергали пыткамъ, лишали сана, заключали въ крѣпости, ссылали въ Сибирь. Могло ли въ этомъ положеніи наше высшее духовенство въ глазахъ нашихъ первыхъ европейцевъ выдержать сравненіе съ блестящимъ положеніемъ римскихъ кардиналовъ, прелатовъ и ученаго сословія протестантскихъ пасторовъ? Отъ монашества, при общемъ недостаткѣ образованія, трудно было ожидать просвѣтительнаго вліянія, когда число иноковъ строго было ограничиваемо, монастыри были закрываемы, или обращаемы въ госпитали и богадѣльни, а монахамъ строго запрещено было имѣть въ кельѣ перо и чернила. О бѣдомъ духовенствѣ того времени и говорить нечего. Въ школахъ оно не училось, да и школъ для него почти не было. Внѣшнее положеніе его было жалкое: оно было скучено въ своемъ со-

словія безъ выхода въ другія, и лишено освѣщенія притокомъ новыхъ силъ изъ другихъ сословіи. Изъ него лишніе члены отдаваемы были въ солдаты, помѣщики сѣкли духовныхъ лицъ на конюшняхъ, за проступки сажали священниковъ на цѣль и били, за неслуженіе царскихъ молебновъ тысячами ссылали въ Сибирь. Могъ ли такой разгромъ духовенства, такое унижительное его положеніе и бѣдность не возбуждать въ высшихъ нашихъ сословіяхъ пренебреженія къ нему? Отъ того то до недавняго времени въ домахъ образованныхъ людей лицъ духовныхъ не пускали дальше передней, исключая времени совершения требъ. По внѣшней бѣдности и внутренней неразвитости духовенство совсѣмъ было чуждо нашему образованному обществу. При всемъ этомъ можно ли было думать о какомъ нибудь вліяніи его на передовое общество, терявшее расположеніе къ своей Церкви? Только дворяне, не вкусившіе еще европейскаго просвѣщенія, и изъ послѣднихъ избранные люди, понимавшіе неестественное положеніе дѣла, вмѣстѣ съ духовенствомъ и простымъ народомъ жили церковною жизнью по старымъ преданіямъ, въ ожиданіи временъ лучшихъ. Отсюда ясно, что къ европейскому образованію вмѣстѣ съ передовыми сословіями, и еще и раньше, надобно было двинуть и духовенство, чтобы оно могло стать въ уровень съ требованіями времени и своимъ руководствомъ предохранить новое образованное общество отъ увлеченій чужими религіозными идеями и обычаями, но этого не случилось. При Екаторпѣ II это ложное положеніе было понято и дѣтей духовенства стали силою загонять въ школы, но дѣло шло туго. Только при Александрѣ I духовенство было призвано, какъ должно, къ научному образованію, но самое дорогое время для уравниенія его въ умственномъ отношеніи съ образованнымъ обществомъ было опущено.

Нѣчто въ родѣ каменной стѣны воздвигло между нашею Церковію и образованнымъ обществомъ предпочтеніе иностранныхъ языковъ своему отечественному и незнаніе языка богослужебнаго. Всеѣмъ извѣстно, какъ сначала шло и какъ теперь еще идетъ начальное воспитаніе въ нашихъ высшихъ кругахъ. Иностранная

бонны, гувернантки и гувернеры доселѣ еще властвуютъ надъ малолѣтними дѣтьми нашего образованнаго общества: чистое произношеніе дѣтьми иностранной рѣчи, по которому въ Европѣ не могли бы отличить русскаго человѣка отъ мѣстнаго жителя Франціи, Германіи и Англіи, доселѣ озабочиваетъ великосвѣтскихъ родителей больше, чѣмъ основательное усвоеніе и знаніе роднаго языка. Мнѣ очень было прискорбно, когда въ одномъ дворянскомъ богатомъ семействѣ четырехлѣтній мальчикъ на вопросъ мой, сдѣланный по русски, отвѣчалъ мнѣ: *ich will nicht*. (Спрашиваю родителей: зачѣмъ вы учите мальчика нѣмецкому языку, не давши ему выучиться говорить по русски? Мнѣ отвѣчали: «чтобы въ раннемъ возрастѣ усвоилъ правильное произношеніе. Потомъ будемъ учить языкамъ французскому и англійскому; а по русски говорить потомъ самъ выучится»). Это напомнило мнѣ откровенное признаніе одной великосвѣтской дамы, которая, въ разговорѣ со мною, утомившись сочиненіемъ русской рѣчи, сказала наконецъ: «знаете что, когда я говорю по русски, мнѣ даже зубы больно». — Но по психологій известно, что человѣкъ на томъ языкѣ мыслить, который лучше знаетъ; слѣдовательно, на привычномъ чужомъ языкѣ легко читаются иностранныя книги и легко усвояются чужія мысли. Вотъ почему, когда духовенство наше ожило въ дѣлѣ образованія, когда наша духовная литература богатѣетъ съ каждымъ днемъ, у великосвѣтскихъ людей нашихъ русскія духовныя книги вываливаются изъ рукъ. Но что сказать о языкѣ славянскомъ? Относительно его и отъ благочестивыхъ образованныхъ людей нашихъ мы слышимъ жалобныя вопросы: «Когда же наше богослуженіе и молитвы переведутъ на русскій языкъ? Мы ихъ не понимаемъ». Имъ дѣла нѣтъ до того, что славянскій языкъ имѣетъ высокія качества, наиболѣе соотвѣтствующія богослуженію; что весь славянскій православный міръ молится и слушаетъ богослуженіе на этомъ языкѣ; что этотъ языкъ составляетъ живую связь между славянскими племенами; что замѣна славянскаго языка русскимъ въ нашихъ храмахъ оттолкнетъ отъ Церкви весь нашъ простой народъ; для нихъ все это не важно. Несчастіе въ томъ, что съ

дѣтства не познакомили ихъ съ языкомъ славянскимъ, и теперь они готовы учиться скорѣе санскритскому языку. чѣмъ славянскому, потому что изученіе перваго все таки имѣетъ для нихъ научный интересъ; а зачѣмъ изучать свой старыи языкъ, когда пора его бросить?

Не забудемъ при этомъ, что иностранные воспитатели, обучающіе русскихъ дѣтей своимъ языкамъ, не могутъ не вліять на ихъ религіозныя воззрѣнія при той разности, которая существуетъ между ихъ исповѣданіями и православною вѣрою, и при ежеминутномъ общеніи съ дѣтьми. Ихъ религіозныя мысли высказываются ими невольно, ихъ поведеніе и примѣры у дѣтей передъ глазами. Сравнительная легкость внѣшнихъ религіозныхъ обязанностей, какія возлагаются на иновѣрцевъ, особенно протестантовъ, ихъ исповѣданіями, предъ трудами, требуемыми уставами и богослуженіями нашей Церкви, соблазняютъ дѣтей, и впоследствии производятъ въ нихъ охлажденіе къ Церкви и недовольство ея учрежденіями. Многіе воспитатели, по чувству чести, такъ какъ имъ довѣрены православныя дѣти, не касаются религіозныхъ вѣрованій своихъ воспитанниковъ, и даже стараются поощрять ихъ къ исполненію православныхъ обрядовъ, но и здѣсь отъ ихъ невѣдѣнія происходитъ запутанность. Не могу я забыть простодушнаго объясненія одного добраго гувернера-швейцарца, который, въ доказательство того, что онъ старается о воспитаніи порученныхъ ему дѣтей въ духѣ православія, сказалъ: «я всякій день утромъ и вечеромъ заставляю ихъ молиться предъ портретомъ ихъ покойнаго отца». Не малаго труда стоило мнѣ объяснить ему разность между портретами и святыми иконами и правильное отношеніе къ тѣмъ и другимъ.

Но что облегчаетъ нравственную отвѣтственность за уклоненіе въ секты нашихъ образованныхъ людей прошлаго столѣтія, то не оправдываетъ ихъ послѣдующихъ поколѣній, съ начала текущаго столѣтія и по настоящее время. У насъ съ этого времени появились отечественные писатели съ высокими талантами въ разныхъ отрасляхъ литературы, въ томъ числѣ и въ духовной. Духовенство

становилось по умственному развитію образованнѣе, въ дѣлѣ своего служенія достойнѣе и по внѣшности приличнѣе. Появились проповѣдники, которыхъ можно было послушать, пастыри, съ которыми можно было посоветоваться, и ученые, съ которыми можно было побесѣдовать. Но наше свѣтское общество всѣмъ этимъ мало интересовалось; успѣхи отечественнаго религіознаго образованія его не радовали; Православная Церковь съ своими многомилліонными членами, какъ крѣпкое зданіе Божіе, на которомъ видимо исполнялось обѣтованіе Спасителя объ ея несокрушимости, имъ не представлялась заслуживающею вниманія, и ея исторія и внутреннее устройство казались не стоящими тщательнаго изученія. Ихъ вниманіе и сочувствіе были направлены къ литературѣ свѣтской, и притомъ преимущественно иностранной. У кого изъ нихъ всплывали на поверхность разсѣянныхъ душъ религіозныя чувствованія, кому оказывалось нужнымъ утѣшеніе въ скорби, кто, подъ вліяніемъ моды, хотѣлъ познакомиться съ лучшими сочиненіями изъ духовной литературы, для того всегда были готовы и по языку доступны духовныя книги знаменитыхъ иностранныхъ писателей, а для духовныхъ бесѣдъ всегда были на лицо заграничныя наставники, посѣщавшіе насъ весьма усердно и всегда собиравшіе вокругъ себя внимательныхъ слушателей, и особенно слушательницъ. Ихъ поученія были искусно приспособляемы къ разумѣнію и нравственному состоянію нашихъ образованныхъ людей; они не были сопровождаемы изслѣдованіями, требовавшими напряженія ума, и обременительными правилами нравственной жизни. Католическіе аббаты обѣщали всепрощеніе и отверженіе дверей рая властію святаго отца, а протестантскіе учителя—спасеніе безъ хлопотъ, одною вѣрою. Отсюда и пошло это ученіе о всепрощающей любви, съ забвеніемъ правды Божіей, и необходимости подвиговъ благочестія. «Любовь! Любовь!» затвердили всѣ, и отвергнувъ тяжкіе труды нравственнаго самоисправленія, устремились на необременительныя для богатыхъ людей подвиги общественной благотворительности, услаждаемые при томъ благотворительными концертами и увеселеніями.

ми. Тутъ нѣтъ тревоги для совѣсти, нѣтъ страха вѣчныхъ мученій, нѣтъ покаянныхъ подвиговъ и молитвъ (особенно на славянскомъ языкѣ), какихъ требуетъ Православная Церковь. Тутъ такая легкая и пріятная дѣятельность для ума,—особенно для лѣниваго, — и такая усладительная благочестивая восторженность, наполняющая воображеніе свѣтлыми образами и сердце такими радостными надеждами! Какая широкая и гладкая дорога для всѣхъ заграничныхъ сектъ!

II.

Изъ самаго краткаго очерка религіозныхъ сектъ, появившихся въ нашемъ образованномъ обществѣ въ послѣдніе два вѣка, будетъ видно, съ какою легкостію онѣ проникали въ него изъ заграницы, съ какою силою имъ овладѣвали. Начнемъ съ нашествія іезуитовъ.

Со времени возникновенія нашихъ реформъ іезуиты зорко слѣдили за нами, и неустанно толкались въ наши не крѣпко затворенныя двери. Петръ Великій не терпѣлъ іезуитовъ: они были изгнаны изъ Россіи въ 1689 г. Но тѣмъ не менѣе, они имѣли мѣсто, гдѣ поставитъ ногу: въ Московской Нѣмецкой слободѣ католикамъ дозволено было имѣть свою церковь и держать при себѣ духовныхъ лицъ, между которыми несомнѣнно втирались іезуиты. Они открыто появились и снова были изгнаны въ 1719 году ¹⁾. Но, никогда не унывая и не отчаяваясь въ успѣхъ своего дѣла, они тайно готовились и, улучивъ благопріятное время, предприняли настоящій походъ на наше отечество и Церковь, начавъ его при Павлѣ I-мъ и открыто развернувъ свое знамя при Александрѣ I-мъ. Не довольствуясь Полоцкомъ, гдѣ дотолѣ былъ главный центръ дѣятельности іезуитскаго ордена, они утвердились въ Петербургѣ, овладѣли здѣшнею католическою церковію, ея имѣніями и доходами, подчинили себѣ католическое духовенство вмѣстѣ съ митрополитомъ Сестренцевичемъ, и повели свою пропаганду по всей Рос-

¹⁾ Руководство къ русской церковной исторіи профессора Казанской духовной академіи П. Знаменскаго, стр. 284.

сіп. Они нашли себѣ покровителей между сильными тогда у насъ эмигрантами, польскими аристократами, и между русскими именитыми дворянами, совращенными въ католичество,—Голицыными, Разумовскими, Гагаринными, Толетыми и другими. Они открыли въ Петербургѣ пансіонъ, въ который русскіе аристократы отдавали своихъ дѣтей на воспитаніе за дорогую плату. Отсюда пзвѣстный патріотъ Растопчинъ пригласилъ ихъ Москву, Паулуччи въ Ригу и Митаву, Ришелье въ Одессу, Сибирскій губернаторъ Пестель въ Сибирь для просвѣщенія инородцевъ, а министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей послалъ ихъ для той же цѣли въ наши восточныя степи. Они развили свою пропаганду въ Казани, Саратовѣ, Астрахани, Пензѣ, Воронежѣ, Моздокѣ, Тифлисѣ, Томскѣ и Иркутскѣ, всюду открывая школы. Они приобрѣли 13 тысячъ душъ брѣвостныхъ крестьянъ и огромныя богатства—правдами и неправдами. Неизвѣстно какъ далеко еще распространилось бы ихъ вліяніе, если-бы они не вооружили противъ себя, бывшаго прежде ихъ орудіемъ, самого оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода князя Голицына, совативъ въ католичество его 17-лѣтняго племянника, посланнаго потомъ на увѣщаніе къ архимандриту Филарету, впоследствии митрополиту Московскому. Въ 1815 году іезуиты изгнаны были изъ Петербурга, а въ 1820 году и изъ Россіи. Имѣнія ихъ были конфискованы, деньги отданы въ приказъ общественнаго призрѣнія. «Орденъ іезуитовъ былъ упраздненъ, говоритъ нашъ церковный историкъ профессоръ Знаменскій, но сѣмена, посѣянные имъ, и послѣ этого долго пробивались на русской землѣ сорными травами. Къ счастью Россіи, дѣятельность его не была народной, не проникала до грунтовыхъ слоевъ русской земли, а занималась легкой обработкой однихъ только высшихъ ея слоевъ съ ихъ наносною съ Запада пылью и грязью» ¹⁾).

Но нашествіе іезуитовъ было въ нашемъ отечествѣ явленіемъ временнымъ и преходящимъ. Вліяніе протестантства, напротивъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 471—475.

начавшееся со времени Петра Великаго, продолжалось во всё послѣдующія царствованія, продолжается и доселѣ. Въ видѣ особой секты, невиданной въ православной средѣ, оно появилось въ Москвѣ въ 1713 году, и извѣстно подъ именемъ секты лекаря Тверитинова, учившагося медицинѣ въ Московско́й Нѣмецкой свободѣ. Тамъ онъ увлекся протестантскими воззрѣніями, въ теченіе десяти лѣтъ успѣлъ найти себѣ послѣдователей, предавшихся протестантству до фанатизма. Секта эта была разбѣяна Стефаномъ Яворскимъ ¹⁾. Но вообще увлеченіе нашего образованнаго общества протестантскими идеями было такъ велико, что оно почти все въ цѣломъ своемъ составѣ можетъ быть названо обширною сектою, относившеюся неблагожелательно къ своей родной Церкви, ея ученію и учрежденіямъ. Это направленіе мы видимъ и теперь въ такъ называемыхъ либеральныхъ воззрѣніяхъ и отношеніяхъ къ Церкви нашихъ образованныхъ людей. Но были случаи увлеченія протестантствомъ и исключительные и особенно обнаруживающіе религіозную шаткость нашего общества и поразительную удобопреклонность его ко всякимъ новымъ и ложнымъ протестантскимъ измышленіямъ и кружкамъ. Отмѣтимъ особенно выдающіяся въ этомъ смыслѣ бывшія у насъ въ большой силѣ два общества, *масоновъ и мистиковъ*.

Исторія масонства, или общества вольныхъ каменщиковъ, извѣстна. Оно состояло изъ членовъ, раздѣлявшихся на разныя степени и получавшихъ въ каждую степень особое посвященіе съ своеобразными обрядами. Они имѣли особыя символическіе знаки, по которымъ могли узнавать другъ друга. Собранія ихъ назывались *ложамъ*. Въ этихъ собраніяхъ они занимались бесѣдами и религіозными упражненіями, которыя содержали въ глубокой тайнѣ. Въ числѣ братьевъ масоновъ состоялъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, многіе чины придворной и государственной службы, литераторы и образованные люди, каковы Новиковъ, Лопухинъ, Гамалѣя и множество другихъ. Примѣромъ этихъ передо-

¹⁾ Тамъ-же. стр. 471—475.

выхъ людей увлечены были нѣкоторые любители просвѣщенія и изъ православнаго духовенства. Главнымъ дѣятелемъ въ распространеніи масонства въ Россіи былъ нѣкто Лабзинъ. Приѣмъ, который онъ употреблялъ для привлеченія новыхъ членовъ въ масонское общество, я узналъ отъ знаменитаго современника наибольшаго развитія у насъ масонства, митрополита Филарета. Въ одномъ разговорѣ со мною почившій святитель сказалъ мнѣ: «обо мнѣ говорили, что я былъ масономъ; никогда я имъ не былъ. Лабзинъ пріѣзжалъ ко мнѣ и говорилъ: Церковь наша утратила свое вліяніе на народъ. Образуется особое религіозное общество для поддержанія благочестія въ народѣ. Я отвѣчалъ ему: если Церковь утратила вліяніе на народъ, то надобно возстановить его, а не изобрѣтать новое общество. За Церковь стоитъ Іисусъ Христосъ, а за ваше общество я не знаю, кто». Изъ немногихъ словъ Лабзина видно, что цѣлю нашихъ образованныхъ сектантовъ всегда было и есть, какъ увидимъ дальше, противодѣйствіе Православной Церкви по незнанію ея и предубѣжденіямъ къ ней. Сущность масонскаго ученія состояла въ исканіи высшаго знанія и мудрости въ мистическомъ направленіи. Правительство само разрѣшило нѣсколько масонскихъ ложъ, но замѣтивъ, что масоны стали открывать новыя ложи безъ разрѣшенія и начали вступать въ сношенія съ тайными политическими обществами и вмѣшиваться въ политику, въ 1820 году однимъ общимъ указомъ вмѣстѣ со всѣми тайными обществами запретило и масонскія ложи. Замѣтимъ, что какъ дѣятельность іезуитовъ, такъ и дѣятельность масоновъ прекращена была Высочайшею волею. Безъ этого благодѣтельнаго распоряженія мы сами, безъ сомнѣнія, не справились бы съ этимъ дикимъ и ядовитымъ насажденіемъ на нашей народной почвѣ и мы, можетъ быть, видѣли бы и теперь у себя масонскія ложи, такъ какъ за-границею масонство доселѣ существуетъ, а по неисцѣлимому недугу подражательности у нашихъ образованныхъ людей все, что есть за-границею, должно быть и у насъ.

Но несравненно болѣе зла, чѣмъ масонство, надѣлало намъ силь-

ное развитіе у насъ *мистицизма*, бывшаго душою и самаго ма- сонства. О мистицизмѣ смутныя понятія имѣеть наше образован- ное общество. Онъ въ смыслѣ благотворнаго религіознаго напра- вленія извѣстенъ въ Православной Церкви изъ глубокой древно- сти, и всегда его послѣдователи пользовались особеннымъ ува- жеціемъ. Это было ревностное устремленіе подвижниковъ къ внут- реннему непосредственному общенію съ Богомъ и приобрѣтенію отъ Его всемогущей силы и благодати высшаго духовнаго вѣдѣ- нія и особыхъ дарованій. Этотъ мистицизмъ, какъ внутреннее, тайное духовное дѣланіе, утверждался на чистомъ исповѣданіи вѣры, на благодатной силѣ Таинствъ, на точномъ и неуклонномъ исполненіи заповедей Божіихъ, на борьбѣ со всѣми страстями, на тщательномъ очищеніи сердца и помысловъ и на непрестанной умной молитвѣ. Его смыслъ и значеніе опредѣлены словами апо- стола Павла: *Ревнуйте дарованій большихъ* (1 Кор. 12, 28, 31) и обѣтованіями Спасителя: *блаженн чистиі сердцемъ, яко тии Бои узрятъ* (Матѣ. 5, 8) и *любай Мя возлюбленъ будетъ От- цемъ Моимъ, и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ* (Іоан. 14, 21). Этотъ путь проходимъ былъ подвижниками въ строгомъ по- слушаніи Церкви; они находили на немъ совершенную свободу духа, благодатныя утѣшенія, откровенія, дары вѣдѣнія, прозор- ливости и чудотвореній. Онъ былъ изученъ ими со всѣми усло- віями постепеннаго восхожденія, трудностями и опасностями. Отъ вступленія на него подвижники остерегали людей непритовлен- ныхъ и увлекающихся, обращая ихъ на общій путь христіанской жизни, а для испытанныхъ и благонадежныхъ ревнителей этого духовнаго совершенства писали опытные и подробныя наста- вленія, которыя можно назвать высочайшею духовною психоло- гіею, или наукою о развитіи въ духѣ человѣческомъ величайшихъ совершенствъ, дѣлающихъ его еще на землѣ небожителемъ. Тако- вы руководства къ подвижнической жизни греческихъ отцовъ Ма- карія Египетскаго, Исаака Сирина, Іоанна Лѣтвичича, Григорія Синаита, Симеона Новаго, и изъ нашихъ соотечественниковъ Ни- ла Сорскаго. Вотъ истинный мистицизмъ, или таинственное вос-

хожденіе христіанина къ Богу и къ непосредственному общенію съ Нимъ. Отъ этого ученія о мистицизмѣ были уклоненія въ западной церкви, отмѣченныя исторіею еще съ среднихъ вѣковъ, но совершенное искаженіе его мы видимъ въ сектахъ, развившихся изъ протестантства. Въ этомъ искаженномъ видѣ его наслѣдовали наши образованные искатели истиннаго христіанства помимо Православной Церкви.

Покровителемъ нашего мистицизма явился самъ Императоръ Александръ I. Получивъ воспитаніе подъ руководствомъ француза Лагарпа, онъ не былъ наставленъ, какъ должно, въ ученіи Православной Церкви, и не былъ съ дѣтства поставленъ подъ ея практическое руководство. Но чрезвычайно мягкосердечный и впечатлительный по природѣ, видимо взысканный въ своей царственной жизни благодѣянiami Божиими, особенно въ отечественную войну 1812 года, онъ чувствовалъ на себѣ и своемъ царствѣ особый промыслъ Божій и искалъ Бога по чувству благодарности къ Нему. Но участвуя въ богослуженіяхъ своей Церкви только по обязанности, онъ не зналъ ея духа и внутренняго устройства, и предубѣжденный противъ нея современниками, видѣлъ въ ней тоже одну внѣшнюю обрядность, сковывающую свободу духа *и въ ру сердца*. Эта-то вѣра сердца и ввела его въ знакомство съ заграничными мистиками Ю. Штиллиномъ, госпожею Криднеръ, съ моравскими братьями, квакерами и др. и открыла мистицизму доступъ въ наше отечество. Масоны первые явились проповѣдниками мистицизма, и опять самымъ горячимъ дѣятелемъ Лабзинъ. Показались переводы мистическихъ сочиненій Сенъ-Мартена, Эккартсгаузена, Штиллинга, Бема, Сведенборга, не было недостатка и въ русскихъ писателяхъ, каковы: Лопухинъ, Лабзинъ, Карнѣева, Хвостова и друг.; открыли журналъ «Сіонскій Вѣстникъ», нагруженный сочиненіями -- одно таинственнѣе другого. При первомъ возникновеніи мистицизма, не разобравъ еще его односторонности, обрадовались ему многіе изъ чисто православныхъ людей и изъ духовенства, какъ противодѣйствію духу невѣрія, распространеннаго у насъ раньше французскими энциклопедистами. Участіе въ

этомъ движеніи такихъ людей, какъ графъ Сперанскій, поддерживало довѣріе въ новому ученію. Но Сперанскій, какъ глубокой мыслитель, скоро понялъ ложное направленіе этого ученія, и отказался отъ него, такъ какъ оно отрицало участіе разума въ познаніи вѣры, слѣдовательно и важность догматовъ Церкви, искало въ Священномъ Писаніи и библейскихъ событіяхъ только таинственнаго смысла, вопреки толкованію ихъ Церковію, признавало только церковь *внутреннюю*, уничтожая церковь видимо существующую, искало пути къ общенію съ Богомъ помимо святыхъ таинствъ и безъ борьбы съ грѣхомъ и страстями, обѣщало высшее благо, какъ говоритъ профессоръ Знаменскій, «въ покоѣ созерцанія, когда душа всецѣло погружается въ таинственный божественный мракъ, равный неизреченному свѣту Божества, въ состояніе полного упраздненія человѣческой самости, или духовной нищеты, безусловно пассивнаго погруженія въ Божество и чистѣйшей любви къ Нему, безъ страха вѣчныхъ мукъ и безъ всякой мысли о своемъ вѣчномъ спасеніи» ¹⁾. Это именно то, что наши богомудрые отцы называли духовной прелестью, или самообольщеніемъ.

Ложный мистицизмъ оставилъ въ нашемъ отечествѣ неисчислимыя вредныя послѣдствія. Императоръ Александръ, увлеченный заграничными идеями объ учрежденіи универсальной религіи, которая совмѣщала бы въ себѣ христіанскія вѣрованія съ уничтоженіемъ всѣхъ вѣроисповѣдныхъ разностей, относился хладнокровно ко всѣмъ религіознымъ направленіямъ. Енязь Голицынъ, ставшій министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, окружилъ себя всякаго рода мистиками и оказывалъ покровительство всевозможнымъ сектамъ. «Библейское Общество», открытое въ 1813 году и въ началѣ оказавшее услуги Церкви распространеніемъ въ народѣ слова Божія и починомъ въ переводахъ Священнаго Писанія на русскій языкъ, вскорѣ наполнилось католиками, униатами, протестантами и всякаго рода мистиками. Состоя подъ покровительствомъ самого Государя, оно устранило Святѣй-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 482.

пшій Синодъ отъ наблюденія за распространіемъ Библіи и духовныхъ книгъ. Проповѣдуя универсальное христіанство, оно поставило себя выше всѣхъ частныхъ церквей, въ томъ числѣ и Православной, которую признавало искаженною и узкою формою христіанства. Оно рѣшилось открыть греческой Церкви ея заблужденія и оживотворить ея вѣру. Дѣятельность Общества обратилась въ настоящую пропаганду мистицизма и наполнила русскую литературу цѣлою массою мистическихъ книгъ ¹⁾. Писатели православнаго направленія, рѣшившіеся защищать отечественную вѣру противъ наплыва лжеученій, какъ ректоръ Петербургской семинаріи архимандритъ Иннокентій Смирновъ, подвергались гоненіямъ за то, какъ сказано въ одной официальной бумагѣ министерства, что защищали «наружную церковь противъ внутренней и шли противъ началъ, руководствующихъ наше христіанское правительство» ²⁾. Замѣтимъ, что и Библейское Общество закрыто было по Высочайшему повелѣнію Императора Николая I въ 1826 г.

Мистицизмъ начала нынѣшняго столѣтія былъ истиннымъ покровителемъ и магометанства, и буддизма, и раскола, и духоворства, и молобанства, и хлыстовщины, и даже скопчества, «съ внутренней его стороны, какъ сказано въ одномъ официальномъ документѣ, за исключеніемъ тѣлеснаго искаженія». Всѣ секты считаютъ это время своимъ золотымъ вѣкомъ. Слѣды этого направленія остались и по настоящее время въ нашемъ законодательствѣ относительно магометанства, буддизма и сектантства и въ дѣятельности администраторовъ, доселѣ руководящихся своеобразнымъ понятіемъ о «свободѣ совѣсти», изложеннымъ въ указѣ, изданномъ въ февралѣ 1803 года. Только одна статья этого указа отмѣняется современною практикою, именно: «чтобы священники не раздражали сектантовъ ни состязаніями, ни принужденіями, ни посѣщеніями ихъ домовъ» ³⁾.

Тяжелыя воспоминанія,—не правда-ли? Но не утѣшать насъ и

¹⁾ Тамъ-же стр. 432.

²⁾ Тамъ-же стр. 438, 439.

³⁾ Стр. 494.

современныя отношенія къ сектантству нашего образованнаго, и даже высшаго общества.

III.

Извѣстно, что изъ многихъ тысячъ русскихъ образованныхъ людей, живущихъ постоянно или подолгу за-границею, многіе, не знающіе своей церкви и предубѣжденные противъ нея, относятся съ сочувствіемъ и даже примыкаютъ къ разнымъ европейскимъ религіознымъ общинамъ. Извѣстно также, что и между живущими въ Россіи многіе раздѣляютъ взгляды и понятія о христіанствѣ, навѣяныя новѣйшими европейскими сектантами, какъ видно изъ своеобразныхъ сужденій о вѣрѣ графа Валюева, изложенныхъ въ его сочиненіяхъ субъективно-протестантскаго направленія ¹⁾. Но организованною сектою со множествомъ членовъ и ярою пропагандою выдается нынѣ между образованными людьми одна, открытая здѣсь въ Петербургѣ въ семидесятыхъ годахъ полковникомъ Палковымъ, получившая начало отъ пришельца изъ Англіи, пріѣзжавшаго просвѣщать Россію въ религіозномъ отношеніи, лорда Редстока. Эта секта извѣстна въ народѣ, по имени ея основателя, подъ названіемъ *палковщины*.

Объяснимъ ея происхожденіе изъ началъ религіозныхъ, главнѣйшіе пункты ея ученія, употребляемые ею средства пропаганды и ея значеніе для Церкви и народа.

Издавна существуетъ въ западной Европѣ особое религіозное ученіе, подъ именемъ *еософій*, т. е. богомудрія, въ противоположность «еологій» — богословію. Это ученіе протестанты направили противъ догматовъ и существующаго устройства католической церкви, а нашимъ образованнымъ обществомъ оно принято сознательно или бессознательно, какъ орудіе противъ Православной Церкви. Сущность ученія еософовъ состоитъ въ томъ, что, на основаніи ложно понятыхъ мѣстъ Священнаго Писанія, они полагаютъ, будто всякій вѣрующій во Христа имѣетъ право

¹⁾ Современныя задачи: Религія и наука 1886 г. «Часы благоговѣнія» и Wanderungen auf religiösen Gebiet von einem Ungenannten, 1885 г.

безъ посредства Церкви и ея священства входить въ общеніе съ Богомъ и получать отъ него озареніе, вѣдѣніе, учительство и другіе дары Святаго Духа. Въ этомъ смыслѣ, между прочимъ, толкуются слова пророка Іоѳія, приведенныя апостоломъ Петромъ въ его проповѣди по сошествіи Святаго Духа на апостоловъ: «излію отъ Духа Моего на всякую плоть, и будутъ пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будутъ видѣть видѣнія, и старцы ваши сновидѣніями вразумляемы будутъ» (Дѣян. 2, 17). Такъ же понимаются слова евангелиста Іоанна въ Апokalипсисѣ: *созорилъ есть насъ цари и іереи Богу и Отцу Своему* (Апок. 1, 6). На основаніи подобныхъ мѣстъ Священнаго Писанія утверждается ученіе квакеровъ, піэтистовъ, методистовъ, првингянъ. Отъ этого «богомудрія» происходитъ и пашковщина.

Сколько можно узнать изъ пѣснопѣній, извѣстныхъ подъ именемъ «Любимыхъ стиховъ», распѣваемыхъ пашковцами, изъ брошюръ, ими издаваемыхъ, и изъ намѣренно подчеркнутыхъ мѣстъ Евангелія, распространяемаго ими въ народѣ, ученіе ихъ можетъ быть изложено въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Исусъ Христосъ, совершивъ спасеніе всего человѣчества Своею крестною жертвою, спасъ насъ всѣхъ и навсегда. Съ нашей стороны, говорятъ пашковцы, ничего не требуется, кромѣ вѣры въ силу этой жертвы; никакой нравственный законъ ни къ чему насъ не обязываетъ, никакихъ дѣлъ и трудовъ отъ насъ не требуется, никакое преступленіе не можетъ отнять у насъ надежду спасенія: только вѣрь и люби Христа.

Вотъ какъ поетъ пашковецъ:

«Снявъ съ насъ закона порабощенье,
Кровь Христосъ пролилъ, вотъ въ чемъ прощенье,
Мучимъ, истерзанъ въ язвахъ, тогда!..
Насъ Онъ тѣмъ спасъ разъ навсегда!
Разъ навсегда! О, грѣшникъ, внемли ты,
Разъ навсегда! братъ! вѣрь и молись!
Иго съ тебя крестъ сниметь тогда,
Насъ Христосъ спасъ навсегда!
Свободны мы, нѣтъ намъ осужденья,
Онъ уготовалъ намъ спасенье;

«Ко мнѣ придите!» вотъ гласъ Христа,
 Вы спасены, разъ навсегда!
 Разъ навсегда!... ¹⁾

Очевидно, здѣсь смѣшиваются два понятія, первое: искупленіе и спасеніе всего человѣчества Крестною жертвою Іисуса Христа, и второе: усвоеніе лично каждымъ человѣкомъ силы крестной жертвы чрезъ возрожденіе въ таинствахъ благодатію Святаго Духа и вѣрою живою, дѣятельною, сопровождаемою исполненіемъ заповѣдей Божіихъ и нравственнымъ трудомъ очищенія сердца. Поэтому нельзя надѣяться получить спасеніе одними выраженіями благодарности и любви во Христу. Господь Самъ сказалъ: *не всякъ глаголюй Ми: Господи, Господи, увидетъ съ Царствіе Небесное, но творяй волю Отца Моего, уже есть на небесахъ* (Мат. 7, 21). *Аще кто любитъ Мя, заповѣди Моя соблюдетъ. Имъи заповѣди Моя, и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя* (Іоан. 14, 23, 21). А заповѣди Господни извѣстны: каждый вѣрующій въ Него долженъ взять крестъ евой, крестъ борьбы съ грѣхомъ и страстями, и послѣдовать за Нимъ (Мат. 16, 24); узкими вратами должно входить въ Царствіе Божіе (Мат. 7, 13) и усиліями достигать его (Мат. 11, 12). Только въ брачной одеждѣ, убѣленной слезами покаянія, можно будетъ вѣрующимъ войти на вѣчную вечерю Христову (Мат. 22, 12). Поэтому рано пѣть побѣдныя пѣсни тому, кто изъ борьбы съ своими страстями не вышелъ побѣдителемъ, и напрасно поетъ нашковецъ:

«Таковъ, какъ есмь, во имя крови
 За насъ проливой на крестѣ,
 Во имя Божьихъ призываній,
 Христось, я прихожу къ Тебѣ!
 Таковъ, какъ есмь, слѣпой и бѣдный,
 Добра не находя въ себѣ,
 За вѣрой, зрѣньемъ и прощеньемъ,
 Христось, я прихожу къ Тебѣ!
 Таковъ, какъ есмь, меня Ты примешь,
 Дашь жизнь, спасенье, миръ Твой мнѣ;
 Къ Тебѣ я прихожу, Спаситель,
 Дай мнѣ Тебя познать вполнѣ!

¹⁾ Любимые стихи, № 25.

Таковъ, какъ есмь,—Твоей любовью
 Низвергнуль Ты преграды всѣ;
 И Твой отнынѣ и во вѣки,
 Христосъ, я прихожу къ Тебѣ!

Въ этомъ дерзновенномъ порывѣ ко Христу, съ увѣренностію быть принятымъ «каковъ онъ есть», пашковецъ можетъ встрѣтить «преграду», поставленную Самимъ Христомъ, и услышать отъ Него: *друзе, како вшелъ еси стмо не имый одѣянїя брачна? Связавше руки и нозѣ, возмите его и поверзите въ тѣмную крѣпкую* (Мат. 22, 12, 13).

2) По ложному протестантскому понятію, что спасеніе достигается одной вѣрою безъ добрыхъ дѣлъ и что смертію Христовою открытъ прямой доступъ къ общенію съ Богомъ для всякаго желающаго, для всякаго грѣшника, «каковъ онъ есть», безъ посредства Церкви, пашковцы опровергаютъ Церковь со всѣми ея таинствами и учрежденіями. «О грѣшникъ, читаемъ въ одной пашковской брошюрѣ: не полагайся на твои заслуги, на твое доброе сердце, на твои добродѣтели, на твою благотворительность... Ни воспріятіе святыхъ таинствъ, ни соблюденіе наружныхъ обрядовъ, ни символъ вѣры, прочитанный устами, а не сердцемъ, ничто, даже сама Церковь, не можетъ спасти тебя!... Иные полагаются еще на своего духовника, разрѣшающаго имъ ихъ грѣхи въ таинствѣ покаянія. О заблужденіе изъ заблужденій! Духовникъ твой такой же грѣшный человекъ, какъ и ты. Онъ не можетъ спасти собственной грѣховной души, какъ же ты хочешь ожидать отъ него, чтобы онъ спасъ твою душу? Другіе обращаются съ мольбой объ ихъ спасеніи къ Ангеламъ, къ святымъ угодникамъ Божиимъ,—и это вотще ¹⁾. Не жди хожденія твоего *въ церковь* для принесенія твоей молитвы; молиться можешь ты вездѣ ²⁾. Христосъ пришелъ на землю спасти міръ отъ грѣха и смерти, и замѣнь этого требуетъ отъ насъ одной только вѣры» ³⁾. Мысли о спасеніи одною вѣрою, по силѣ

1) «Приди ко Христу», стр. 38, 39. .

2) Стр. 54.

3) Стр. 61.

заслугъ Христовыхъ, безъ добрыхъ дѣлъ, пашковцы развиваютъ на всѣ лады во всѣхъ своихъ изданіяхъ. Поэтому ихъ положительное ученіе, лишенное того содержанія, какое даетъ Православной Церкви изъясненіе всѣхъ догматовъ вѣры и закона нравственнаго,—крайне скудно. Оттого они, какъ видимъ изъ приведеннаго отрывка, тотчасъ же впадаютъ въ направленіе отрицательное, т. е. обращаются къ порицанію Церкви и къ увѣщаніямъ православныхъ, чтобы они не вѣрили тому или другому въ ея ученіи и установленіяхъ. Здѣсь пашковцы необыкновенно плодовиты, такъ какъ предметовъ, не соотвѣтствующихъ ихъ взглядамъ, въ Церкви чрезвычайно много. Ты уже спасенъ крестною жертвою Христовою, слѣдовательно тебѣ не нужны святые таинства и ихъ служители. Ты спасенъ Самимъ Христомъ, слѣдовательно тебѣ не нужно посредство святыхъ, ихъ молитвы и почитаніе ихъ. Ты спасенъ Самимъ Христомъ, слѣдовательно тебѣ не нужны никакіе подвиги борьбы съ плотію и грѣхомъ, и ты напрасно почитаешь угодниковъ Божіихъ и ихъ изображенія и проч. Они думаютъ замѣнить всѣ писанія святыхъ отцевъ и учителей Церкви тощими поученіями своихъ «боговдохновенныхъ» проповѣдниковъ и величественное богослуженіе Православной Церкви ивнѣемъ плохихъ стиховъ съ музыкою, и вмѣсто покаянныхъ и богоугодныхъ трудовъ истинныхъ христіанъ довольствуются изліаніемъ Христу своей праздною и мечтательной любви. Сколько тутъ остается христіанства?

3) Пашковцы, по примѣру европейскіихъ сектантскихъ общинъ новѣйшаго направленія, думаютъ видѣть въ своихъ самочинныхъ собраніяхъ тоже церковь. Какую же? Говорятъ: апостольскую. Какъ въ первое время по вознесеніи Христовомъ проповѣдниками вѣры были Апостолы и всѣ увѣровавшіе во Христа, а всѣмъ были раздаваемы дары Святаго Духа: такъ, говорятъ, должно быть и нынѣ, такъ и у нихъ, у пашковцевъ. Объ этомъ раздаяніи дарованій апостоль Павелъ говоритъ: «каждому дается дарованіе Духа на пользу. Одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія тѣмъ же Духомъ; иному вѣра тѣмъ же Духомъ; иному

даръ исцѣленій тѣмъ же Духомъ; иному пророчество, иному различеніе духовъ, иному разные языки, иному истолкованіе языковъ» (1 Кор. 12, 7, 10). На всѣ эти дарованія объявляютъ притязанія и пашковцы. И у нихъ есть замѣняющіе апостоловъ учителя и толкователи Писанія и пр., не слышно только, есть ли чудотворцы. Очевидно, что пашковцы, признавая свою церковь апостольскою, думаютъ возвратить то время, когда Церковь, по ихъ мнѣнію, была совершенно свободною, но въ сущности не была еще строго опредѣленною и установленною, когда, по свидѣтельству исторіи, апостолы только еще основывали и создавали вселенскую Церковь Христову, по Его обѣтованію: *созижду Церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей* (Мат. 16, 18). Изъ такого понятія пашковцевъ о Церкви апостольской слѣдуетъ заключеніе, что апостолы не успѣли исполнить повелѣнія Христова объ учрежденіи Церкви, что Церковь доселѣ еще не создана, что двѣ тысячи лѣтъ ея не было, и теперь только, по примѣру первыхъ апостоловъ, она открывається новыми апостолами. Есть ли здѣсь смыслъ? Можно не признавать истинною ту или другую церковь, то или другое христіанское исповѣданіе, но заходить такъ далеко въ борьбѣ съ существующими исповѣданіями и отрицать историческое бытіе Церкви—значить утверждать, вопреки обѣтованію Христову, что врата адовы одолѣли Церковь. Явная несообразность. Пашковскіе учителя замѣняютъ апостоловъ! Но если они знаютъ Евангеліе и Дѣянія Апостольскія, то должны знать, что апостолы—и двѣнадцать, и семьдесятъ были избраны и призваны Самимъ Іисусомъ Христомъ, что они были *самовидцами* Его (Лук. 1, 2), что они были предназначены быть *свидѣтелями* Его (Лук. 24, 48) предъ всѣмъ міромъ, что они получили непосредственно отъ Него власть *вязать и рѣшать* (Матѣ. 16, 19): знаютъ ли всѣ эти права за собою пашковскіе апостолы? Знаютъ ли они изъ Дѣяній Апостольскихъ, какъ были наказаны сыновья первосвященника Скевы за присвоеніе апостольской власти, когда, по примѣру апостола Павла, осмѣлились изгонять злыхъ духовъ именемъ Господа Іисуса, говоря: *заклинаемъ васъ Іисусомъ, котораго Павелъ про-*

повѣдуетъ. Злой духъ, читаемъ въ Дѣянїяхъ, сказалъ имъ въ отвѣтъ: Іисуса я знаю, и Павелъ мнѣ извѣстенъ, а вы кто? и бросился на нихъ человекъ, въ которомъ былъ злой духъ, и одолѣвъ ихъ, взялъ надъ ними такую силу, что они нагіе и избитые выбѣжали изъ того дома» (Дѣян. 19, 13—16). Объ этомъ фактѣ надо подумать пашковскимъ апостоламъ.

И въ своемъ ученїи о раздаянїи благодатныхъ даровъ непосредственно отъ Самого Христа каждому вѣрующему, помимо Церкви, пашковцы также противорѣчатъ Священному Писанїю и исторїи. Господь Іисусъ Христосъ, искупивши насъ и прїобрѣтши намъ право отъ Отца Небеснаго на полученїе даровъ Святаго Духа, Самъ указалъ путь, какимъ эти дары по вознесенїи Его будутъ ниспосланы на землю, и кому будетъ дарована власть раздаянїя ихъ всему роду человѣческому, всѣмъ поколѣнїямъ вѣрующихъ до конца міра. Онъ сказалъ апостоламъ предъ Своими страданїями: «Утѣшитель же, Духъ Святый, Котораго пошлетъ Отець во имя Мое, научитъ васъ всему и напомнитъ вамъ все, что Я говорилъ вамъ» (Іоан. 14, 26). Предъ Своимъ вознесенїемъ на небо Онъ повелѣлъ апостоламъ не отлучаться изъ Іерусалима и ждать исполненїя этого обѣтованїя (Дѣян. 1, 4). Оно и исполнилось въ день Пятидесятницы сошествїемъ Святаго Духа на апостоловъ, которое было сопровождаемо знаменїями и чудесами. Тогда-то апостоль Петръ и указалъ въ этомъ самомъ событїи исполненїе пророчества Іоїля: «излію отъ Духа Моего на всякую плоть», и это значило, что другаго пути къ дарамъ Святаго Духа мимо апостоловъ не будетъ. Они и были источниками этихъ даровъ во всѣхъ видахъ для всего человѣчества, сообщивъ ихъ чрезъ рукоположенїе епископамъ и пресвитерамъ. Такъ, святой апостоль Павелъ рукоположилъ во епископовъ Тимоѳея и Тита, а сіи каждый въ своей области рукоположили пресвитеровъ, для раздаянїя даровъ благодати всѣмъ вѣрующимъ чрезъ святые таинства. Такимъ образомъ Церковь стала сокровищницею даровъ Святаго Духа, которой, по слову апостола Петра, отъ божественной силы Христовой «даровано для насъ все, потребное для жизни и благочестїя»

(2 Пет. 1, 3) и всѣ освященные служители Церкви какъ первоначально получили, такъ и доселѣ получаютъ всѣ свои дарованія и права преемственно отъ Самого Иисуса Христа, какъ говоритъ апостоль Павель: «Онъ поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ пастырями и учителями, къ совершенію святыхъ для созиданія тѣла Христова», т. е. Церкви. (Еф. 4, 11. 12). Теперь спрашивается: если пашковцы вѣруютъ во Христа и спасены Христомъ, то гдѣ и какъ Христосъ сообщаетъ имъ особыя благодатныя дарованія, когда они отказываются принимать отъ Церкви начальные дары возрожденія и освященія, безъ которыхъ невозможно полученіе такихъ, которые апостоль Павель называетъ «большими» (1 Кор. 12. 31), какъ дары высшаго вѣдѣнія, пророчества и пр.? Обѣщаль ли Иисусъ Христосъ открыть чрезъ двѣ тысячи лѣтъ какому-либо апостольскому религіозному обществу особый путь для полученія даровъ Святаго Духа, оставивъ первый путь, Имъ Самимъ установленный? Значитъ, собственныя молитвы пашковцевъ и пѣніе стиховъ вновь отверзаютъ имъ небеса для особаго сошествія на нихъ Святаго Духа? Значитъ, ихъ залы, гдѣ они собираются, равнозначительны горницѣ іерусалимской? Какая дерзость! Какое самообольщеніе!

То же надобно связать и о правахъ на предстоаніе въ молитвѣ и совершеніе богослуженія. И пашковцы, вмѣстѣ съ подобными имъ еретиками, думаютъ имѣть у себя священниковъ, криво толкуя приведенныя нами слова евангелиста Іоанна: *сотворилъ есть насъ цари и іереи Богу и Отцу Своему*. По самому сочетанію этихъ словъ видно, что здѣсь изображается только особенная близость къ Богу и высокое нравственное достоинство новозавѣтныхъ вѣрующихъ, а не права священства въ собственномъ смыслѣ. Если по буквальному смыслу этихъ словъ, каждый христіанинъ можетъ быть священникомъ, то каждый можетъ считать себя и царемъ, что несогласно съ здравымъ смысломъ. Честь и права священства, по слову апостола Павла, *никто же самъ себя приемлетъ, но званый отъ Бога, якоже и Ааронъ* (Евр. 5, 4). Слѣдовательно, какъ учить Церковь со временъ апостольскихъ, толь-

ко лица правильно избранныя и рукоположенныя могутъ имѣть право священства. Мнѣ лично сказалъ родоначальникъ пашковцевъ д. Редстокъ, съ которымъ я бесѣдовалъ въ бытность здѣсь въ Петербургѣ въ семидесятихъ годахъ черезъ переводчика, покойнаго князя С. Н. Урусова: «Зачѣмъ мнѣ священникъ, когда я *самъ* могу имѣть доступъ къ Богу?» — Вотъ именно эта горделивая самость, такъ свойственная грѣшному человѣку, и устраняется божественнымъ установленіемъ церковной іерархіи, о которомъ свидѣтельствуетъ исторія Церкви. За это «мы сами» въ примѣръ послѣдующимъ временамъ и были такъ страшно наказаны Корей, Дафанъ и Авиронъ, вздумавшіе восхитить права служенія въ Скинии Свидѣнія, данныя Самимъ Богомъ Моисею и Аарону. И они, какъ пашковцы, говорили Моисею и Аарону: «полно вамъ, все общество—всѣ святые и среди ихъ Господь! почему же ставите себя выше народа Господня?» И совершился надъ ними судъ Божій, говоритъ Моисей въ книгѣ Числь, «и разверзла земля уста свои, и поглотила ихъ, и всѣхъ людей Кореевыхъ, и все имущество» (Числь, гл. 16). Отсюда пошло названіе не избранныхъ правильно священниковъ *самозванными*, и богослуженіе ихъ *самочиннымъ*. Высочайшій и единый Ходатай предъ Отцемъ Небеснымъ за всѣхъ вѣрующихъ Господь Іисусъ Христосъ—на небесахъ, но на землѣ Онъ оставилъ свою ходатайственную жертву за спасеніе вѣрующихъ въ таинствѣ Тѣла и Крови Своей и Самъ поставилъ чрезъ благодатное посвященіе особыхъ служителей для богоустановленнаго принесенія этой жертвы по чину, свято хранимому въ истинной Церкви. Посему православный священнослужитель, стоя предъ престоломъ Божиимъ, въ тайной молитвѣ, послѣ херувимской пѣни, просить Господа, чтобы Онъ пріялъ и допустилъ его совершить великое таинство не какъ достойнаго, а какъ «облеченнаго благодатію священства».

Но довольно о несообразностяхъ пашковского ученія. Обратимся къ пропагандѣ, которую они ведутъ въ народѣ.

Какъ родина, такъ и главное гнѣздо пашковщины здѣсь, въ Петербургѣ. Я здѣсь пріѣзжій человѣкъ, и живя въ провинціи, имѣлъ

смутныя свѣдѣнія о дѣятельности пашковцевъ въ здѣшней столицѣ. Но меня поразило то, что всѣ здѣшніе православные жители громко и безъ стѣсненія говорятъ о необыкновенномъ распространеніи здѣсь пашковщины не только въ сословіяхъ такъ называемыхъ образованныхъ, но и въ простомъ народѣ. Говорятъ, что здѣсь есть цѣлыя дома, принадлежащія пашковцамъ, или нанимаемые ими, гдѣ находятъ пріютъ и готовое содержаніе престарѣлые люди и дѣти, гдѣ и здоровые крестьяне, поступившіе въ секту, находятъ легкій заработокъ и хорошее жалованье. Здѣсь пашковцами открыты дешевыя столовыя, чайныя, пивныя заведенія, магазины и многочисленныя школы, гдѣ работаютъ во всю силу послѣдовательницы Пашкова. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ коня нѣтъ, но вездѣ въ большомъ количествѣ разложены брошюры и портреты Пашкова. Не имѣя съ своей стороны причины сомнѣваться въ достовѣрности этихъ свѣдѣній, я предоставляю убѣдиться въ ихъ справедливости вамъ самимъ, мои почтенные слушатели, какъ жителямъ Петербурга. Но я не могу не привести выдержки изъ записки, доставленной мнѣ по слуху, что я пишу о пашковщинѣ, одною почтенною дамою, ревнительницею Православія, госпожею Л., имѣющею около 80 лѣтъ отъ роду. Вотъ что она пишетъ: «Привыкли слѣдить и наблюдать за всѣмъ, что дорого православному христіянину, я смущена была слухомъ, что пріѣхалъ проповѣдникъ изъ Англіи, на Сергіевской улицѣ читаетъ поученія и залю всегда наполнено аристократами. Сердце мое почувало опасность. Потомъ узнаю, что Редстокъ избралъ Пашкова въ апостолы, и у него на квартирѣ каждый день собираются слушатели отъ 7 до 9 часовъ вечера. Доступъ свободный отъ генерала до мужика. Чтобы имѣть понятіе, что и какъ тамъ происходитъ, я пришла въ 6 часовъ и пріобрѣла пять книжекъ, разложенныхъ тамъ на стульяхъ. Размѣщеніе было—какъ въ театрѣ: сцена была отдѣлена рѣшеткой, и тамъ стояли два ряда кресель. Чтобы узнать, для кого такія привилегированныя мѣста, я хотѣла пройти туда, но меня не допустили и сказали, что тамъ сидятъ уже очищенные, а два ряда

передъ рѣшеткою назначены для приготовляющихся къ очищенію. Хотя это было весною, при дневномъ свѣтѣ, но окна были плотно завѣшаны и горѣла люстра. За четверть часа до выхода Пашкова, его ассистентки стали обращаться къ публикѣ съ вопросами: чувствуютъ ли сидящіе его приближеніе? Я довольно громко сказала, что ничего не чувствую, да думаю, и другіе тоже. На меня его глашатайница злобно посмотрѣла и отвернулась. Но вотъ выходитъ Пашковъ съ поникшей головой и опущенными глазами, становится къ икопитру; то подымаетъ, то опускаетъ глаза и руки, приказываетъ открыть книжки, называетъ Ѵ; я вижу причту о блудномъ сынѣ. Онъ опять продѣлываетъ ту же комедію. Я не удержалась и сказала своей сосѣдкѣ: да что это Пашковъ ломается? Но моя сосѣдка взяла меня за руку и остановила. Это, говоритъ, онъ представляетъ Христа и вдохновляется. По довольномъ вдохновеніи, онъ началъ объявлять, что Христосъ спасъ и искупилъ своими страданіями всѣхъ грѣшниковъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ, что Онъ грѣшниковъ больше любить. Я опять не выдержала и громко сказала: что же онъ не договариваетъ, что Господь съ радостію пріемлетъ грѣшника кающагося? За это многіе злобно посмотрѣли на меня уже изъ первыхъ рядовъ. Вдругъ заигралъ органъ, всѣ запѣли что-то веселое; словъ разобрать я не могла. Я встала и у дверей говорю чело-вѣку: взялъ бы ты ушатъ холодной воды, да и окатилъ бы своего сумасшедшаго барина. Выхожу на лѣстницу и вижу: направо, на большой площадкѣ, на бархатныхъ коврахъ и такихъ же подушкахъ лежатъ двѣ дамы въ бѣлыхъ пеньюарахъ. Вотъ думаю, и импровизированныя мирносицы... У подъѣзда экипажи графинь, княгинь и другихъ титулованныхъ особъ, охраняемые полиціею. Потомъ почему-то пашковцы прекратили гласныя собранія и стали дѣйствовать въ тайныхъ притонахъ. Изъ случаевъ совращенія пашковцами простыхъ людей рассказываемыхъ г-жею Л., особенно интересны три. Изъ одного бѣднаго семейства пашковцы взяли въ свой пріютъ дѣвочку. На другой день дѣвочка въ слезахъ прибѣгаетъ къ матери и говоритъ ей: «образокъ, который ты мнѣ дала и повѣсила надъ кро-

вату, какая-то дама сорвала, бросила на полъ, что то много говорила, и потомъ не знаю куда дѣвала. А одна тамошняя старушка говорить мнѣ: пока ты еще не погибла, бѣги потихоньку домой; вѣдь ты попала къ пашковцамъ». Другой случай: изъ общей квартиры, занимаемой бѣдными людьми, ушелъ куда-то жилецъ. На другой день возвращается и говоритъ своимъ прежнимъ сожителемъ, указывая на иконы: «бросьте вы эти ваши доски, и сдѣлайте, какъ я. Вчера я ушелъ отсюда оборванцемъ, а теперь, какъ видите, обутъ и одѣтъ, да еще получилъ мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ». Еще: одинъ бѣднякъ придумалъ слѣдующее средство выдти изъ нужды: написалъ одной графинѣ, что онъ пашковецъ и терпитъ крайнюю нужду. Онъ занималъ комнату подлѣ кухни и такъ какъ зналъ, что пашковцы не терпятъ иконъ, вынесъ свою икону изъ комнаты въ кухню и плотно затворилъ дверь. На другой же день пріѣзжаетъ барыня, и осмотрѣвши углы комнаты и не видя иконъ, даетъ ему 25 рублей. Не прошло недѣли, является другая и даетъ 10 рублей. Еще черезъ недѣлю является третья; но на бѣду дверь въ кухню не плотно была притворена; барыня увидѣла тамъ икону, плюнула и уѣхала.

Пропаганда пашковщины въ провинціяхъ развилась въ огромныхъ размѣрахъ. Еще въ 1876 году самъ Пашковъ началъ проповѣдь своего ученія крестьянамъ въ своемъ имѣніи Нижегородской губерніи; потомъ, въ 1882 году, разъѣзжалъ по разнымъ губерніямъ, вездѣ оставляя послѣ себя центры пропаганды подъ наблюдениемъ своихъ избранныхъ послѣдователей, сыналъ деньги, раздавалъ свои изданія. По выѣздѣ его за границу дѣло его взяли въ свои руки богатые и знатные люди и продолжаютъ его доселѣ. Разрѣшенное въ 1876 году по ихъ хотайству правительствомъ «Общество распространенія духовно-нравственнаго чтенія» послужило прикрытіемъ для распространенія Евангелія съ подчеркнутыми текстами и брошюръ съ красною печатью Общества и съ надписью: «дозволено цензурою». Въ 1875 году съ тою же цѣлью основанъ журналъ: «Рабочій», въ которомъ проводились идеи Пашкова чрезъ картины и статьи, а также чрезъ одностороннее за-

лмствованіе нѣкоторыхъ частей изъ твореній святыхъ Тихона Воронежскаго, Ефрема Сирпна, Іоанна Златоустаго и друг. Затѣмъ потекло по всей Россіи необъятное количество отдѣльныхъ брошюръ, между которыми намѣренно были раздаваемы немногія статьи безуборизненнаго содержанія, но большинство пашковскаго направленія. Мы въ настоящее время извѣстно болѣе 70-ти брошюръ подъ разными наименованіями: «Примиришь съ Богомъ», «Взприай на Іисуса», «Благородное дитя», «Врачный пиръ», «Радостная вѣсть», и друг. Есть у пашковцевъ особые книгоноши, которые, смѣшиваясь съ книгоношами, имѣющими разрѣшеніе отъ правительства, не забываютъ и пропаганды, сопровождая ея раздачу книгъ. Многія брошюры запрещены Святѣйшимъ Синодомъ, но это не останавливаетъ ихъ распространенія. Въ одной изъ южныхъ губерній благочестивый военный начальникъ прислалъ большой тюкъ съ книгами въ церковно-приходскую школу. Когда ему дали знать, что это пашковскія брошюры, запрещенныя Святѣйшимъ Синодомъ, онъ отвѣчалъ: «а я почему знаю, онѣ дозволены цензурою. Я добра желаю». Теперь можно сказать, что нѣтъ губерніи, гдѣ бы не было пашковскихъ брошюръ. Въ 1886 году были арестованы въ Сибири брошюры пашковскаго направленія, переведенныя на инородческіе языки и распространяемыя между инородцами ¹⁾.

Интересно вдуматься въ причины этой изумительной ревности пашковцевъ въ распространеніи своего ученія.

По исторіи сектантства въ христіанскомъ мірѣ видно, что нѣкоторые изъ сектантовъ доходятъ до фанатизма въ своей ревности къ распространенію своего ученія по убѣжденію въ мнимой его истинности, упорно отказываясь отъ всякаго безпристрастнаго изслѣдованія противопоставляемыхъ имъ доказательствъ; таковы наши старообрядцы. Другіе, отдѣлившись отъ своихъ прежнихъ неповѣданій, или общинъ, къ которымъ принадлежали, видя свою

¹⁾ См. Правосл. Обзорѣніе 1890 г. томъ I, стр. 495—523, 625—689. Церк. Вѣстн. 1880 г. Церк. Общ. Вѣст. 1880 г. №№ 41 и 42, Вѣра и Раз., Лист. 1886 г.

малочисленность и не чувствуя твердой почвы подъ собой, по тайному опасенію оказаться на ложномъ пути, стараются умножить число своихъ послѣдователей, чтобы успокоить себя обширнымъ распространеніемъ своей секты, думая, что вотъ-де сколько насъ прибыло: стало быть, мы истинные христіане, когда люди идутъ къ намъ такъ охотно. Не знаемъ, есть ли эти побужденія въ душахъ панковцевъ, но знаемъ, что у нихъ есть еще особенное побужденіе, свойственное именно нашимъ образованнымъ людямъ. Вспомните, чего хотѣли наши масоны. Учрежденія особаго христіанскаго общества на мѣсто Церкви, которая, по ихъ мнѣнію, утратила вліяніе на народъ. Чего хотѣли наши мистики? Учрежденія церкви «внутренней», т. е. раціональной, на мѣсто существующей видимо Церкви Православной, обремененной, по ихъ мнѣнію, внѣшними обрядами и держащей народъ въ порабощеніи своимъ учрежденіямъ и особенно духовенству. Вотъ къ этимъ то просвѣтителямъ нашего народа и освободителямъ его отъ послушанія Церкви принадлежатъ и новые ревнители о благѣ его въ образѣ панковцевъ, которые, освобождая его отъ всѣхъ внѣшнихъ подвиговъ благочестія и снимая съ него всякую отвѣтственность за грѣхи и преступленія, открываютъ ему горизонтъ свободы еще болѣе обширный, чѣмъ масоны и мистики. Эти новые просвѣтители заимствовали изъ протестантства мнѣніе, что съ прогрессивнымъ движеніемъ человѣчества къ совершенству, во всѣхъ отрасляхъ его жизни, должно быть усовершенуемо и христіанство съ учительной и нравственной стороны, что его догматы должны быть развиваемы согласно съ духомъ времени, и жизнь народовъ должна быть освобождаема отъ старинныхъ стѣснительныхъ формъ. Это такъ близко совпадаетъ съ ложнымъ философскимъ направленіемъ нашего образованія, о которомъ мы бесѣдовали прежде, что панковщина оказывается другою враждебною силою, идущею рядомъ съ первою и направляющеюся къ той-же цѣли, т. е. къ разрушенію нашей Церкви и основныхъ началъ и устоевъ нашей народной жизни. Одна идетъ съ научной, другая съ религіозной стороны. Онѣ, можетъ быть, и не чувуютъ другъ друга, но печаль-

ныя послѣдствія этого двойнаго, враждебнаго нашему отечеству движенія не трудно предвидѣть.

Но положеніе нашего отечества въ будущемъ представится намъ не только опаснымъ, но и страшнымъ. если мы вспомнимъ, что вмѣстѣ съ пашковщиною идетъ еще другое религіозное движеніе, направляемое на народъ нашъ,—это *штунда*. Пашковщина идетъ сверху, штунда снизу; но такъ какъ та и другая секта не обрядоваго (какъ расколъ), а рациональнаго характера: то въ направленіи той и другой нельзя не чувствовать участія людей высшаго разряда. Штунда, говорятъ, пошла изъ нѣмецкихъ колоній, но не крестьяне-же нѣмецкіе даютъ ей такое рѣшительное движеніе и такое быстрое распространеніе. Въ Россіи ли живущими образованными дѣятелями, или иностранными направляется штунда,—для насъ это все равно; важно существо дѣла. Штунда, какъ отрасль протестантства, болѣе близка къ нему, чѣмъ пашковщина, но для нашего народа та и другая имѣютъ одинаково развращающее значеніе. Обѣ секты отрицаютъ все, на чемъ держится вѣра нашего простаго народа,—и православныя догматы, и таинства, и почитаніе святыхъ, и проч. Для пашковцевъ вождельно, чтобы штунда распространялась (да они несомнѣнно и содѣйствуютъ этому тайными сношеніями своихъ агентовъ съ штундистами), потому что народъ, лишенный своихъ вѣрованій, легко сдѣлается и добычею пашковщины. Да и во всякомъ случаѣ пашковцу милѣе штундистъ, чѣмъ православный христіанинъ. Но штунда, какъ и пашковщина, обняла уже обширную часть Россіи: Юго-западный край, Малороссію, земли Войска Донскаго, а по послѣднимъ извѣстіямъ показала уже и въ сѣверныхъ губерніяхъ. Штундисты считаются ужь десятками тысячъ, и день ото дня становятся смѣлѣе и самоувѣреннѣе. «Вотъ», слышимъ мы въ Малороссіи говоръ простаго народа, «всѣ наши земли скупаютъ нѣмцы, вся наша сторона скоро будетъ отдана нѣмецкому царю. Когда онъ придетъ, тѣ, которые перейдутъ въ его вѣру, будутъ ему любезны и получаютъ большой надѣлъ земли, а православныхъ онъ обратитъ въ крѣпостныхъ». Такимъ образомъ штунда принимаетъ острый политическій ха-

рактерь. Распространяя подобныя басни въ народѣ, штундисты пользуются его простотою и успѣшно вербуютъ себѣ новыхъ послѣдователей. Умножаются пашковцы, умножаются братья ихъ штундисты; представимъ, что тѣ и другіе въ народѣ возобладали, что ряды истинно православныхъ людей разрѣдѣли: чѣмъ тогда будетъ русскій народъ, когда сдѣлается рационалистомъ въ религіи и перестанетъ быть православнымъ? Постараемся представить это себѣ съ возможною ясностію и вѣроятностію.

Мы всѣ надежды свои относительно такъ называемаго развитія нашего народа возлагаемъ на научное образованіе: надежда преувеличенная. Нельзя всѣ 60 милліоновъ русскаго народа обоюдою пола провести чрезъ университеты, гимназін и другія учебныя заведенія, сколько-бы мы ихъ ни настроили. Если ихъ настроимъ и сотни тысячъ, то простому народу некогда будетъ въ нихъ учиться до надлежащаго умственнаго развитія: онъ занятъ добываніемъ насущнаго хлѣба. И сельскія школы могутъ сообщать крестьянскимъ дѣтямъ начальныя свѣдѣнія—не надолго; матеріальный трудъ задавить въ нихъ всякую умственную дѣятельность. Устроить дѣло образованія милліоновъ въ духѣ нравственнаго развитія,—единого на потребу,—принялъ на Себя Самъ Господь и Спаситель нашъ. Онъ руками вѣрующихъ въ Него устрояетъ нравственныя школы въ видѣ храмовъ и опредѣляетъ къ нимъ учителей, освящаемыхъ Его благодатію для служенія Ему и охраняемыхъ отъ заблужденій познаніемъ и исповѣданіемъ чистаго ученія вѣры. Этихъ божественныхъ школъ мы нынѣ имѣемъ 38 тысячъ, кромѣ монастырей, и онѣ умножаются съ каждымъ годомъ. Здѣсь то совершается, столько нынѣ любимое, *наглядное* обученіе народа истинамъ вѣры и христіанской нравственности. Говорятъ, что народъ нашъ ничего не знаетъ изъ ученія вѣры и порабоченъ суевѣріямъ. Первое невѣрно: онъ много знаетъ, но еще болѣе *сознаетъ*; второе вѣрно, но въ этомъ виноваты мы, люди образованные, такъ какъ не обращаемъ на него надлежащаго вниманія. Что же знаетъ народъ? Въ святыхъ храмахъ онъ непрестанно слышитъ имя Божіе и въ священныхъ изображеніяхъ

видитъ дѣла Божіи, совершенныя для нашего спасенія. Онъ знаетъ Бога вездѣсущаго и всевѣдущаго, какъ видно изъ опытовъ. Когда образованный человѣкъ соблазняетъ простую душу на грѣхъ и успокоиваетъ ее тѣмъ, что никто ничего не узнаетъ, онъ къ неудовольствію своему получаетъ отвѣтъ: «а Богъ?» Когда доброму крестьянину предлагаютъ выгодное, но не честное дѣло, онъ говоритъ «грѣхъ», т. е. указываетъ на нравственное начало для охраненія отъ преступленій, которое нынѣ для многихъ образованныхъ людей потеряло всякое значеніе. Когда грозитъ бѣда, простой христіанинъ говоритъ: «Богъ милостивъ». Когда постигаетъ его несчастіе, онъ съ покорностью говоритъ: «воля Божія». Итакъ, онъ знаетъ Бога, какъ Отца Небеснаго, всеправеднаго, всеблагаго и всемогущаго, и не только знаетъ, но и имѣетъ Его свидѣтелемъ своей жизни и уповаешь на Него, какъ Промыслителя. Лишите его храма, какъ дома Бога живаго, гдѣ онъ постоянно сердцемъ чувствуетъ Его присутствіе, замѣните его сухою псколою, или мертвымъ пашковскимъ и штундистскимъ собраніемъ, вы потеряете силу, вѣдряющую въ глубину душъ христіанскихъ истинное богопознаніе; вѣра обратится въ голыя швольныя понятія, или въ отвлеченныя безкачественныя представленія.

Побужденія къ исполненію нравственнаго закона божественное училище храма не указываетъ только, а воспитываетъ, утверждаетъ въ самой душѣ, и не въ видѣ стремленія къ матеріальной пользѣ, не *въ благородномъ самолюбіи*, на которое нынѣ такъ много уповаютъ, а *въ страхъ Божіемъ*, въ памятованіи о Богѣ правосудномъ, въ просвѣтленіи благодатію Божіею совѣсти, становящейся для христіанина неотлучнымъ свидѣтелемъ и судіею всѣхъ дѣлъ его, навазующимъ за преступленія и ободряющимъ въ добромъ подвигѣ. Народъ чувствуетъ въ себѣ это начало нравственной жизни, и когда совѣсть его непокойна, идетъ къ исповѣди облегчить свою душу отъ накопившихся грѣховъ, по его характерному выраженію, — «поновиться»; идетъ и къ пріобщенію Святыхъ Таинъ, чтобы почерпнуть изъ благодатнаго источника освѣженіе и утѣшеніе для страждущей души своей. Этого духов-

наго опыта онъ не объяснить вамъ въ точныхъ понятіяхъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ христіанскаго ученія (да много ли и мы можемъ объяснить въ этомъ?), но онъ чувствуетъ, что происходитъ въ душѣ его, именно, что онъ внутренно оживаетъ и обновляется, и онъ ищетъ этой духовной пищи. какъ дитя ищетъ груди матери. Ему грѣхъ становится противенъ и страшенъ, какъ враждебная сила, разрушающая его внутренній миръ, похищая его духовное благо. Вотъ чѣмъ объясняется явленіе, которое удивляетъ нашихъ юристовъ, когда преступникъ, вопреки искусной защитѣ своего адвоката, говоритъ: «нѣтъ, я виновенъ», или, когда при недостаткѣ уликъ и при возможности скрыть преступленіе, преступникъ говоритъ: «возьмите меня, я убійца». Пашковщина и штунда разрушаютъ эти основы нравственной жизни нашего народа, отнявъ у него благодатную силу Святыхъ Таинствъ, внутрення побужденія къ добродѣтели и опыты духовной жизни. Штунда все это у него отниметъ, и ничего ему не дастъ, кромѣ отрицанія и порицанія Церкви, а пашковщина кромѣ того, совершенно отрицая необходимость добрыхъ дѣлъ для спасенія, отворяетъ народу двери ко всѣмъ преступленіямъ. Что этого надобно ждать, мы убѣждаемся поведеніемъ молодыхъ крестьянскихъ поколѣній, отвлекаемыхъ отъ Церкви разными соблазнами и удивляющихъ насъ чрезвычайнымъ умноженіемъ преступленій, и при томъ въ такихъ страшныхъ видахъ, какъ повальное пьянство, грабежи, покушенія на крушеніе желѣзнодорожныхъ поѣздовъ съ цѣлю разграбленія, отцеубійства, дѣтоубійства и пр., о чемъ прежде и слуху не было. Все это оттого, какъ говоритъ апостоль, что *нѣтъ страха Божія предъ очима ихъ* (Рим. 3, 18).

Народъ нашъ выносивъ и терпѣливъ, солдатъ нашъ удивляетъ весь міръ безропотнымъ перенесеніемъ всевозможныхъ лишеній и страданій—не по одному только природному свойству славянскаго племени, не потому только, что крестьяне наши бѣдны и отъ рожденія ведутъ суровую жизнь, а главнымъ образомъ по своему религіозному складу и настроенію. Кромѣ того, что Церковь постоянно внушаетъ ему покорность волѣ и промышленію

о насъ Божию, она обогащаетъ его благочестивымъ воспомина-
ніемъ о подвижникахъ, переносившихъ во славу Божию всякія
злостраданія. «Угодники Божіи и мученики и не то терпѣли», утѣ-
шаетъ себя русскій человѣкъ и русскій воинъ. Мнѣ скажутъ, это
идеализація русскаго народа, а я отвѣчу: нѣтъ, это его исторія.
И такой-то народъ отдается на жертву вражеской штундѣ и без-
смысленной пашковщинѣ!

Народъ нашъ любитъ свое отечество до крайняго самоотвер-
женія и самопожертвованія. Это тоже засвидѣтельствовано его
исторіею. Но глубочайшее начало этой любви лежитъ не въ при-
вязанности его къ своей территоріи, не отличающейся повсемѣст-
ными удобствами и красотой, не въ историческихъ памятникахъ
его дѣятельности, не въ монументахъ его великихъ людей, не въ
великолѣпныхъ сооруженіяхъ государственныхъ, научныхъ и ху-
дожественныхъ, а главнымъ образомъ въ церковныхъ святкняхъ,
подъ вліяніемъ которыхъ сложились его вѣрованія, его благоче-
стивые навыки, его духовныя утѣшенія и воспоминанія. Какъ мы
понимаемъ народное выраженіе: «умремъ за вѣру?» Что это? Го-
товность умереть за одну обрядовую сторону своей религіи, ко-
торую народъ такъ любитъ? Нѣтъ; здѣсь сознательно, или безсо-
знательно разумѣется вся его духовная жизнь въ совокупности—
отъ рожденія въ крещеніи, отъ воспитанія сердца съ дѣтства
подъ вліяніемъ Святыхъ Таинствъ и богослуженій—до всѣхъ его
нравственныхъ склонностей и любимыхъ добродѣтелей, до всѣхъ
его надеждъ временныхъ и вѣчныхъ.

Народъ любитъ своего царя. Въ его выраженіи готовности на
всѣ подвиги во время войны нераздѣльны слова: «за вѣру, царя
и отечество». Почему? Потому, что идея и образъ царя, власти-
теля земнаго, въ его сознаніи связаны съ вѣрою и любовію къ
Царю Небесному. «Богъ на небѣ, царь на землѣ», говоритъ на-
родъ; вотъ двѣ власти, которымъ онъ безусловно покоряется. Гдѣ
связуются эти два понятія, эти два образа? Въ Церкви, во вну-
шеніяхъ слова Божія о повиновеніи царю, въ богослуженіяхъ во
дни торжествъ за него. Воля Божія объявляется въ храмѣ съ свя-

щеннаго амвона въ Евангеліи, съ того же амвона объявляется Высочайшая воля Благочестивѣйшаго Государя Императора. Разорвите эту связь, переставьте идею о царѣ съ церковной почвы на почву свободныхъ сужденій о власти, и вотъ вамъ открытая дорога для всѣхъ внушеній демократическихъ, социалистическихъ и революціонныхъ. Законы писанные народъ нашъ мало знаетъ, всѣмъ писаннымъ распоряженіямъ правительственныхъ властей онъ повинуетъ пассивно, но слово царя, обращенное прямо къ нему и притомъ въ храмѣ Божіемъ, это слово живое, громоносное, потрясающее сердца народа и возбуждающее всѣ его духовныя силы. Вотъ потому-то и опасны не только для вѣры, но и для благосостоянія государства всѣ эти безумныя секты, что подрывая въ народѣ благоговѣніе къ Церкви и послушаніе ей, онѣ вмѣстѣ съ этимъ подрываютъ и благоговѣніе къ Церкви и послушаніе ей, онѣ вмѣстѣ съ этимъ подрываютъ и благоговѣніе къ власти Самодержавной. Пашковцы и штундисты дѣйствительно отырываютъ въ наше отечество широкія ворота, какъ говорятъ малороссы, и нѣмецкому царю, и всякому вражескому нашествію.

Теперь можно сдѣлать выводы изъ тѣхъ данныхъ, какія представляетъ намъ обзоръ движенія сектантства въ нашемъ образованномъ обществѣ почти за два послѣднія столѣтія. Эти выводы каждый можетъ обсуждать по своему, но истинно образованные православные люди, надѣюсь, со мною согласятся.

1. Неестественно положеніе народа и государства, когда образованная часть его, оторвавшись отъ народа, потеряла связь какъ съ нимъ, такъ и съ его исторіею. Какъ ни одна голова безъ тѣла, ни тѣло безъ головы не составляютъ живого организма: такъ ни высшее общество безъ народныхъ массъ, ни эти массы безъ передовыхъ сословій не могутъ удержать цѣльности и силы народной и государственной. Слѣдовательно, намъ, наслѣдникамъ ошибокъ нашихъ предшественниковъ, надобно позаботиться объ уречеваніи нашего народнаго тѣла, такъ какъ теперь мы обладаемъ всѣми необходимыми для этого познаніями и опытами, которыхъ не имѣли, или не могли имѣть наши предки.

2. Нужно рѣшить вопросъ: что лучше, и что надежнѣе, продолжать ли нашему образованному обществу увлекать миллионы нашего народа путемъ колеблющагося человѣческаго знанія и чуждыхъ религіозныхъ вліяній въ это мертвое море невѣрія и въ эти дебри сектантства со всѣми ихъ искаженіями въ умственномъ и нравственномъ отношеніи; или ему самому, этому образованному обществу, возвратиться къ историческимъ началамъ жизни всего русскаго народа и вообще въ общеніе съ тѣми духовными силами, которыя онъ сохранилъ доселѣ?

3. По современному положенію всѣхъ образованныхъ народовъ и опытамъ послѣдняго времени мы можемъ видѣть, что какъ невѣріе, такъ и религіозная рознь уже и принесли много, и въ будущемъ принесутъ еще больше зла и бѣдствій всякаго рода, вездѣ, гдѣ развились эти нравственныя язвы человѣчества. Слѣдовательно, обращеніе къ вѣрѣ и единству возрѣній какъ научныхъ, такъ и религіозныхъ составляетъ необходимое условіе цѣлости и жизнненности народовъ и государствъ. Это убѣжденіе должно стать въ основаніе всѣхъ нашихъ взглядовъ и сужденій о нашемъ благѣ и народномъ преуспѣяніи.

4. Надобно искренно сознаться, что наши образованные люди перестали понимать свой народъ, а народъ съ своей стороны пересталъ довѣрять имъ. Разъяснить всѣ недоразумѣнія и разсѣять недовѣріе—наша прямая обязанность. А самый прямой путь къ этой цѣли есть возвращеніе въ лоно Православной Церкви всѣхъ, кто подъ чуждымъ вліяніемъ и по собственной небрежности отдѣлился отъ нея. Изучать основныя черты нашего народа—значитъ придти къ Православной Церкви, возвратиться въ Церковь, значитъ не только приобрѣсть правильный взглядъ на народъ, но и войти въ живой, духовно нравственный союзъ съ нимъ.

5. А для этого нужно оставить эти легкомысленныя отношенія къ Церкви, которыя нерѣдко дѣлаютъ нашихъ образованныхъ людей похожими на уличныхъ мальчишекъ, бросающихъ камнями въ грандіозное зданіе и сбивающихъ его художественныя украшенія. Вы отыскиваете въ землѣ съ великими трудами и издержками памятники

древней цивилизаціи; вы разрываете мертвые курганы и съ торжествомъ извлекаете изъ нихъ всякую затхлую ветошь, но изъ остатковъ разрушенія и смерти нельзя извлечь жизни. Вы обратитесь къ жизни истинной, которую дало и даетъ міру христіанство. Вы полагаете, что мы высказываемъ только личные мнѣнія извѣстной партіи, какъ вы привыкли думать, и защищаемъ только свои взгляды и симпатіи; напрасно. Не отвергайте того, чего не знаете, и не унижайте того, чего не понимаете; это не научно. Обратитесь къ изученію Божественнаго Откровенія, углубитесь въ исторію Православной Церкви, рассмотрите ея нетлѣнные памятники и не ветшающія учрежденія, и вы поймете, какого умственного свѣта и какой жизни вы себя лишаете. А при этомъ изученіи поставьте принципомъ, въ истинѣ котораго потомъ убѣдитесь, что Православную Церковь трудно понять съ точки зрѣнія инаго исповѣданія и тѣмъ болѣе разнообразныхъ сектъ. Напротивъ, только съ точки зрѣнія Православной Церкви, какъ съ вершины, видны всѣ кривые пути, на которые уклонились католичество и протестантство со всѣми происшедшими отъ послѣдняго безчисленными сектами. Тогда только вы поймете неизреченную милость Провидѣнія Божія къ нашему народу, призвавшаго его въ свою истинную Церковь и удостоившаго его послужить ея сохраненію и распространенію; поймете и то, почему мы обладаемъ такою необъятною территорією, и отъ чего народъ нашъ занялъ такое высокое положеніе между другими народами и пріобрѣлъ такое міровое значеніе. Вы поймете, что Богъ былъ съ нимъ и Богъ его возвеличилъ.

6. Но въ этомъ случаѣ наши образованные люди пожалѣютъ только себя, такъ какъ сами обратятся на истинный путь. Но они должны пожалѣть и народъ, разлагаемый, какъ мы видимъ, безчисленными сектами, и притомъ въ послѣднее время развращаемый вредными мыслями и дурными примѣрами тѣхъ же ложно образованныхъ людей. Для прекращенія этого зла нужно нашему просвѣщенному обществу прежде всего отрѣшиться отъ двухъ ложныхъ понятій, *о свободѣ совѣсти и о всепрощающей*

любви. Нельзя признать право на распространеніе всѣхъ возможныхъ сектъ и заблужденій по принципу свободы совѣсти въ томъ смыслѣ, какъ у насъ затвердили его съ чужого голоса, справедливо признавая, что совѣсть *неприкосновенна*, но не понимая того, что тамъ, гдѣ они хотятъ видѣть и признать свободу совѣсти, *ея вовсе нѣтъ*. Истинное ученіе о свободѣ совѣсти принадлежитъ святому апостолу Павлу (1 Коринѣ. 10, 23—30) и отъ него усвоено Православною Церковію. Вотъ въ чемъ оно состоитъ: совѣсть, какъ чувство и сознание состоящей благопріятныхъ и тягостныхъ, испытываемыхъ человѣкомъ по совершеніи добра или зла, есть естественный нравственный законъ, сохранившійся и послѣ паденія человѣка въ его природѣ. Это сознание и чувство просвѣтляется познаніемъ закона богооткровеннаго, благодатію Божіею и нравственнымъ трудомъ. Чѣмъ яснѣе и чище становится совѣсть, тѣмъ она чувствительнѣе къ впечатлѣніямъ добра и зла, тѣмъ строже различаетъ и тѣмъ рѣшительнѣе принимаетъ добро и отвергаетъ зло. Когда человѣкъ нравственнымъ трудомъ и очищеніемъ сердца воплощаетъ въ себѣ законъ Христовъ, и когда совѣсть и ея велѣнія становятся *тождественными съ закономъ Христовымъ*: тогда человѣкъ получаетъ право и *свободу*, безъ опасенія нарушить заповѣдь Божию, дѣйствовать по своей совѣсти; тогда онъ можетъ дозволять себѣ примѣненіе закона къ частнымъ случаямъ жизни, и опредѣленіе взаимныхъ отношеній христіанскихъ обязанностей не по буквѣ, а по духу закона; тогда онъ дѣйствуетъ по *свободѣ совѣсти*. Итакъ, свобода совѣсти есть высшее совершенство христіанина, котораго нельзя признать за всякимъ человѣкомъ безъ разбора. У того, кто грѣшитъ безъ страха отвѣтственности, совѣсть *туна*, или, какъ говоритъ апостоль Павелъ, *сожжена* (1 Тим. 4, 2); кто фанатически преслѣдуетъ разномыслящаго съ нимъ человѣка, у того совѣсть *искажена*; кто позволяетъ себѣ извороты и предлоги для уклоненія отъ исполненія обязанности, или для борыстныхъ цѣлей, ложно толкуетъ законъ, у того совѣсть *фальшива*, или, по церковному выраженію, *лукава* и т. под. Какъ же можно уступить принципъ свободы со-

вѣсти, или дать право дѣйствовать по *своей* совѣсти и пзувѣру, и фанатику, и разбойнику? Ихъ совѣсть, напротивъ, требуетъ пробужденія, оживленія, *освобожденія* отъ подавляющихъ ее ложныхъ мыслей, пороковъ и страстей. Итакъ, признавайте за всякимъ человекомъ, какъ существомъ свободнымъ, свободу мысли (но безъ права публичнаго выраженія всякой ложной мысли), свободу выбора, свободу дѣла, свободу жить, или умереть, свободу спастись, или погибнуть, но никакъ не *свободу совѣсти*.

Подобныя же ложныя мысли господствуютъ въ нашемъ образованномъ обществѣ и относительно христіанской любви. Основываясь будто бы на Евангеліи, проповѣдуютъ любовь безграничную, всепрощающую, все терпящую. Но такихъ свойствъ слово Божіе не приписываетъ и безконечной любви Божіей. И эту всеобъемлющую любовь оно изображаетъ не только благотворящею, долготерпящею и милующею, но и благопримыслительною, слѣдовательно испытующею, угрожающею и наказующею людей для ихъ спасенія. Для нашей же ограниченной любви указаны Самимъ Христомъ Спасителемъ два вида ея проявленія: любовь естественная, когда мы, по слову Христову, *любимъ любящихъ насъ*. (Матѳ. 5, 46), т. е. тѣхъ, которые намъ пріятны; и любовь *какъ долгъ* и обязанность, по которой, какъ по заповѣди Божіей, мы должны дѣйствовать не по чувству, а по закону или по долгу любви и тогда, когда намъ это тяжело и непріятно: «любите враговъ вашихъ, благословляйте ненавидящихъ васъ, молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ». (Матѳ. 5, 44). Въ этой дѣятельности по *долгу любви* Господь указалъ намъ путь къ пріобрѣтенію истинной божественной любви, уподобляющей насъ Отцу нашему Небесному, *иже солнце свое сіяетъ на злыя и благія и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Матѳ. 5, 45), и дѣйствующимъ по этому долгу любви онъ далъ высокое обѣтованіе: *будете сынове Вышняго* (Лук. 6, 36). Вы не можете обнять съ чувствомъ любви убійцу, у котораго еще не обсохла на рукахъ кровь; вы не можете хладнокровно и безъ раздраженія говорить съ дерзкимъ и упорнымъ сектантомъ: не беритесь же дѣйствовать по отно-

шенію къ нимъ съ вашею широкою, всепрощающею любовію (которая большею частію ограничивается однимъ словомъ), а поступайте съ ними *по дому любви*, хотя и вопреки своему чувству: жалѣйте о заблуждающихъ и порочныхъ, будьте снисходительны къ нимъ, но не уклоняйтесь отъ мѣръ исправленія и ограниченія ихъ, отъ предосторожностей относительно ихъ для охраненія отъ ихъ вреднаго вліянія людей честныхъ и здравомыслящихъ. Это и значитъ дѣйствовать по закону *истинной любви*.

7) Еще надъ умами нашихъ образованныхъ людей тяготѣетъ ложное мнѣніе о мирѣ христіанскомъ, объ осторожности относительно пновѣрцевъ и сектантовъ изъ опасенія раздражить умы и страсти и произвести въ обществѣ смуты и безпорядки. И здѣсь смѣшеніе двухъ христіанскихъ понятій: о мирѣ внѣшнемъ, и духовной ревности по вѣрѣ православной. Относительно внѣшняго мира апостоль Павелъ говоритъ: «если возможно, съ своей стороны, будьте въ мирѣ со всѣми людьми» (Рим. 12, 18). А относительно ревности по вѣрѣ Самъ Господь сказалъ: «не думайте, что я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ» (Мат. 10, 34); «Огонь пришелъ Я низвести на землю: и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся» (Лук. 12, 25). Это мечъ духовный, это огонь ревности и борьбы вѣрующихъ за божественную истину съ человѣческими заблужденіями. Его мы видимъ въ широкое пламени въ первенствующей Церкви и въ цвѣтушіе вѣка христіанства. Гдѣ законное поприще этой борьбы?—Въ области мыслей, ученія, преній, нравственныхъ подвиговъ для защиты вѣры и побѣжденія противниковъ. Эта борьба, по слову Спасителя, простирается не только на всѣ христіанскія общества, но и на семейства. «Я пришелъ, говоритъ Господь: разделить челоуѣка съ отцемъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣтку съ свекровью ея. И враги челоуѣку домашніе его» (Мат. 10, 35, 36). И это мы видимъ въ древней Церкви, когда язычники отдавали женъ и дѣтей своихъ на мученія за исповѣданіе имени Христова, а эти послѣднія шли на страданія съ молитвою на устахъ за своихъ гонителей. Что же изъ этого слѣдуетъ?—Это

значить, не измѣняй своимъ христіанскимъ убѣжденіямъ ради какихъ либо человѣческихъ привязанностей и выгодъ; стой за нихъ крѣпко; возвѣщай и защищай ихъ гласно всею силою мысли и слова, но не нарушай мира во внѣшнихъ отношеніяхъ, соблюдай предъ всѣми обязанности христіанской любви; а когда ты не частный человѣкъ и обязанъ защищать въ своемъ лицѣ права своего общественнаго положенія и власти, тогда дѣйствуй, какъ христіанинъ съ *свободною совѣстію*, умѣющей примирить обязанности любви съ правами власти. Вотъ истинныя понятія о совмѣщеніи ревности по вѣрѣ съ соблюденіемъ мира въ христіанскомъ обществѣ. Непониманіе этихъ истинъ, происходящее отъ незнанія православнаго ученія вѣры и произвело у насъ этотъ индифферентизмъ, этотъ застой, этотъ нравственный сонъ, о которомъ говоритъ Спаситель: «Когда люди спали, пришелъ врагъ хозяина поля, и посѣялъ между пшеницею плевелы, и ушелъ», (Мат. 13, 25). Вотъ теперь, проспавши время, когда нужно было оберегать ниву Божию (въ чемъ вповны и мы, и вы), и радуйтесь на всѣ эти плевелы ложныхъ научныхъ воззрѣній, религиозныхъ заблужденій и безчисленныхъ сектъ, заплонившихъ наше отечество.

8. Согласно съ истиннымъ ученіемъ о свободѣ совѣсти и христіанской любви, и начальники христіанскіе не должны смотрѣть, сложа руки, на распространеніе у насъ сектъ, а мѣрами, дозволенными закономъ, по слову апостола Павла, «вразумлять безчинныхъ» (1 Сол. 5, 14), «заграждать уста пустослововъ» (Тит. 6, 10, 11), удалять «смущающихъ» Церковь Божию (Гал. 1. 7). Къ несчастію нашему, многіе изъ нашихъ администраторовъ европейскаго образованія не только пропитаны индифферентизмомъ и съ пренебреженіемъ относятся къ своей Православной Церкви, но съ какимъ-то злорадствомъ смотрятъ на распространеніе у насъ сектъ. Я говорю это не съ вѣтру, а на основаніи точныхъ свѣдѣній, говорю открыто, потому что явное зло требуетъ и гласнаго обличенія. Посудите сами, можно ли слышать безъ сердечной боли отвѣтъ одного провинціальнаго губернатора, конечно, православнаго,

на просьбу помочь въ борьбѣ со штундой. «Что-же? говорить губернаторъ, штунда все-таки рациональное ученіе, не то, что наше грубое, погрязшее въ обрядности, православіе». Итакъ, онъ, бѣдный, плаваетъ въ области рациональныхъ воззрѣній, и не успѣлъ въ теченіи своей жизни, до занятія своего высокаго поста, проникнуть въ Православіе дальше его внѣшней обрядности.

9. Есть еще предубѣжденіе у нашихъ образованныхъ людей, и даже власть имѣющихъ, о которомъ даже и разсуждать совѣстно. Говорятъ: сектанты лучше живутъ; у нихъ больше порядка, трезвости и довольства, чѣмъ у православныхъ. Слѣдовательно, не надобно и заботиться объ уничтоженіи сектантства; слѣдовательно, чѣмъ больше будетъ у насъ сектъ, тѣмъ больше будутъ обезпечены порядокъ и благосостояніе въ нашемъ отечествѣ. Ужъ не раздѣлить ли нашу Православную Церковь на секты по принципу, чтобы чрезъ улучшеніе быта въ отдѣльныхъ частяхъ государства устроить общее его благо? Но не выходитъ ли изъ примѣровъ лучшаго порядка у сектантовъ, чѣмъ у православныхъ, совсѣмъ иное заключеніе? Оно дѣйствительно и выходитъ. Вожаки сектантовъ умѣютъ держать въ рукахъ своихъ послѣдователей, а наши администраторы въ отношеніи къ народу этого дѣлать не умѣютъ. У сектантовъ руководители и начальники единомысленны съ своими и во всемъ подають имъ примѣръ, а у насъ все врознь глядятъ. Коноводы сектантовъ все, что вредитъ ихъ сектѣ, быстро и рѣшительно устраняютъ, ничѣмъ не затрудняясь и ничего не жалѣя; у насъ же, напримѣръ, объ уменьшеніи кабаковъ, о закрытіи торговли и ярмарокъ по праздникамъ—поговорятъ, да и перестанутъ; потому что тутъ, видите, есть опасеніе повредить промышленности и народному труду, какъ будто нравственный вредъ не заключаетъ въ себѣ началъ всякаго зла и всякаго разоренія. Наконецъ, въ какой религіозной сектѣ вожаки позволяютъ своимъ послѣдователямъ такія увеселенія, какъ спектакли подъ праздники, скандальныя оперетки, публичныя развратныя гульбища? Разница между сектантами и нами состоитъ въ томъ, что расколоучители, предводители молоканства, духоборства, хлыстов-

щны, шалопутства и проч. охраняютъ членовъ своей секты съ заботливостью и строгостью, а мы сами развращаемъ народъ. Различны причины, различны и послѣдствія.

10. Послѣднее слово. У насъ привыкли всѣ борьбу съ сектами возлагать на одно духовенство: справедливо-ли это? А христіанское общество? А просвѣщенные христіане? Они будутъ только плодить заблужденія, а борьбу съ сектантствомъ и даже съ ними самими предоставлять духовенству? Если бы въ первые вѣка христіанства общество предоставляло борьбу съ язычествомъ и христіанскую проповѣдь однимъ только пастырямъ Церкви, которыхъ было мало для всего міра, міръ не былъ бы просвѣщенъ христіанствомъ. Но тогда все горѣло огнемъ ревности по вѣрѣ; не только изъ пастырей Церкви, но и изъ мірянъ были великіе учителя и писатели, и духовные поэты, обогатившіе Церковь своими пѣснопѣніями. Тогда и на пастырское служеніе шли свѣтскіе люди съ великими талантами и образованіемъ. Нынѣ мы, служители Церкви, остаемся еще въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ положеніи духовенства прошлаго столѣтія: мы доселѣ остаемся скученными въ одномъ сословіи; къ намъ не притекаютъ дарованія, а уходятъ отъ насъ. Какъ же возлагать на насъ однихъ борьбу съ этимъ страшнымъ наплывомъ невѣрія и сектантства! Только въ послѣднее время стали у насъ появляться сочиненія немногихъ благочестивыхъ свѣтскихъ писателей въ защиту Церкви отъ заблужденій; стали показываться примѣры вступленія въ духовное званіе свѣтскихъ молодыхъ образованныхъ людей: съ радостью привѣтствуемъ эти отрадные явленія. Не дастъ ли Господь нашему отечеству опять увидѣть то счастливое время, когда въ чинъ служителей Церкви вступали и бояре, и дворяне и совершали великіе подвиги за православную вѣру и отечество?

Въ заключеніе, пожелаемъ, чтобы наши образованные люди вѣрно понимали и принимали къ сердцу интересы Церкви, чтобы перестали отдавать всѣ свои таланты на служеніе наукѣ и искусствамъ, а посвящали ихъ и на служеніе Богу, чтобы не увлекались чужими взглядами, а безпристрастно и честно относились

къ изученію своей родной вѣры и входили и мыслию и дѣломъ въ живое общеніе съ Православною Церковью. Тогда поймутъ они вѣрно свой народъ и его истинныя нужды, а народъ съ радостью увидитъ ихъ въ своей средѣ. Тогда и духовенство наше найдетъ въ нихъ себѣ дѣятельныхъ сотрудниковъ и помощниковъ и поощрительные примѣры въ дѣлѣ защиты и охраненія нашей вѣры и Церкви. Воздохнемъ и къ Господу, да призритъ Онъ милостиво на скорби Своей Церкви и уврачуеетъ нравственные недуги нашего отечества.

САМООПРАВДАНИЕ ИЛИ САМООБВИНЕНИЕ?

(Отвѣтъ князю С. Трубецкому и редакціи „Православнаго
Обозрѣнія“).

Князь Сергѣй Трубецкой уже дважды касался нашего разбора его книги «Метафизика въ древней Греціи», — разъ — въ краткомъ письмѣ, помѣщенномъ въ одномъ изъ февральскихъ номеровъ «Новаго Времени», другой разъ — въ «Православномъ Обозрѣніи» (Мартовская книжка) ¹⁾. Оба раза князь Трубецкой обвиняетъ насъ въ «недобросовѣстности», «ненаучности», «незнаніи ни археологіи, ни міеологіи, ни исторіи», уличаетъ насъ даже въ неправославіи, искаженіи его мыслей, утверждаетъ, что въ нашей рецензіи его книги ему приписываются (будто бы) опровергаемыя имъ мнѣнія и нелѣпости, цитаты изъ его книги приводятся (будто бы) умышленно въ такомъ порядкѣ, чтобы совершенно извратить «тенденцію» его труда, наконецъ, весь нашъ разборъ его книги пересыпанъ (будто бы) грубыми и наивными ошибками, недостойными и лживыми подозрѣніями и т. д. и т. д. Отвѣтъ въ такомъ духѣ со стороны Трубецкаго на нашъ разборъ его книги, заносчивость и раздражительность молодого ученаго намъ совершенно понятны. И мы прошли бы его полнымъ молчаніемъ, если бы въ это дѣло не вмѣшалась еще редакція «Православнаго Обозрѣнія».

¹⁾ Въ этомъ журналѣ онъ помѣстилъ свой «отвѣтъ» намъ подъ такимъ заглавіемъ: «Мнимое язычество или ложное христіанство?»

Въ V главѣ своего «отвѣта» (стр. 24) Трубецкой говоритъ: «я по чистой совѣсти считаю полемическіе приемы отца Буткевича глубоко несогласными съ требованіями общественной нравственности и съ церковно-общественными интересами». Мы же *по чистой совѣсти* утверждаемъ совершенно противное: мы взяли за разборъ книги Трубецкаго, и посвятили ей, быть можетъ, болѣе вниманія, чѣмъ сколько она заслуживаетъ, именно ради той же самой *общественной нравственности и церковно-общественныхъ интересовъ*. Трубецкой называлъ свою книгу «*Метафизикою въ древней Греціи*», — предметъ, на который обращается особенное вниманіе въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Мы считали своею *нравственною обязанностію* отмѣтить ея крайніе и односторонніе взгляды, чтобы легче было въ ней разобраться молодымъ людямъ, готовящимся къ духовному званію. Своимъ вмѣшательствомъ «Православное Обзорѣніе» теперь совершенно измѣняетъ положеніе дѣла. Если бы редакція этого журнала только дала мѣсто отвѣту Трубецкаго, она поступила бы, конечно, весьма благородно, — благороднѣе, по крайней мѣрѣ, тѣхъ свѣтскихъ періодическихъ изданій, которыя, помѣщая клевету одного, отказываются помѣщать у себя оправданія другого. Но редакція «Правосл. Обзор.» сдѣлала, къ сожалѣнію, гораздо большее. Она отъ себя еще предупредила своихъ читателей, что помѣщаетъ отвѣтъ Трубецкаго потому, что въ нашихъ критическихъ замѣчаніяхъ *изверщены* его «научныя убѣжденія и взгляды»; взведены на князя «*несправедливыя нареканія*». Но «Прав. Обзор.» — органъ одобренный для духовно-учебныхъ заведеній; слѣдовательно, опираясь на его авторитетъ, воспитанники нашихъ духовно-учебныхъ заведеній съ спокойною совѣстію могутъ принимать за непреложную истину все, высказанное въ книгѣ Трубецкаго. Но кто читалъ эту книгу, тотъ глубоко поскорбитъ за наши «*церковно-общественные интересы*» ... Вотъ единственное обстоятельство, которое заставляетъ насъ обратить вниманіе на «отвѣтъ» Трубецкаго и снова пересмотрѣть тѣ положенія, которыя выведены нами въ нашемъ разборѣ его книги «*Метафизика въ древней Греціи*».

Въ своемъ «отвѣтѣ» намъ Трубецкой пишетъ: «издавая мою книгу, я чистосердечно думалъ, что служу этимъ (т. е. церковно-общественнымъ) интересамъ» (стр. 24). Мы ни на одну минуту не сомнѣвались въ добрыхъ намѣреніяхъ князя. Но что такое, сами по себѣ, эти намѣренія? Мы увѣрены, что и Соловьевъ, и Толстой думаютъ служить только одному благу общества... По нашему мнѣнію, вся вина должна пасть не на злонамѣренность, а на ненаучность метода, избраннаго княземъ Трубецкимъ. Источники, которыми онъ пользовался, не были предварительно подвергнуты имъ надлежащей критикѣ, не была очищена въ нихъ правда отъ лжи, не былъ установленъ надлежащимъ образомъ критерій истины. Источники для изученія греческой мѣологии требуютъ особенно внимательнаго отношенія къ нимъ: 1) «Въ Греціи, какъ справедливо замѣчаетъ Целлеръ ¹⁾, собственно, никогда не было общепризнаваемаго религіознаго ученія»; 2) «Древнѣйшія» составныя части греческой теогоніи, по словамъ того же ученаго ²⁾, въ послѣдствіи были такъ сильно переработаны, расширены и измѣнены, что та теогонія, содержаніе которой мы знаемъ, разсматриваемая какъ цѣлое, должна быть признана дѣломъ послѣднихъ столѣтій предъ Р. Х. Первое положительное свидѣтельство о ея существованіи находится въ псевдоаристотелевскомъ сочиненіи о мірѣ, появившемся, или послѣ христіанскаго времясчисленія, или незадолго предъ нимъ». 3) Гомеру и Гезіоду не довѣряли сами греки; 4) орфики, которыми Трубецкой пользуется особенно часто и на основаніи ученія которыхъ онъ дѣлаетъ по преимуществу тѣ выводы, которые не могутъ быть названы вѣрными, менѣе всего заслуживаютъ довѣрія: а) потому, что позднее происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, по серьезнымъ изслѣдованіямъ Г. Германа и Ф. Якобса, не подлежатъ никакому сомнѣнію (есть орфическія эпопеи, написанныя во 2 и даже 4 вѣкѣ

1) Die Philosophie d. Griechen. 1-^{te} Th. 1869, стр. 46. Трубецкой не признаетъ за нами никакой учености и мы поэтому будемъ намѣренно ссылаться на авторитеты другихъ.

2) Ibid. стр. 84.

по Р. Х.); б) потому, что именно орфики больше всего подвергались вліянію не только восточныхъ, но и еврейскихъ воззрѣній; извѣстно, съ какою ревностію по освобожденіи изъ плѣна «іудей разсѣянія» старались распространять свое ученіе среди язычниковъ и какимъ характеромъ отличалась ихъ пропаганда; увѣренность въ томъ, что они одни хранятъ божественную истину, заставляла ихъ навязывать свое міровоззрѣніе язычникамъ Египта, Малой Азіи и Греціи. «Опытъ іудейскихъ писателей учить, — говоритъ Гаусратъ ¹⁾, — что когда ихъ апологетическія сочиненія не были читаемы языческою публикою, они прибѣгали къ подлогамъ, влагая свои монотепстическія мысли и мессіанскія ожиданія своей религіи въ уста самыхъ языческихъ авторитетовъ. Для такихъ религіозныхъ темъ пользовались они миѳическимъ пѣвцомъ *Орфеемъ*“ и т. д. 5) Тотъ же ученый подробно раскрываетъ предъ нами, съ какою любовію послѣ походовъ Александра Македонскаго греки усвоили іудейскія воззрѣнія ²⁾. Въ виду сказаннаго каждому изслѣдователю греческой религіи и миѳологіи предварительно безусловно необходимо подвергнуть строгой критикѣ свои источники, чтобы дѣйствительныя воззрѣнія грековъ выдѣлать отъ заимствованныхъ и не отождествлять ихъ съ богооткровенными истинами, иначе все изслѣдованіе будетъ произвольно, оно будетъ основываться на однѣхъ только случайностяхъ и его выводовъ предусмотрѣть никто не въ состояніи. Такимъ отсутствіемъ научнаго метода отличались западно-европейскіе писатели еще задолго до Трубецкаго; укажемъ хотя, на примѣръ, изъ французовъ на Эмиль Бюрнуфа, изъ нѣмцевъ — на Ричарда фонъ-деръ-Альма, обратившихъ въ язычество какъ іудейство, такъ и *все* христіанство ³⁾.

1) Neutestamentliche Zeitgeschichte. 2.ter Th., 2.te Aufl. 1875, стр. 99—100. Не надо забывать, что въ греко-римскомъ мірѣ не считалось особенно преступнымъ проводить свои мысли, навязывая ихъ какому-либо древнему авторитету. Вспомнимъ только, какою грозною рѣчью разразился Цицеронъ противъ П. Ватинія за то, что послѣдній подъ именемъ Пнеагора выдавалъ каждую свою нелѣпость. Cic. in Vatin. VI, 14.

2) Ibid. стр. 91—195.

3) Вотъ, на примѣръ, выводы, къ которымъ пришелъ *Фонъ-деръ-Альма* (въ книгѣ

Совершенно противоположныхъ результатовъ достигали ученые, подвергавшіе предварительно строгой критикѣ тѣ источники, на основаніи которыхъ обыкновенно судятъ о языческихъ религіяхъ. Вотъ что говоритъ, напр., Фолькмаръ ¹⁾; «Благодаря болѣе основательной критикѣ стало дѣйствительно несомнѣннымъ, что въ древнѣйшемъ христіанствѣ нельзя найти никакого слѣда отъ эллинизма, синкретизма... Отецъ христіанства есть только единый, живой Богъ Израиля».

Обратимся теперь къ тѣмъ возраженіямъ, которыя дѣлаетъ князь Трубецкой противъ нашего разбора его книги.

«Отвѣтъ» Трубецкаго состоитъ изъ двухъ частей: самооправданія князя Трубецкаго и обвиненія насъ въ искаженіи его научныхъ и православно-христіанскихъ убѣжденій.

Что касается самооправданія князя, то мы отъ души были бы рады, если бы Трубецкой доказалъ намъ, что мы ошиблись

Theologische Briefe): 1) ученіе ветхозавѣтной Библии заимствовано изъ религіи Зороастра (B. 1. Brief 1.); 2) ветхозавѣтные іудеи были политеистическими идолопоклонниками (Brief 8); 3) вся ветхозавѣтная исторія отъ Адама до Моисея—вымысль (Brief 9); 4) Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ суть лица финикійской или ханаанской мифологіи, именно—одичетворенныя звѣзды созвѣздія Оріона (Brief 10); 5) рассказъ о борьбѣ Іакова съ Іеговою также заимствованъ изъ финикійской мифологіи (ibid.); 6) Сынъ Іакова Іосифъ—финикійскій Адонисъ (ibid.); 7) Моисей—бѣглый египетскій жрецъ (ibid.); 8) брата своего Аарона Моисей самъ принесъ въ жертву, зарѣзавъ его своими руками (Brief. 11); но впослѣдствіи евреи также поступили и съ самимъ Моисеемъ (ibid.); 9) еврейскіе пророки ни чѣмъ не отличаются отъ пророковъ египетскихъ, вавилонскихъ, персидскихъ, сирійскихъ, финикійскихъ, арабскихъ; 10) первоначально евреи поклонялись только камнямъ (Brief 10), въ Египтѣ вмѣстѣ съ туземцами поклонялись уже солнцу (Brief 14); 11) бѣглый египетскій жрецъ Моисей научилъ ихъ поклониться миданитскому Богу—Іеговѣ; этого Бога въ видѣ статуи евреи повсюду носили съ собою въ особомъ ковчегѣ, а во время стоянокъ они поставляли его на крышѣ ковчега; но рядомъ съ Іеговою у евреевъ были еще боги: а) Авраамъ или Сатурнъ, б) Вааль, в) Молохъ, г) Ашера и д) Астарта; кромѣ того они поклонялись еще различнымъ алокалентическимъ «животнымъ»—херувимамъ, серафимамъ и т. д. (ibid.); 12) служеніе Іеговѣ заимствовано изъ греческихъ мистерій въ честь Діониса (Brief 15); 13) ветхозавѣтныя жертвы суть кормленіе кровожаднаго бога—Іеговы; 14) лучшею жертвою считалась смерть перворожденныхъ дѣтей еврейскихъ, которыхъ сначала зарѣзывали для Іеговы, а впослѣдствіи замѣняли выкупомъ—принесеніемъ въ жертву первородныхъ животныхъ и т. д. (Brief 15). По новозавѣтной исторіи *Фонъ-дерг-Альме* пришелъ къ такимъ выводамъ: 1) Христіанское ученіе о почеловѣченіи Бога для искупленія падшаго человечества произо-

¹⁾ Die Religion Jesu, 1857. Стр. 51—52.

и что онъ въ своей книгѣ ни въ чемъ не расходится ни съ христіанскимъ вѣроученіемъ, ни съ требованіями здоровой философіи; но, къ сожалѣнію, какъ мы покажемъ ниже, Трубцкой своимъ «отвѣтомъ» еще болѣе укрѣпилъ насъ въ томъ прискорбномъ убѣжденіи, которое мы вынесли, по прочтеніи его книги. Между прочимъ, о самооправданіи князя Трубцкова мы здѣсь замѣтимъ пока, что къ нему князь стремится не всегда достойнымъ образомъ, произвольно измѣняя и втихомолку дополняя текстъ своей книги; такъ напр. онъ говоритъ:

Метаф. въ древн. Греціи: стр. 134: Прав. Обзор. 1891 кн. 3. Прилож. стр. 20:

«Не хлѣбомъ и виномъ живъ будетъ
человѣкъ, не стихійными силами земля,
не естественными, *производящими силами*
природы, ея сѣменемъ и кровью; но
есть эти силы, это сѣмя и кровь должны
быть сначала пресуществлены въ мисти-
ческое тѣло Господне».

«Не хлѣбомъ и виномъ живъ будетъ
человѣкъ, не стихійными силами земли,
не естественными силами природы, ея
сѣменемъ и кровью; но *человѣкъ будетъ*
жить Словомъ Божиимъ, которое пре-
существляетъ этотъ хлѣбъ и это вино
въ мистическое, божественное тѣло».

шло изъ древнихъ религій востока, получило начало у индійцевъ, оттуда перешло къ египтянамъ и персамъ, а отъ послѣднихъ къ іудеямъ (Band 2. Brief 10); 2) ученіе о рожденіи Богочеловѣка отъ чистой Дѣвы заимствовано изъ индійскаго мива о девятомъ воплощеніи *Вишну* въ Буддѣ или Фо (*ibid.*); 3) египетская богиня *Изида*, мать Горуца, есть первообразъ Пресв. Дѣвы Маріи; 4) христіанскія таинства крещенія и евхаристіи заимствованы изъ культовъ Митры и Даруна; 5) догматъ о пресв. Троицѣ искаженъ церковію; онъ долженъ имѣть такую формулу: Богъ Отецъ, Божья Мать и Богъ Сынъ, такъ какъ еврейское слово Ruach—женскаго рода, почему въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ христіанскихъ твореніяхъ Духъ святой прямо и называется *Матерью* Христа (Brief 11); 6) въ ученіи Иисуса Христа ничего нѣтъ самостоятельнаго, все оно, какъ и всѣ вообще христіанскіе догматы заимствованы у раввиновъ: талмудъ знаетъ также о *крещеніи дѣтей*; обрѣзаніе было уничтожено у первыхъ христіанъ только потому, что эта болѣзненная операція, бывшая у язычниковъ предметомъ насмѣшекъ, препятствовала распространенію христіанства среди язычниковъ; «власть ключей» или право христіанскаго духовенства вязать и рѣшать обязаны своимъ происхожденіемъ не Христу, а іудейскимъ раввинамъ; богослуженіе первыхъ христіанъ было цѣлкомъ взято изъ іудейскихъ синагогъ, равно какъ и попеченіе о бѣдныхъ: молитва «Отче нашъ» составлена по указаніямъ раввиновъ; заповѣдь о любви къ ближнему заимствована у раввина *Гилгела*; у раввиновъ же заимствовано ученіе о смрепніи, добровольной нищетѣ, добровольномъ несеніи креста, умерщвленіи плоти, отрѣченіи отъ міра и т. д. (Brief 17). 7) Институтъ епископовъ или *надзирателей* заимствованъ у ессеевъ (Brief 18); 8) Иконопочитаніе заимствовано отъ языческаго идолопочитанія (Brief 19) и т. д. Всѣ эти и имъ подобныя взгляды, равно какъ и вопросы объ отношеніи до христіанскихъ языческихъ религій къ религіи Боготровенной вообще, нами раскрываются въ особомъ трудѣ, который, надѣмся, не замедлитъ явиться въ печати.

Вотъ образецъ того, какимъ способомъ князь Трубецкой, при пособничествѣ «Прав. Обзорѣнія», хочетъ достигнуть оправданія своего православія!

Свои уличенія насъ въ недобросовѣстности и извращеніи, князь Трубецкой начинаетъ утвержденіемъ, будто бы мы приписываемъ ему «положенія, имъ отвергаемыя», «перефразируя его же собственные аргументы». Въ подтвержденіе этого князь сличаетъ текстъ нашего разбора и текстъ своей книги, въ которыхъ проводится *одна* сходная мысль о несостоятельности Гегелевскаго метода ¹⁾. Но князь слишкомъ самообольщается, думая, что онъ одинъ только открылъ эту истину, и что именно у него она заимствована нами. Гегель теперь сталъ уже достояніемъ школьныхъ учебниковъ и то, что мы съ княземъ находимъ у него, какъ недостатокъ, прекрасно объяснить намъ и вполне *сходно съ нашею мыслию* любой воспитанникъ нашихъ духовныхъ семинарій, потому что эта *мысль* уже занесена во всѣ школьныя программы и учебныя пособія. Но вѣдь дѣло было не въ этомъ. Если Трубецкой припомнить, мы высказывали ²⁾ только свое удивленіе, что, не смотря на явную несостоятельность Гегелевскаго діалектическаго метода, Трубецкой *«усвояетъ его съ безграничнымъ довѣріемъ»* и самое развитіе греческой философской мысли уже *напередъ* рѣшилъ расположить по этому именно, отвергаемому имъ, Гегелевскому методу въ своей книгѣ. А что это дѣйствительно такъ дѣлаетъ князь Трубецкой, можно видѣть изъ слѣдующаго. Изложеніе греческой философской мысли въ его книгѣ начинается съ 151 стр., а уже на стр. 36 онъ говоритъ: «Такъ (т. е. какъ указывалъ Гегель) и въ философіи: каждая система заключаетъ въ себѣ извѣстную *интуицію* (т. е. *тезисъ* Гегеля) природы вещей, *анализъ* (т. е. *антитезисъ* Гегеля) этой природы и идеальный *синтезъ*»... На стр. 37: «Древнѣйшій періодъ носитъ характеръ *интуитивный*»... «По ученію Анаксимандра въ міровомъ космогоническомъ процессѣ это *безпре-*

¹⁾ Между прочимъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ приводимыхъ княземъ Трубецкимъ текстахъ *нѣтъ ни одного сходнаго выраженія.*

²⁾ Вѣра и Раз. 1890. Ч. 2. т. 2. стр. 447—453.

дѣльное (т. е. Гегелевскій *тезисъ*) приходитъ въ движеніе, въ которомъ всѣ вещи и всѣ противоположности выдѣляются и обособляются изъ первоначальнаго безразличія, такъ что это послѣднее переходитъ къ «различію» (т. е. въ Гегелевскій *антитезисъ*), какъ къ своему *другому* ... Стр. 39: «Ученіе элейцевъ и Гераклита примиримо въ конкретномъ идеалѣ положительнаго всеединства (т. е. Гегелевомъ *синтезѣ*)... Мы замѣтимъ только, что *этотъ идеалъ всеединства былъ интуитивно предвосхищенъ пифагорействомъ, зародившимся еще до появленія элейцевъ и Гераклита* ¹⁾. Думаемъ, что наши читатели не потребуютъ отъ насъ *нотаріальнаго* удостовѣренія, что нами съ буквальною точностію приведены эти мѣста изъ книги Трубецкаго и, въ случаѣ недоумѣній къ намъ, сами могутъ провѣрить наши слова съ текстомъ князя. А изъ вышеприведенныхъ словъ ясно слѣдуетъ, что Трубецкой слѣпо держится именно Гегелемъ указаннаго діалектическаго процесса развитія. То-то и странно, какимъ образомъ въ философскомъ мышленіи князя Трубецкаго могли найти примиреніе совершенно непримиримыя вещи: отрицаніе метода Гегеля и слѣпое слѣдованіе ему.

Далѣе въ своемъ «Отвѣтѣ» (Прав. Обзор. 1891. кн. 3. стр. 6) князь Трубецкой говоритъ, что онъ *нигдѣ не дѣлалъ и что ему приписывается ложно* утвержденіе, что религія есть *только* философія особаго рода. Взглядъ Трубецкаго на религію какъ на метафизику мы привели въ своемъ разборѣ *буквально* словами самаго Трубецкаго, не смотря на то, что это заняло въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» цѣлыхъ 32 строки ²⁾. Здѣсь мы не будемъ повторять всего сказаннаго Трубецкимъ, но ограничимся двумя характеристическими мѣстами. «Религія,

¹⁾ Забывая объ этихъ словахъ своихъ, князь Трубецкой въ подстрочномъ примѣчаніи своего «Отвѣта» (Пр. Обзор. стр. 5) говоритъ слѣдующее: «На стр. 452 о. Буткевичъ утверждаетъ, что я, слѣдуя Гегелю, выдаю ученіе элеатовъ за *тезисъ*, ученіе Гераклита за *антитезисъ*, ученіе пифагорейцевъ за *синтезисъ*. Събы увѣрить читателя, что 1) ни у Гегеля, ни у меня *нѣтъ ничего подобнаго* 2) что моя историческая конструкція древне-греческой философіи не имѣетъ ничего общаго съ тою, которую далъ Гегель».

²⁾ Вѣра и Раз. 1891 г. т. 2. ч. 2. стр. 454. .

говорить Трубецкой ¹⁾, есть метафизика до философіи, до историческая метафизика, на почвѣ которой вырастаетъ современемъ историческое философское умозрѣніе... Первая философія всѣхъ народовъ заключается въ ихъ священныхъ книгахъ, какъ въ Вѣдахъ и Упанипадахъ индусовъ, въ теогоническихъ поэмахъ грековъ, *въ Библии—у христіанъ*. Но что этотъ чисто Гегельянскій взглядъ на религію, только какъ на метафизику, не истиненъ, что на немъ не могъ удержаться даже и такой нелогичный мыслитель, какъ Трубецкой, мы сей часъ же безъ всякаго перерыва, на той же самой страницѣ приводимъ буквально слѣдующія слова Трубецкаго: «что всего важнѣе *религія порождаетъ не одни метафизическія представленія и понятія, но особый складъ ума, особое настроеніе чувства и воли по отношенію къ метафизическому міру*» и т. д. Мало этого, мы даже буквально приводимъ это мѣсто еще и въ другой разъ на стр. 461. Теперь спрашивается: кто кому что-либо *ложно приписываетъ*—мы Трубецкому или Трубецкой—намъ?

Трубецкой, занятый по преимуществу доказательствомъ своего *православія* (каково оно, мы увидимъ позже), мало касается выводовъ, сдѣланныхъ въ нашемъ разборѣ, — отъ перваго *обвиненія* (это—его выраженіе) переходитъ прямо къ шестому ²⁾, отъ шестого къ послѣднему и здѣсь ставитъ уже точку своему «Отвѣту». А между прочимъ голословно утверждаетъ, что въ нашемъ разборѣ *все ложь, недобросовѣстность, искаженіе* и т. д. Такъ какъ этому вторить и редакція «Прав. Обозрѣнія», то мы рѣшаемся снова систематически пересмотрѣть тѣ выводы, которые изложены въ нашемъ разборѣ книги Трубецкаго; при этомъ надѣемся, что подобный способъ заставить насъ не повторить только сказанное, но и восполнить то, что осталось въ разборѣ нашемъ не вполне выясненнымъ.

1. Мы признали ³⁾ невѣрнымъ въ положеніи князя Трубецкаго, будто бы греческая языческая философія создала пра-

¹⁾ Метаф. въ древ. Греціи, стр. 48.

²⁾ См. Прав. Обозр. 1891, кн. 3, стр. 16.

³⁾ «Вѣра и Разумъ», 1891 г. т. 2, ч. 2. Стр. 444—445.

вославную догму и христіанскій гнозисъ св. отецъ; тамъ же мы назвали ошибочнымъ утвержденіе князя, полагающаго за-слугу философіи вообще въ томъ, что она *подготовила ре-формацію, какъ въ послѣдствіи и другія великія соціальныя дви-женія, перевороты и преобразованія новаго времени* ¹⁾. Въ своемъ «отвѣтѣ» князь Трубецкой намъ ничего на это не воз-ражаетъ; а какъ смотритъ редакція «Прав. Обозрѣнія», мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, такъ какъ она безъ всякаго опре-дѣленнаго указанія, лишь *голословно*, по всей вѣроятности, даже не читавъ нашего разбора, безчеловѣчно упрекаетъ насъ въ «извращеніи научныхъ убѣжденій и взглядовъ» князя Тру-бецкаго.

• 2. Въ книгѣ Трубецкаго мы увидѣли, что онъ усматри-ваетъ въ религіи грековъ идею Божескаго единства. Въ сво-емъ «Отвѣтѣ» ²⁾, называя нашъ выводъ «зломъ еще не столь большой руки», онъ утверждаетъ однако же, что онъ *гово-рилъ совершенно противоположное*. Что дѣйствительно говорилъ князь объ этомъ предметѣ въ своей книгѣ, читатель можетъ найти въ нашемъ разборѣ ³⁾; здѣсь мы повторять сказаннаго уже не будемъ; но вотъ что говоритъ князь Трубецкой даже въ самомъ «Отвѣтѣ» намъ ⁴⁾: *«Въ послѣдніе вѣка язычества, подъ вліяніемъ философіи, а также и религіознаго развитія, въ Гре-ціи распространяются монотеистическія тенденціи; просвѣ-щенные греки часто отвергали грубыя мненія о богахъ и смот-рѣли на этихъ боговъ, какъ на служителей Единого Боже-ства, посредствующихъ между Нимъ и людьми»*. Такъ какъ эти слова князя Трубецкаго помѣщены на страницахъ са-маго «Православнаго Обозрѣнія», то редакціи этого журнала легко будетъ провѣрить насъ въ «извращеніи научныхъ убѣжде-ній и взглядовъ» «талантливаго автора», предъ «широкою ученою эрудиціею» котораго она преклоняется.

3. Мы находили ⁵⁾ не соответствующимъ правдѣ стремле-

1) Метаф. въ древ. Гр. стр. 33.

2) Стр. 15.

3) «Вѣра и Разумъ» 1891. кн. 1. отд. философ. стр. 4—5.

4) «Прав. Обозр.» 1891, кн. 3. Прил. стр. 12.

5) См. «Вѣр. и Раз.» 1891 г., кн. 1. Отд. филос. стр. 5—7.

ніе Трубецкаго приписывать греческимъ богамъ такія черты, для которыхъ нѣтъ основанія въ греческой мифологіи, но которыя прямо измышлены княземъ, безъ сомнѣнія для того, чтобы его читатели находили «лучи» великаго христіанскаго догмата о тріединомъ Богѣ въ измышленной княземъ греческой мифологіи. Противъ этого положенія князь Трубецкой въ своемъ «Отвѣтѣ» не говоритъ ни слова, какъ бы не понимая, въ чемъ дѣло, и только хочетъ отдѣлаться шуткою: «вина моя, пронизируетъ онъ ¹⁾», оказывается въ томъ, что я не скрылъ отъ читателя существованіе двухъ братьевъ Зевса Посейдона и Аида». Свое разсужденіе князь оканчиваетъ удивленіемъ нашему «инквизиторскому чутью». Думаемъ, что князь Трубецкой этимъ ничего не сказалъ.

4. Мы признали ²⁾ односторонностію и ложною тенденціозностію выводъ князя, что греческая языческая религія выработала «образъ *грядущаго Богочеловѣчества*» и вслѣдствіе этого не отрицательно, а положительно подготовила чело-вѣство къ принятію христіанства. При этомъ изъ книги князя Трубецкаго мы особенно подчеркнули слѣдующія мѣста. На стр. 145: «*Въ религиозномъ антропоморфизмѣ грековъ есть много такого, что человекъ сохранитъ навсегда... Христіанство, какъ религія истиннаго Богочеловѣчества, дало конечное абсолютное такому антропоморфизму... Греческій антропоморфизмъ относится къ христіанскому какъ относительное и ограниченное—къ абсолютному*»... На стр. 146: «Греческая религія не могла дать философіи положительнаго откровенія такого (христіанскаго) Богочеловѣчества, но *въ самомъ относительномъ антропоморфизмѣ ея заключалась истина, подготовившая чело-вѣчество къ христіанству*». На стр. 147: «Философія грековъ, точно также какъ и *ихъ религія, дала не отрицательные только, но и положительные результаты, которые были восприняты* ³⁾ какъ *въ истинную религію христіан-*

1) Прав. Обозр. 1891 г., кн. 3, стр. 16.

2) Вѣра и Раз. 1891 г., кн. 1, отд. филос. стр. 7—13.

3) Въ своемъ «отвѣтѣ» (стр. 12) князь Трубецкой говоритъ уже слѣдующее: «Я не хочу сказать, чтобы оно (христіанство) *заимствовало* ихъ (религиозныя

ства, такъ и въ его философію, подобно тому, какъ естественный антропоморфизмъ грековъ пресуществовался въ абсолютный божественный антропоморфизмъ Христа» и т. д. Теперь, въ своемъ «Отвѣтѣ» князь Трубецкой, предполагая, вѣроятно, что его читатели малолѣтнія дѣти, которыхъ легко обмануть, утверждаетъ ¹⁾, что его не поняли, что въ греческомъ антропоморфизмѣ онъ видитъ смѣшеніе истины съ ложью, что онъ будто бы говорилъ только, что греческій антропоморфизмъ истиненъ лишь въ эстетическомъ отношеніи, въ области искусства и поэзіи, а въ религіозномъ отношеніи онъ ложенъ; «ложь греческаго антропоморфизма, говоритъ теперь князь Трубецкой ²⁾, заключалась прежде всего въ томъ, что греческіе боги были ложными». Значитъ, — по послѣдней корректурѣ философскаго міровоззрѣнія князя Трубецкаго, выходитъ, что философія грековъ, точно также какъ и ихъ религія, не дала никакихъ положительныхъ результатовъ, которые были бы восприняты какъ въ истинную религію христіанства, такъ и въ его философію (о поэзіи и искусствѣ мы вѣдь не говоримъ) и что естественный антропоморфизмъ грековъ никогда не пресуществовался въ абсолютный божественный антропоморфизмъ Христа, что въ антропоморфизмѣ греческой религіи, въ которомъ, какъ сказалъ сей часъ князь, заключалась только ложь, вовсе не заключалось истины, подготовившей человѣчество къ христіанству... Послѣ этого намъ остается только поблагодарить Трубецкаго, такъ предупредительно исполнившаго то, чего именно мы и домогались въ своемъ разборѣ его книги. Сознаніе въ своей ошибкѣ для человѣка никогда не можетъ быть унижительно. А что дѣйствительно говорилъ кн. Трубецкой въ своей «Метафизикѣ», читатель легко можетъ узнать и изъ настоящаго нашего отвѣта князю, и изъ нашего разбора его книги, и изъ самой книги Трубецкаго. Но, вѣроятно, не легко было Трубецкому дѣлать эту уступку,

представленія язычниковъ—грековъ): оно пресуществовало ихъ въ себя». Редакція «Православнаго Обозрѣнія», помѣщая эти странныя строки, не сдѣлала отъ себя никакого замѣчанія. Sic!

1) Стр. 21.

2) Ibid. стр. 22.

потому что въ заключеніе онъ не забылъ *колынуть* насъ уличеніемъ въ неточности выраженій. Такъ къ нашимъ словамъ: «истинный Богъ, не переставая быть Богомъ, въ тоже время принявъ и дѣйствительную человѣческую *плоть*» онъ прибавилъ въ скобкахъ курсивомъ: «*не плоть только, но и естество, о. Буткевича!*» Очевидно Трубецкой выпустилъ изъ виду, что его замѣтка относится не къ Буткевичу только, но и ко всѣмъ книгамъ Новаго Завѣта, всѣмъ книгамъ богослужебнымъ и даже къ никео-цареградскому символу, потому что выраженія «Слово *плоть* бысть» (Іоан. I, 14). «всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, *пришедшаго во плоти* (1 Іоан. IV, 2, 3), «насъ ради... *воплотившагося*» и т. д., встрѣчаются въ вышеуказанныхъ книгахъ очень часто.

5. Мы назвали ¹⁾ крайностію и односторонностію тенденціозный выводъ князя Трубецкаго, будто-бы въ древне-языческой религіи грековъ ясно раскрывается идея страданія, смерти и воскресенія «богочеловѣковъ» и искупленія человечества этими страданіями. Въ частности мы признали не соотвѣтствующимъ исторической правдѣ слѣдующее разсужденіе Трубецкаго о Гераклѣ: «Гераклъ есть *новая теогоническая сила, носитель новой религиозной идеи, предвѣстникъ грядущаго богочеловѣчества. Лучшій и благороднѣйшій изъ сыновъ Зевса, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и злосчастнѣйшій изъ сыновъ его. Обремененный трудами отъ самой колыбели своей, въ страстяхъ и борьбѣ, онъ подвизается во славу отца своего и во избавленіе всего человѣческаго рода отъ темныхъ и чудовищныхъ силъ. Онъ спускается въ адъ и побѣждаетъ врата смерти, связываетъ Кербера ²⁾*; онъ-же освобождаетъ мятежнаго Прометея, прикованнаго къ Кавказу, и самъ Зевсъ мирится съ этимъ, дабы черезъ такой подвигъ слава милаго

1) «Вѣра и Разумъ», 1891 г., вѣ. 1, отд. философ. стр. 13—25.

2) Трубецкой не говоритъ далѣе о томъ, что этого же самаго связаннаго Кербера Гераклъ затѣмъ приводитъ на землю для показанія Эвристею, а потомъ снова отводитъ его въ Гадесъ (адъ Трубецкаго) и снова развязываетъ. Впрочемъ, такія *фигуры умолчанія* о вещахъ, не выгодныхъ для предвзятой мысли князя Трубецкаго, въ его книгѣ встрѣчаются слишкомъ часто. Онъ видитъ вообще въ греческой религіи только то, что ему хочется видѣть...

сына шире разрослась по землѣ»¹⁾. Мы доказали, что этотъ образъ Геракла начертанъ Трубецкимъ не по мифологіи грековъ, а по одной только фантазіи и тенденціозности предвзятой мысли. Думаемъ, что и редакція «Православнаго Обозрѣнія», если только она еще продолжаетъ быть *православною*, не подпишетъ своего имени подъ вышеприведеннымъ разсужденіемъ Трубецкаго. Такою же тенденціозностію, по нашему убѣжденію, отличается и представленный Трубецкимъ образъ Діониса. Въ своемъ «Отвѣтѣ» Трубецкой ничего не возражаетъ намъ противъ нашего утвержденія; а говоритъ только слѣдующее²⁾: «если вся природа ожидаетъ избавленія, если вся она есть несовершенное откровеніе силъ и мудрости Божества, то почему не допустить, что и тѣмъ, кто поклонялись ей, ея растительнымъ силамъ³⁾, она въ силу того, что въ ней открывалось, предуказывала людямъ истинную Лозу виноградную и внушала имъ «лучшія надежды» на истиннаго Искупителя? Изъ сказаннаго ясно, какъ я отношусь и къ «страстямъ» (къ «*недѣль страстей*», князь!) тѣхъ сыновъ Зевса, боговъ растительности и солнца, культъ которыхъ процвѣталъ по всему побережью Средиземнаго моря». Этимъ діалектическимъ изворотомъ можно провести только одну редакцію «Православнаго Обозрѣнія». Дѣло въ томъ, что въ нашемъ разборѣ доказано ясно⁴⁾, что не природа, а самъ князь Трубецкой безъ всякаго основанія думаетъ найти идею истиннаго Искупителя въ обыкновенномъ народномъ героѣ, подобномъ нашему Ильѣ Муромцу, или—еще хуже—въ пьяномъ и развратномъ Бахусѣ. Вотъ что выпустилъ князь изъ виду.

6. Мы осудили стремленіе князя отыскать въ древнеязыческой религіи грековъ мнимое предуказаніе на христіанское ученіе объ ангелахъ и безплотныхъ духахъ. Мы нашли неумѣстнымъ то, что Трубецкой *не называетъ только, а изо-*

1) Метаф. стр. 98.

2) «Пр. Об.» 1891. Кн. 3. Стр. 21.

3) Т. е. прямо сказать—пьяному и развратному Діонису или Бахусу.

4) См. «Вѣру и Разумъ» 1891 г. № 1. Отд. филос. Стр. 13—25.

бразжаетъ Гермеса именно какъ «ангела»; опираясь на авторитетъ Целлера, мы доказали, что князь не имѣлъ никакого права навязывать грекамъ и въ особенности времени Платона ученія о добрыхъ и злыхъ духахъ и о *демонъ-хранителѣ* ¹⁾. Трубецкой въ опроверженіе нашего положенія нашелся сказать только одно: «это такой-же вымыселъ о. Буткевича, какъ и все остальное». Но, должно быть, совѣсть заговорила свое,—и Трубецкой продолжаетъ: «На стр. 69 у меня правда сказано, что Гермесъ часто является «какъ вѣстникъ» ангель олимпійскихъ боговъ (*ἄγγελος*) — что значитъ вѣстникъ. Такъ его дѣйствительно называли отъ Гомера до позднѣйшаго времени». Князь, очевидно, изворачивается, онъ хочетъ отвлечь вниманіе читателя отъ того, что мы говорили *не о названіи, а объ изображеніи* самаго существа и не Гермеса только, но и безплотныхъ духовъ вообще.

7. Въ своемъ разборѣ мы остановили свое вниманіе на двусмысленномъ толкованіи княземъ Трубецкимъ греческихъ мифовъ о богиняхъ и на его кощунственномъ сравненіи языческихъ богинь съ Матеріею Божіею, при чемъ мы отвѣтили еще, что для характеристики языческихъ богинь Трубецкой заимствуетъ выраженія не изъ греческой мифологіи, а изъ Св. Писанія Новаго Завѣта, и для обозначенія ихъ употребляетъ по преимуществу слова *Владычица, Великая Матерь*, которыя и пишутъ всегда съ прописной буквы, чтобы у читателя не оставалось сомнѣнія, кого подъ ними слѣдуетъ разумѣть ²⁾. На это князь отвѣчаетъ намъ ³⁾: «Въ дѣйствительности я не скрываю отъ читателей нѣкоторыхъ эпитетовъ греческихъ боговъ (напр. Артемиды Спасительницы; *σωτῆρα*); и я пишу прописью слова *Владычица, Деспойна, Великія Матери*, когда эти обозначенія получаютъ характеръ собственныхъ именъ и затмѣняютъ ихъ». Чтобы читатель могъ самъ судить, какъ Трубецкой любитъ *говорить правду*, мы приведемъ здѣсь нѣсколько мѣстъ изъ его книги. «*Всякая Владычица, особенно*

1) Ibid. стр. 25—34.

2) Вѣра и разумъ, 1891 кн. 2, отд. философ. стр. 70—74.

3) Прав. Обозр. 1891 кн. 3. Прилож. стр. 17.

чтимая въ той или другой мѣстности, говоритъ онъ ¹⁾, становится ея царицей матерью, чтобы затѣмъ стать матерью земли вообще». Кто же подѣ здѣсь *всякою владычицею* будетъ разумѣть какое либо *собственное* имя? Но вотъ и другое мѣсто изъ книги Трубецкаго ²⁾: «каждый городъ имѣлъ свою *Владычицу*, каждая земля была *Матерью* тому или другому племени, или общинѣ. И эти *Матери и Владычицы* принадлежать верховному мѣстному богу, какъ жены и наложницы. Поэтому, напримѣръ, Зевсъ, утверждаясь повсемѣстно въ своемъ царственномъ достоинствѣ, отбиваетъ женъ и дочерей у столькихъ боговъ и героевъ. Завладѣвая множествомъ мѣстностей, принадлежащихъ другимъ князьямъ, онъ отнимаетъ одну Деметру у Посейдона, другую у Аида, третью у Язіона, одну Геру у Иксіона, другую у Гефеста. *Въ мифологіи* и культъ жена есть всегда въ известной степени «слава своего мужа» ³⁾, точно также какъ религіозная община есть слава своего Бога». Но особенно возмутительно въ книгѣ Трубецкаго слѣдующее мѣсто: «*Если безграмотный христіанскій народъ часто признаетъ множество Владычицъ Богородицъ (Казанскую, Владимірскую и проч.), то чего же мы можемъ ожидать отъ языческаго темнаго люда?*» и т. д. ⁴⁾. Въ защиту этого «кощунственнаго сравненія» Трубецкой ни слова не сказалъ въ своемъ «Отвѣтѣ»; а съ «Православнымъ Обзорѣніемъ» говорить трудно, такъ какъ оно всю книгу Трубецкаго и *всю* его научныя *убѣжденія* взяло подѣ свою защиту...

8. Въ своемъ разборѣ книги Трубецкаго мы признали ⁵⁾ не имѣющимъ историческаго основанія стремленіе князя сблизить языческое богослуженіе грековъ съ богослуженіемъ хри-

1) Метаф. стр. 58.

2) Ibid. стр. 88—89.

3) Не въ мифологіи это, а въ 1-мъ посланіи ап. Павла къ Коринѳянамъ, гл. XI, ст. 7, откуда Трубецкой и заимствовалъ это выраженіе. Интересно было бы знать, правится ли редакція «Прав. Обзорѣнія» этотъ способъ употребленія текстовъ Св. Писанія Нового Завѣта для характеристики мифологическихъ представленій язычниковъ—грековъ!

4) Метаф., стр. 93.

5) Вѣра и Разумъ, 1891, кн. 2, отд. философ. стр. 74—83.

стіанскимъ, равно какъ указали и на ненаучность его метода, по которому, на основаніи враждебныхъ христіанству Юліанскихъ писателей—Марцеллина (4-го в. по Р. Х.) и Лида (6-го вѣка по Р. Х.), онъ утверждаетъ, что у до-христіанскихъ язычниковъ грековъ кормили боговъ и покойниковъ *кутвей* и *пирогамъ*, при жертвоприношеніяхъ *воскурjali* *вимиамъ* и *ладанъ*, ставили идоламъ *восковыя свѣчки*... Въ своемъ «отвѣтѣ» Трубецкой ничего не говоритъ противъ этого замѣчанія нашего, справедливо увѣряя только своихъ читателей, что отъ него «требуютъ болѣе раннихъ свидѣтельствъ»¹⁾. Да, это вѣрно. Думаемъ, что наше требованіе признаютъ законнымъ и сами защитники «научныхъ убѣжденій» «даровитаго мыслителя».

9. Мы находимъ не научнымъ, кощунственнымъ, тенденціознымъ и не имѣющимъ для себя никакого фактическаго основанія все разсужденіе Трубецкаго о почитаніи идоловъ у древнихъ языческихъ грековъ²⁾. Трубецкой намъ ничего не возражаетъ противъ нашего вывода, отдѣляваясь въ подстрочномъ замѣчаніи пустою фразою: «Разсужденія о Буткевича о моей теоріи жертвы, культа «святыхъ», «иконопочитанія» и священства у грековъ опровергаются наиболѣе нагляднымъ и убѣдительнымъ образомъ посредствомъ сличенія ихъ съ моей книгой». Совершенно вѣрно: самымъ естественнымъ судіею между писателемъ и его рецензентомъ является именно читатель. И вотъ, чтобы облегчить его трудъ, мы приведемъ здѣсь буквальныя выдержки изъ книги князя Трубецкаго. Метаф. стр. 114: «Греческіе идолы, говоритъ князь, были языческими иконами, и можно сказать³⁾, что принципъ иконопочитанія былъ сохраненъ навсегда, внесенъ въ церковь именно греко-римскимъ міромъ, заключаая въ себя глубокую идею, согласную съ христіанствомъ⁴⁾. Мы напомнимъ, что грубый фетишизмъ,

1) Прав. Обозр. 1891, кн. 3. Прил. стр. 14.

2) Вѣра и Раз. 1891, кн. 2, отд. философ. стр. 83—96.

3) А чего Трубецкому нельзя сказать?

4) Въ подстрочномъ примѣчаніи къ этому мѣсту Трубецкой говоритъ, что *первыя иконы Христа* (должно быть, князь разумѣетъ «Нерукотворенный Образъ»), пророковъ и святыхъ украшали божницы язычниковъ, см. *Usener, Religionsgesch. Unters.* 1889, 30.

непосредственно обожествляющій изображение, есть суевѣріе, выростающее на всякой религиозной почвѣ въ моментъ ея истощенія или разложенія ¹⁾. Конечно, идолы были предметами почитанія и считались священными; но греки поклонялись не камнямъ и не самымъ изображеніямъ, а предполагали между ними и божествомъ извѣстное мистическое соотношеніе. Наиболѣе суевѣрные думали, что божество иногда вселяется въ свое изображение. Но во всякомъ случаѣ *всѣ* ²⁾ признавали, что поклоненіе, воздаваемое изображенію, относится къ изображаемому ³⁾. *Седьмой вселенскій соборъ призналъ точно тоже* ⁴⁾ и опредѣлилъ, что идолопоклонство осуждается не за изображение вообще, а за изображение ложныхъ боговъ» ... Стр. 115: «идоламъ приносили дары, покрывали ихъ золотыми ризами и драгоценными камнями, обвѣшивали разными изображеніями *ex voto*, зацѣловывали настолько, что стирали самое изображеніе; ихъ носили процессіями, купали, кормили, окуривали, словомъ продѣлывали съ ними рядъ суевѣрныхъ обрядовъ, надъ которыми глумились просвѣщенные греки. *Вѣра всюду творитъ чудеса и всюду есть организации, воспріимчивыя къ такимъ чудесамъ, всюду есть алчные жрецы, эксплуатирующіе народное суевѣріе* ⁵⁾. Поэтому естественно мы находимъ въ Греціи цѣлый рядъ чудотворныхъ идоловъ, идоловъ «явленныхъ», приплывшихъ по водѣ, или упавшихъ съ неба, идоловъ мротоочивыхъ, слезоточивыхъ, кровоточивыхъ и т. д. ⁶⁾; предъ иными огонь зажигался самъ собою, иные двигались,

1) За это напоминаніе остается только поблагодарить князя, потому что до сихъ поръ причину суевѣрій мы полагали въ умственномъ невѣжествѣ людей, а на самомъ дѣлѣ, какъ доказываетъ Трубецкой, оказывается виновною всякая религиозная почва.

2) Значить,—я «наиболѣе суевѣрные!»...

3) Здѣсь, по всей вѣроятности, по ошибкѣ, вмѣсто Православнаго Катихизиса Филарета, Трубецкой цитуетъ Маугу, II, 48.

4) Въ нашемъ разборѣ читатель найдетъ фактическія доказательства того, что здѣсь взводится клевета на вселенскій соборъ.

5) Вѣроятно, для живости *представленія* Трубецкой употребляетъ здѣсь *всѣ глаголы* даже *въ настоящемъ* времени и трижды повторяетъ нарѣчіе «*всюду*», очевидно, для того, чтобы не дерзнулъ кто либо сдѣлать какое-либо исключеніе.

6) Вм. «и т. д.» правильнѣе было бы сказать: «и прочіе безумные глаголы».

издавали звуки. Были и другіе священные чтимые предметы, сохранявшіеся въ храмахъ, одинъ видъ которыхъ дѣйствовалъ чудотворно, исцѣляя различныя болѣзни. Таковы были разнообразныя слѣды и вещи, принадлежавшія богамъ, и мощи героев, изъ за обладанія которыми города нерѣдко спорили между собою». Въ подстрочномъ примѣчаніи къ этому мѣсту Трубецкой продолжаетъ: «О всѣхъ этихъ идолахъ и предметахъ поклоненія см. поучительныя страницы ¹⁾: *Maury II*, 48—57, также *Lobeck*, *passim*, напр. 51, 1. Изъ мощей интересна ²⁾ ключица Пелопса, чудесно найденная въ морѣ и сохранявшаяся въ золотомъ хранилищѣ въ храмѣ Зевса Олимпійскаго; эта кость славилась своими исцѣленіями и предотвратила эпидемію. Въ другихъ мѣстахъ показывали голову Орфея, волосы Медузы, хламиду Одиссея, зубъ вепря Калидонскаго, яйца Леды и пр. и пр. Павсаній утверждаетъ, что «херонейцы болѣе всѣхъ боговъ почитаютъ скипетръ, который Гефестъ, по словамъ Гомера, сдѣлалъ Зевсу». Стр. 121. Трубецкой говоритъ: «Почти въ каждомъ городѣ были тайныя святилища, древніе идолы, фетиши или мощи, чтимыя специальными жрецами въ особыхъ святилищахъ, не всегда доступныхъ самимъ гражданамъ» и т. д. Въ своемъ разборѣ книги Трубецкаго мы фактически доказали, что всѣ эти *нелѣпности* измышлены «даровитымъ» нашимъ философомъ, не имѣютъ никакого историческаго для себя основанія и крайне тенденціозны, что единственная ссылка его на Павсанія не достойна научнаго писателя, такъ какъ Павсаній самъ жилъ лишь въ концѣ 2-го вѣка по Р. Х. и не заслуживаетъ довѣрія даже въ описаніи современныхъ ему достопримѣчательностей, и что самое появленіе этихъ побасенокъ въ книгѣ Трубецкаго мы не можемъ объяснить себѣ чѣмъ-либо другимъ, кромѣ его желанія дать возможность читателю провести аналогію между измышленнымъ имъ характеромъ языческаго здо-

¹⁾ Защищаясь «научныхъ убѣжденій и взглядовъ» Трубецкаго достаточно, кажется, поучительно можно найти и въ его собственной «широкой ученой эрудиціи» (Прав. Обозр. 1891, кн. 3, стр. 651).

²⁾ Чѣмъ?—князь не говорить.

лопочитанія и христіанскимъ почитаніемъ св. иконъ. Трубецкой ничего не говоритъ въ опроверженіе нашихъ выводовъ; но старается дать понять, что у него есть слишкомъ вѣсскія основанія для «внѣшнихъ аналогій христіанства и язычества», которыхъ онъ «не приводитъ» единственно «изъ боязни соблазнить о. Буткевича» ¹⁾. Напрасное опасеніе! Князь Трубецкой слишкомъ наивенъ и самообольщается до смѣшнаго. Неужели онъ думаетъ увѣрить кого-либо, что онъ *первый* высказываетъ нелѣпости, которыми наполнена его книга? Мы прекрасно знали и основательно изучили взгляды его учителей прежде, чѣмъ онъ сталъ ихъ ученикомъ, — взгляды, о которыхъ люди серьезные теперь вспоминаютъ только съ улыбкою или въ шутку. Одинъ лишь Трубецкой можетъ переживать это никуда негодное старье. И мы увѣрены, что если ему вздумается писать еще о ветхозавѣтномъ іудействѣ, то, по примѣру своихъ наставниковъ, онъ обзоветъ ветхозавѣтныхъ іудеевъ идолопоклонниками и будетъ утверждать, что они поклонялись различнымъ «животнымъ» и имѣли *статую* Іеговы, которую во время своихъ переходовъ они носили въ особомъ ковчегѣ, а въ обыкновенное время ставили на крышкѣ этого ковчега, равно какъ будетъ доказывать и сродство ветхозавѣтнаго іудейскаго богопочитанія съ культомъ Діониса ²⁾. Смѣемъ увѣрить князя Трубецкаго, что въ его книгѣ, какъ и въ книгѣ *Мори* нѣтъ для насъ *поучительныхъ* страницъ, которыми могутъ назидаться развѣ почитатели «широкой ученой эрудиціи» «талантливаго автора» ³⁾. Но это уже дѣло не личнаго только вкуса...

10. Мы признали ⁴⁾ богохульствомъ сравненіе у Трубецкаго культа Діониса (*вкушеніе его тѣла и крови*) ⁵⁾ съ христіанскимъ таинствомъ Евхаристіи и утвержденіе ⁶⁾, что та-

1) Прав. Обозр. 1891. кн. 31. Прил., стр. 19.

2) Срв. Theologische Briefe. Von Richard von der Alm. Erster Band. 1862. 13 и 14 Briefe.

3) Прав. Об. 1891. кн. 3 стр. 651.

4) Вѣра и Разумъ 1891 г. № 3. Отд. филос. стр. 222—223.

5) Метаф. стр. 130.

6) Ibid. стр. 133.

кого рода мистеріи „подготовили древній міръ къ воспріятію христіанства“. При чемъ, дабы не оставить читателя въ сомнѣніи, Трубецкой замѣчаетъ ¹⁾, что «нѣкоторыя христіанскія секты, забывшія высокій смыслъ новозавѣтной жертвы, вернулись къ страшному культу сѣмени и крови (Николаиты, хлысты). Въ отвѣтъ на это Трубецкой приводитъ мѣсто изъ своей книги: «Не смотря на нѣкоторую внѣшнюю аналогію, было бы однако весьма ошибочно искать христіанства въ этихъ языческихъ таинствахъ» ²⁾. Въ своемъ разборѣ книги Трубецкаго мы также буквально привели это мѣсто ³⁾. Только мы поступили честно: мы выписали изъ его книги слова, слѣдующія непосредственно за этимъ мѣстомъ, въ которыхъ Трубецкой показываетъ „совершенною противоположностію“ между христіанскимъ и языческимъ «таинствами». Если читателю угодно будетъ справиться, то онъ самъ увидитъ, какъ указали и мы, что «противоположностію» эта состоитъ въ томъ, что, по измышленному Трубецкимъ вѣрованію грековъ, послѣдніе ѣли «тѣло Діониса», а христіане— «мистическое тѣло Господне» ...

11. О таинствахъ покаянія и священства въ своей книгѣ Трубецкой, какъ мы замѣтили въ разборѣ ея, говоритъ сбивчиво и противорѣчиво ⁴⁾; въ своемъ «отвѣтѣ» онъ ничего намъ не возражаетъ, а потому и мы на этомъ предметѣ не будемъ останавливать вниманіе читателя.

12. Мы нашли невѣрнымъ разсужденіе князя Трубецкаго о воскресеніи мертвыхъ ⁵⁾. Указывая «различіе» между язычествомъ и христіанствомъ «въ самой цѣли, въ самомъ понятіи *грядущаго воскресенія*», Трубецкой говоритъ ⁶⁾ слѣдующее: «Въ языческомъ смыслѣ—это простое оживленіе вновь, естественная палиннезія... Воскресеніе въ христіанскомъ смыслѣ, напротивъ того, знаменуетъ собою полное погашеніе «вос-

1) Ibid. стр. 134.

2) Прав. Об. 1891 г., кн. 3, прил. стр. 19.

3) «Вѣра и Разумъ» 1891 г., кн. 3. Отд. филос. стр. 222.

4) «Вѣра и Разумъ», 1891 г., кн. 3, отд. философ., стр. 128.

5) Ibid. стр. 129—132.

6) Метаф. стр. 134—135.

наеленнаго круга жизни», конечное прекращеніе мірового процесса, сверхъестественное преобразеніе твари и совершенное пресущественіе ея въ божественное тѣло». Въ своемъ разборѣ мы замѣтили ¹⁾, что христіанство такъ никогда не учило о воскресеніи мертвыхъ. Теперь Трубецкой въ своемъ «Отвѣтѣ» торжествуетъ; наконецъ-то, ему удалось уличить насъ въ непониманіи ученія Православной Церкви. «Здѣсь, говоритъ онъ ²⁾, кажется моя очередь возревновать о православіи; обличая мнимую ересь, о. Буткевичъ близокъ къ дѣйствительной. Я полагалъ, что Церковь есть реальное тѣло Христово и что это тѣло нераздѣльное и несліянное съ Духомъ Божиимъ имѣетъ объять всю вселенную, какъ единый живой храмъ славы». Не безъ грусти мы прочли это мѣсто. Что случилось-бы съ ученіемъ Православной Церкви, если-бы оно дѣйствительно было предоставлено въ руки защитникамъ и ревнителямъ, подобнымъ Трубецкому? По послѣднему его объясненію, выходитъ, что воскресеніе мертвыхъ христіанство полагаетъ только въ пресущественіи твари въ Церковь Христову. Значитъ, здѣсь на землѣ люди живые, не воскресніе, не пресущественяются (т. е. не становятся существенными членами) въ Церковь Христову? Значитъ, на землѣ нѣтъ Церкви? Значитъ, членами Церкви даже небесной слѣдуетъ признавать не людей только, а тварь вообще? Если же Трубецкой станетъ утверждать, что Церковь есть и на землѣ, то, значитъ, воскресеніе мертвыхъ, по его ученію, состоитъ только въ томъ, что человекъ пресущественяется въ Церковь Христову, становится членомъ ея, воскресаетъ духовно, нравственно... ³⁾. Нѣтъ, такого православія не раздѣлить, должно быть, и редакція «Православнаго Обозрѣнія». Это—настоящій и грубѣйшій пантеизмъ! Напрасно поэтому князь Трубецкой допустилъ и недостойную истиннаго ученаго подтасовку въ своихъ соб-

1) «Вѣра и Разумъ», 1891, кн. 3, стр. 131.

2) «Прав. Обозр.», 1891, кн. 3, прил. стр. 20.

3) По ученію Православной Церкви, даже въ таинствѣ крещенія, умирая для жизни плотской, грѣховной, человекъ не воскресаетъ, а возрождается въ жизнь духовную, святую.

ственныхъ выраженіяхъ ¹⁾). Ясно, кто изъ насъ ближе къ дѣйствительной ереси. Православная Церковь вотъ какъ учить о воскресеніи мертвыхъ: «воскресеніе мертвыхъ есть дѣйствіе всемогущества Божія, по которому всѣ тѣла умершихъ чело-вѣковъ, соединясь опять съ ихъ душами, оживутъ, и будутъ духовны и безсмертны» ²⁾). Какъ это опредѣленіе ясно, просто и понятно, и какую противоположностію отличается оно по отношенію къ пантеистическому туману Трубецкаго!

13. Мы нашли тенденціознымъ и не научнымъ ³⁾, что князь Трубецкой излагаетъ греческое мифологическое представле-ніе о твореніи міра словами не мифологіи греческой, а Св. Библии.

Трубецкой Метаф. стр. 56:

Быт. I, 2:

«Выдѣляется пустая и безвидная земля, тьма надъ бездною и первый изъ боговъ, Эросъ, духъ, ностящійся надъ хаосомъ».

«Земля же была безвидна и пуста, и тьма надъ бездною; и Духъ Божій носился надъ водою».

Мы доказали ⁴⁾, что князь Трубецкой не имѣлъ никакого основанія говорить такимъ языкомъ, излагая греческую мифологію, и что онъ *кощунствуетъ*, проводя аналогію между греческими Эросомъ или Купидономъ, богомъ чувственныхъ похотей и любовныхъ интригъ, и Духомъ Святымъ, третьимъ Лицомъ Пресв. Троицы. Трубецкой не возражаетъ намъ на это ни слова въ своемъ «отвѣтѣ».

14. Мы назвали ⁵⁾ односторонними и тенденціозными приемы князя Трубецкаго, слѣпо держащагося враждебныхъ христіанству писателей даже 6 вѣка по Р. Х. и не обращающаго никакого вниманія на свидѣтельства христіанскихъ пи-

¹⁾ Вотъ эта подтасовка, которую дѣлаетъ Трубецкой:

Въ Метаф. стр. 135:

Въ „Прав. Об.“ стр. 20:

Воскресеніе въ христіанскомъ смыслѣ знаменуетъ... сверхъестественное преображеніе *твари* и совершенное пресуществленіе ея (т. е. *твари*) въ божественное тѣло».

Князь Трубецкой утверждаетъ, будто-бы въ своей книгѣ онъ говорилъ «о совершенномъ пресуществленіи *воскресшихъ святыхъ* въ божественное тѣло».

²⁾ Пространный христіанскій катехизисъ. М. 1872. Стр. 71.

³⁾ «Вѣра и Разумъ», 1891, кн. 3, отд. философ., стр. 132—140.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid. стр. 140—144.

сателей и даже «апостола языковъ» Павла, у которыхъ находится самый богатый и самый достовѣрный матеріалъ для характеристики отношенія греческаго язычества къ христіанству въ первый вѣкъ христіанской эры. Трубецкой не нашель ничего возразить намъ.

15. Мы нашли невѣрнымъ и ложнымъ указаніе князя Трубецкаго на то значеніе, которое принадлежитъ будто бы ватурализму греческой религіи и философіи по отношенію къ христіанству. Въ частности мы особенно подчеркнули въ книгѣ Трубецкаго слѣдующее мѣсто. *„Греческій натурализмъ, подобно остальнымъ религіямъ древности, ¹⁾ внесъ свою относительную истину въ общую сокровищницу христіанства: что если онъ заключаетъ въ себѣ религіозные элементы, которые именно теперь полезно напомнить, теперь, при всеобщемъ господствѣ субъективнаго протестантскаго рационализма и спиритуалистическаго иконоборства? Если дѣйствительно греческая философія объясняетъ намъ религію, на почвѣ которой она возникла, то будемъ ждать отъ нея справедливой оцѣнки этой религіи. Во всякомъ случаѣ греческая философія есть мостъ, посредствомъ котораго культурное, образованное язычество перешло къ христіанству и постольку всего больше объясняетъ намъ ихъ взаимное отношеніе,—христіанство до христіанства,—въ язычество, и наоборотъ, судьбу и значеніе натурализма въ христіанствѣ“ ²⁾*. Защищая это положеніе свое, Трубецкой въ своемъ «отвѣтѣ» ³⁾ напоминаетъ намъ «ту пѣсню о волхвахъ, которую» мы «поемъ на Рождествѣ,—о томъ, какъ «звѣздамъ служащія звѣздою учухся кланяться Солнцу Правды». Благодаримъ князя за это любезное напоминаніе; но считаемъ нужнымъ сообщить ему, что отъ его наставниковъ мы знаемъ гораздо большее; они увѣряютъ насъ прямо, что въ богочитаніи Іисуса Христа не заключается ничего другого, какъ культъ Митры, боготвореніе солнца, что вслѣдствіе этого празднуемое повсюду у

¹⁾ Руководители князи прямо говорятъ, что «Христіанство есть смѣсь Платоновыхъ, Зороастровыхъ и специфически-іудейскихъ представленій». Von der Alm, Theologische Briefe 17-ter Brief:

²⁾ Метаф. стр. 149.

³⁾ Прав. Об. 1891, кн. 3, прил. стр. 21.

язычниковъ 25 декабря, какъ день рожденія бога-солнца или Митры, избрано и христіанами для празднованія рождества Христова, что поэтому же христіане не празднуютъ болѣе, какъ евреи, дня Сатурна (субботы), а празднуютъ именно день солнца (воскресенье), что этимъ же объясняется и строеніе христіанскихъ храмовъ на восходъ солнца, что даже крестъ будто бы уже задолго до появленія христіанства былъ священнымъ знаменіемъ почитанія солнца, а потому и христіанскій обычай возлагать на себя крестное знаменіе заимствованъ именно изъ мистерій Митры: крестъ, — видите ли, — выражаетъ указаніе на четыре страны свѣта, озаряемыя солнцемъ, его вездѣприсутствіе и всемогущество, а потому кто возлагаетъ на себя крестное знаменіе, тотъ какъ бы предаетъ себя покровительству всемогущаго бога—солнца и т. д. ¹⁾ Такимъ образомъ, какъ ни скудны наши свѣдѣнія, по суду Трубецкаго, но мы не хуже его знаемъ взгляды его руководителей на то, чѣмъ обязано христіанство греческой религіи въ частности и „*всѣмъ религіямъ древности*“ вообще.

16. Князь Трубецкой находитъ наши критическіе приемы „*неслыханными*“ ²⁾. На самомъ дѣлѣ они крайне просты и ясны: прежде всего мы приводимъ всегда взглядъ князя на тотъ или другой предметъ и затѣмъ разбираемъ, было ли у него достаточное основаніе для такого взгляда. При этомъ мы выражали взгляды князя не «своими словами», а *собственными словами Трубецкаго*, сколько бы строкъ это ни потребовало ³⁾. Поэтому, кто читалъ нашъ разборъ книги Трубецкаго, тотъ не можетъ допустить и мысли, чтобы мы могли «исказать» или «извратить» его «научныя убѣжденія». Что редакція «Православнаго Обозрѣнія» рѣшилась не только дать мѣсто отвѣту Трубецкаго, но еще присоединить и свое странное замѣчаніе объ «извращеніи его научныхъ убѣжденій и взглядовъ», — это служитъ лишь яснѣйшимъ доказатель-

1) Theologische Briefe. von Richard von der Alm. B. 2. Brife 18 и 10.

2) Прав. Обозр. 1891, кн. 3, прилож. стр. 9.

3) Какъ мы сказали выше, взглядъ Трубецкаго, напр., на религію какъ на метафизику до философіи у насъ отнялъ цѣлыхъ 32 строки!..

ствомъ того, что никто изъ членовъ этой *православною* редакціи ¹⁾ не читалъ ни «*Метафизики въ древней Греціи*», написанной Трубецкимъ, ни нашего разбора этой книги. Иначе она поступила бы только по примѣру двухъ столичныхъ редакцій, которыя, насколько мы знаемъ, не пожелали объявить себя солидарными съ воззрѣніями Трубецкаго; а къ чести одной изъ этихъ редакцій нужно сказать, что она поступила такимъ образомъ, не смотря даже на нѣкоторую нерасположенность къ намъ ея редактора. Конечно, князь Трубецкой знаетъ, о чемъ мы говоримъ.

17. Наконецъ, не можемъ не отмѣтить въ «отвѣтѣ» князя Трубецкаго еще одной странности въ отношеніи къ нашему разбору его книги. Какъ мы указали почти въ самомъ началѣ этой замѣтки, князь нашель у насъ мысль очень похожую на его собственную относительно недостатка Гегелевскаго метода. Для *наглядности представленія* онъ выписываетъ параллельно два мѣста, содержащія вышеуказанную мысль, одно—изъ своей «*Метафизики въ древней Греціи*», другое—изъ нашего разбора этой книги и затѣмъ дѣлаетъ общій выводъ: «*Вся рецензія о Буткевича построена подобнымъ же образомъ*» ²⁾. Что означаетъ это выраженіе? Объяснить его случайною неосмотрительностію князя нельзя, потому что ту же самую мысль князь Трубецкой высказалъ еще раньше въ «*Новомъ Времени*» и не разъ повторяетъ въ своемъ «отвѣтѣ» (въ «*Прав. Обозрѣніи*»). Странно, но намъ кажется, что князь не прочь даже предъявить на нашъ разборъ его книги права литературнаго собственника! Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же было писать столь желчный, надменный, столь ѣдкій и заносчивый «отвѣтъ»? Впрочемъ, въ безсильномъ раздраженіи и досадѣ чего только человѣкъ не можетъ наговорить!...

Свящ. Т. Буткевичъ.

¹⁾ Намъ показалось нѣсколько страннымъ, что въ своей замѣткѣ редакція «*Православнаго Обозрѣнія*», воздавалъ хвалу князю Трубецкому за то, что онъ «не стыдится исповѣдать себя *христианиномъ* въ православнымъ», слово «*христианинъ*» печатается курсивомъ, а слово «*православный*» — обыкновеннымъ шрифтомъ. Что бы это значило?

²⁾ Прав. Обозр. 1891, вн. 3. Прилож. стр. 5.

САМОСОЗНАНИЕ И ЛИЧНОСТЬ.

Въ періодъ полной организаціи душевной жизни всякій нормальный человѣкъ, какъ извѣстно, представляетъ себя особымъ существомъ, рѣзко отдѣленнымъ отъ всего, его окружающаго, которое кажется ему находящимся внѣ его и обступающимъ его со всѣхъ сторонъ. Въ то же время онъ чувствуетъ непосредственно и сознаетъ себя центромъ, источникомъ и носителемъ силы, которая направляется на внѣшнее, измѣняя его самыми разнообразными способами и, въ свою очередь, испытывая различныя измѣненія подъ вліяніемъ этого внѣшняго. Изъ такого представленія и непосредственнаго сознанія себя у него образуется особое состояніе внутреннее, неизмѣнно и постоянно присущее въ томъ или другомъ видѣ въ каждый моментъ его сознательной жизни, сопутствующее каждому его измѣненію, дѣятельности, вообще, всѣмъ другимъ его состояніемъ. Оно называется самосознаніемъ и осуществляется въ идеѣ «я», или личности, которая предполагаетъ другую идею—не-я, личнаго и безличнаго внѣшняго. Обѣ эти идеи неразрывно связаны другъ съ другомъ, одна другую предполагаютъ, производятъ и уясняютъ. Но мы выдѣлимъ первую въ отвлеченіи и рассмотримъ ее отдѣльно.

Словомъ «я», которое во всѣхъ языкахъ, по мнѣнію филологовъ, есть звуковой жестъ, замѣняющій указаніе на себя, напр., рукою и производимый при помощи вдыханія особаго рода, концентрирующаго звукъ въ полости рта и направляю-

щаго его какъ бы внутри говорящаго, — словомъ «я» обозначается собственно весь человѣкъ, со всѣми свойствами его духовными и физическими, со всѣмъ содержаніемъ и строемъ его жизни и дѣятельности. Но въ то же время означаемое словомъ «я» оказывается не тождественнымъ со всѣмъ человѣкомъ и со всѣмъ содержаніемъ его жизни: оно является, напротивъ, основою и носителемъ этой жизни, ея производителемъ, субъектомъ и средою всѣхъ ея проявленій и измѣненій. Всякая сознаваемая душевная и физическая дѣятельность, какъ и вся ихъ совокупность, потому, сознается, представляется и мыслится какъ нѣчто принадлежащее этому «я»; какъ его проявленіе, состояніе, дѣятельность: «я», такимъ образомъ, является какъ бы владѣльцемъ всего состава душевнаго и тѣлеснаго. Само оно кажется и остается простымъ и единымъ при всѣхъ самыхъ сложныхъ и разнообразныхъ своихъ состояніяхъ и дѣятельностяхъ, а также всегда однимъ и тѣмъ же, всегда себѣ равнымъ, или тождественнымъ, при всѣхъ самыхъ глубокихъ измѣненіяхъ внутренней и тѣлесной жизни, съ самаго начала и до конца ея.

Въ виду такого отношенія «я» ко всему содержанію душевной жизни, ко всему человѣку вообще, также и особенно въ виду его неизмѣнности, постоянства, единства и тождества среди всѣхъ безчисленныхъ измѣненій и превращеній въ душевной и тѣлесной жизни, огромное количество психологовъ въ прежнее время и весьма многіе въ настоящее видѣли усматриваютъ въ самосознаніи и идеѣ «я» прямое и непосредственное воспріятіе духомъ или душою человѣческой своей метафизической, нефеноменальной сущности, лежащей въ основѣ всѣхъ явленій душевныхъ и ихъ производящей, въ концѣ-концовъ. Потому на явленіи сознанія и свойствахъ идеи «я», или просто — «я», главнымъ образомъ основывались и основываются отчасти доселѣ такъ называемыя доказательства бытія и субстанціальности души человѣческой. Но въ послѣднее время явился цѣлый рядъ изслѣдованій явленія самосознанія и личности — «я» со стороны психологовъ феноменалистическаго и, главнымъ образомъ, матеріалистическаго направленія, — въ которыхъ этотъ простой взглядъ разру-

шается и отвергается, повидимому, на основаніи очевидныхъ фактовъ опыта. Идея «я» оказывается возникающею постоянно, какъ всѣ другія идеи о внутреннемъ и внѣшнемъ (чего, впрочемъ, не отрицаютъ и психологи); по своему составу она оказывается не только сложною, но одною изъ самыхъ сложныхъ; единство личности, сознаваемое въ этой идеѣ — есть единство сложной ассоціаціи, единство организованнаго агрегата, какихъ много въ душевной жизни—слѣдовательно—иллюзія; притомъ же это единство постоянно нарушается особенно при болѣзненныхъ расстройствахъ, — личность удваивается, утраивается и т. п.: тожество личности, данное въ ея идеѣ—есть тожество отвлеченія, или общаго понятія, объединяющаго въ себѣ все сходное во всѣхъ душевныхъ состояніяхъ и естественно олицетворяемое,—слѣдовательно, опять иллюзія, и весьма часто нарушается и разрушается въ болѣзняхъ, когда человѣкъ забываетъ всю свою прошлую жизнь и сознаетъ себя другимъ существомъ. Изъ всего этого дѣлается выводъ, что идея «я» личности не только не есть непосредственное воспріятіе лежащей въ основѣ душевной жизни особой духовной сущности и не доказываетъ бытія ея; но прямо говоритъ противное и дѣлаетъ эту сущность ненужною и излишнею.

Эти два противорѣчивые взгляда на природу личности и ея идеи представляютъ собою крайности, заключая каждый долю истины. Они, потому, могутъ быть и должны быть примиримы и въ этомъ видѣ дать правильное и строго научное пониманіе этого замѣчательнаго и единственнаго въ мірѣ явленія. Дѣйствительно, съ одной стороны, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что самосознаніе развивается постепенно, что идея личности—«я» слагается изъ многихъ состояній и сложна, что существуютъ явленія раздвоенія и, вообще, мультипликаціи личности, также явленія ея превращеній въ другую; но этимъ не нарушается единство и тожество личности, и не устраняется необходимость признавать въ идеѣ ея самооткрытія духа, въ его существѣ, какъ неизмѣнной, единой и себѣ всегда равной субстанціи, только это самооткрытіе не есть прямое, непосредственное и простое воспріятіе, а ско-

рѣе необходимый выводъ и постулаты сознанія. Это мы и постараемся, по возможности, разъяснить и доказать въ своемъ изложеніи психологической теоріи идеи личности. Изложеніе этой теоріи представляетъ большія трудности, потому что самое начало самосознанія и первыя основы идеи личности совершенно ускользаютъ отъ внутренняго наблюденія. Когда это наблюденіе становится возможнымъ, — идея «я» и личности готова уже и обусловливаетъ самое наблюденіе внутреннее. За недостаткомъ собственнаго внутренняго опыта, и наблюденіе надъ другими, — въ данномъ случаѣ надъ дѣтьми, — оказывается тоже лишеннымъ опоры по самому своему существу, потому что наблюденіе надъ другими, какъ намъ извѣстно, есть только видоизмѣненіе самонаблюденія, и безъ этого послѣдняго невозможно. Такимъ образомъ, ученіе объ основномъ и первоначальномъ происхожденіи самосознанія и идеи «я», по необходимости, получаетъ видъ ряда предположеній, гипотезы, которая, при этомъ, допускаетъ повѣрку только непосредственнымъ сознаніемъ cadaго (и истинность которой съ очевидностію, — теперь по крайней мѣрѣ, — доказана быть не можетъ).

Представленіе о себѣ, о своей личности, о своемъ я, какъ о чемъ то особомъ, отдѣльномъ отъ всего окружающаго не дается человѣку прямо и непосредственно, и не есть простое, неразложимое состояніе. Не смотря на свою кажущуюся простоту, оно состоитъ изъ многихъ элементарныхъ духовныхъ дѣятельностей и, какъ образованіе каждой сложной идеи, представляетъ собою длинный и сложный процессъ, который, вслѣдствіе постепеннаго повторенія и сліянія различныхъ частей, получаетъ возможность возникать моментально. Исторію его образованія въ общихъ чертахъ можно представить слѣдующимъ образомъ.

Первоначально, въ первые моменты жизни, человѣкъ ничего не знаетъ ни о себѣ, ни о внѣшнемъ мірѣ, его окружающемъ, и никакъ не представляетъ себя, тѣмъ болѣе, что у него вообще нѣтъ еще никакихъ представленій. Онъ смутно сознаетъ рядъ смѣняющихся состояній ощущенія и отчасти различаетъ ихъ между собою — и только. Но мало по малу онъ начинаетъ

различать ощущенія, постоянно присущія организму, отъ ощущеній смѣняющихся. Къ ощущеніямъ постояннымъ относятся по преимуществу ощущенія мускульныя, къ смѣняющимся— всѣ остальные. Какъ извѣстно, мускульныя ощущенія, или мышечное чувство, не оставляетъ насъ ни на одну минуту въ теченіе сознательной жизни. Имъ сопровождаются не только всѣ движенія организма и его различныхъ частей, но и всѣ, повидимому, пассивныя состоянія его, различные виды покоя—стоянье, лежанье, сидѣнье. Благодаря ему, мы ощущаемъ, чувствуемъ весь свой организмъ и знаемъ, непосредственно чувствуемъ каждую часть его. Мы, вслѣдствіе привычки, не обращаемъ на него вниманія и не сознаемъ его присутствія; но когда производится усиленное движеніе, какою-нибудь частію организма или всѣмъ организмомъ, также, когда мускулы той или другой части тѣла при лежаньѣ, сидѣньѣ стояньѣ и т. п. напрягаются въ одномъ направленіи и утомляются, чувство это возникаетъ со всею отчетливостію. Дитя, конечно, ничего не знаетъ объ организмѣ своемъ и его частяхъ, не представляетъ себѣ ни формы, ни положенія ихъ, но тѣмъ не менѣе оно, при помощи мускульнаго чувства, чувствуетъ его и смутно сознаетъ присутствіе въ немъ частей. Къ мышечному чувству, которымъ сопровождаются безъ исключенія всѣ другія ощущенія, органы которыхъ всѣ окружены мышечною тканью, и изъ нея отчасти построены, присоединяются еще другія, хотя болѣе измѣпчивыя, чѣмъ мускульное, но тѣмъ не менѣе постоянно присущія,—ощущенія, сопровождающія процессъ дыханія, совершающійся безостановочно, процессъ кровообращенія, процессъ питанія, нервнаго усилія и вообще нервной дѣятельности. При смѣнѣ и разнообразіи всѣхъ другихъ состояній, они остаются постоянно и всегда съ однимъ характеромъ не только въ извѣстный моментъ, но и въ теченіе всей жизни индивидуума, измѣняясь только въ силѣ, напряженіи. При такомъ характерѣ своемъ, естественно, они скорѣе всѣхъ другихъ состояній воспринимаются и сознаются какъ по преимуществу намъ принадлежащія, какъ наша собственность, — потому несомнѣнно служатъ исходнымъ пунктомъ, основою и самою первою формою,

первымъ моментомъ нашего знанія о себѣ. Не измѣняясь въ теченіе всей жизни существенно, они также служатъ началомъ связывающимъ наше прошедшее съ настоящимъ, одинъ періодъ нашей жизни съ другимъ,—служать опорой такъ называемаго тождества нашего сознанія.

Къ ощущеніямъ постояннымъ присоединяются, далѣе, ощущенія, которыя не отличаются постоянствомъ, смѣняются часто другъ друга, но въ то же время сопровождаютъ каждый процессъ въ организмѣ, каждое состояніе всѣхъ органовъ чувствъ и притомъ съ однимъ и тѣмъ же характеромъ. Это—ощущенія пріятности или непріятности, здоровья или болѣзни. Особенно непріятныя возбужденія и болѣзненные чувства разнаго рода заставляютъ живое существо сосредоточивать на себѣ вниманіе и чувствовать свое бытіе, свою особность. Къ этому же разряду смѣняющихся, но постоянныхъ и неизмѣнныхъ, по своему характеру, состояній сознанія относятся періодически возобновляющіяся и тоже сопровождающіяся чувствомъ пріятности и непріятности такъ называемыя органическія или естественныя потребности—голода и жажды, потребность сна, движенія и покоя, также процессы выдѣленія изъ организма.

Ощущенія постоянныя, т. е. мышечное или мускульное чувство, и ощущенія, сопровождающія безостановочно совершающіеся процессы дыханія, кровообращенія и пр.; ощущенія мѣняющіяся, но постоянно сопутствующія въ той или другой своей формѣ всѣ другіе состоянія и процессы,—пріятность и непріятность и боль; ощущенія, сопровождающія періодически возбуждающіяся потребности и ихъ удовлетвореніе—всѣ эти ощущенія соединяются въ одно общее, всегда темное и неопредѣленное чувство бытія, общее всѣмъ животнымъ. Ощущенія внѣшнихъ органовъ чувствъ на первыхъ порахъ жизни не относятся ни къ чему внѣшнему и являются по преимуществу съ характеромъ пріятныхъ или непріятныхъ и тоже входятъ въ составъ этого темнаго, неопредѣленнаго чувства. Къ этому комплексу ощущеній органическихъ и внѣшнихъ, насколько они сознаются какъ процессы совершающіеся въ организмѣ, процессы пріятныя и непріятныя,—къ этому комплексу, собственно говоря, всегда и относится мѣсто-

имѣніе «я», хотя въ него въ послѣдствіи входитъ много другихъ элементовъ. Этотъ комплексъ и есть постоянный и неизмѣнный субъектъ или подлежащее всѣхъ нашихъ дѣятельностей, потому что со всѣми ими стоитъ въ постоянной связи, всѣми ими вызывается по закону смежности, со всѣми ими существуетъ одновременно, какъ фонъ картины со всѣмъ, что на ней изображается.

Съ развитіемъ организма до способности къ произвольному движенію и органовъ чувствъ до способности къ опредѣленнымъ воспріятіямъ, съ явленіемъ, въ соотвѣтствіе съ этимъ, большей организованности внутреннихъ процессовъ у ребенка,—общее чувство бытія усложняется новыми элементами, съ тѣмъ же характеромъ постоянства и неизмѣннаго присутствія сознанія: наступаетъ новый, слѣдующій, второй моментъ въ развитіи самосознанія. Перемѣняя, по желанію, мѣсто, двигая по собственному произволу руками и другими частями организма, приближая къ себѣ одни предметы и удаляя другіе, осматривая ихъ со всѣхъ сторонъ, поднимая тяжести и т. п., дитя начинаетъ опять смутно сознавать въ себѣ центръ силы, которая находится въ немъ при всякомъ измѣненіи его положенія, которую оно какъ бы носитъ въ себѣ и съ собою. Къ этому сознанію, которое при первомъ возникновеніи, какъ новое и въ первый разъ являющееся, должно отличаться особенною силою и живостію, присоединяется постепенное знакомство съ своимъ организмомъ, постепенное образованіе представленія о своей фигурѣ. Представленіе это образуется, съ одной стороны, при помощи зрительныхъ воспріятій различныхъ частей организма, въ связи съ мышечнымъ чувствомъ въ данной, воспринимаемой зрѣніемъ, части и съ осязательными ощущеніями отъ нея; съ другой—подъ вліяніемъ воспріятія фигуры другихъ людей, особенно фигуры дѣтей. Представляемая теперь общія очертанія собственного тѣла, образъ его вступаетъ въ постоянную связь съ мышечнымъ чувствомъ всего тѣла, съ сознаніемъ присутствія силы измѣнять положеніе тѣла и побуждать разнаго рода сопротивленія, также съ другими, описанными ощущеніями постоянными, которыя теперь локализируются или помѣщаются въ опредѣленныхъ, со-

отвѣтствующихъ частяхъ организма. Образъ этотъ становится тоже постоянно присутствующимъ въ сознаниіи и, какъ болѣе опредѣленный, превращается постепенно въ главный центръ сложной ассоціаціи постоянныхъ и, періодически возникающихъ состояній, объединяетъ ихъ собою, даетъ имъ опредѣленную форму, помѣщеніе. Послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ и многочисленныхъ опытовъ въ этомъ родѣ, періодъ которыхъ не одинаковъ у различныхъ субъектовъ, — что зависитъ отъ природной талантливости и обстановки, — вся описанная ассоціація получаетъ особенную прочность и постепенно уясняется. И вотъ, наступаетъ, наконецъ, моментъ, когда ребенокъ видитъ ясно и отчетливо свой организмъ, какъ нѣчто отдѣльное отъ всего его окружающаго, сознаетъ, что этотъ организмъ его собственность, что это — онъ самъ. Долго подготовляемый, моментъ этотъ наступаетъ вдругъ и моментально, со всею опредѣленностію и отчетливостію, какъ это часто можно наблюдать во всѣхъ сферахъ душевной жизни, гдѣ образуются очень сложныя дѣятельности. Его можно сравнить съ пробужденіемъ взрослого человека отъ глубокаго сна въ совершенно незнакомомъ мѣстѣ, или съ неожиданнымъ освѣщеніемъ темнаго и мало извѣстнаго пространства. Дѣйствительно, въ этотъ моментъ вдругъ и неожиданно все окружающее ребенка какъ бы освѣщается со всѣхъ сторонъ, и онъ, въ первый разъ, видитъ себя въ центрѣ этого окружающаго рѣзко и отчетливо ограниченнымъ и отдѣленнымъ отъ него, тоже какъ бы освѣщеннымъ. Подобнаго рода состояніе неожиданнаго пробужденія и испытаніе совершенно новаго положенія, естественно, должно производить глубокое, потрясающее впечатлѣніе. Уже въ силу этой своей напряженности, оно не можетъ быть продолжительнымъ, особенно, если принять во вниманіе еще неполное развитіе и слабость всѣхъ силъ духа. За первымъ пробужденіемъ опять наступаетъ погруженіе въ прежнее безсознательное состояніе на болѣе или менѣе продолжительное время. Какъ-будто блескъ молніи прорѣзываетъ въ этомъ случаѣ на нѣсколько мгновеній мракъ, въ которомъ до того находился ребенокъ, освѣщаетъ окружающее и его самого, и затѣмъ мракъ опять сгущается. Но въ это

мгновеніе тѣмъ не менѣе совершается великій переворотъ въ субъектѣ: животный индивидуумъ превращается въ человѣка, и зарождается разумный свободный духъ, способный теперь къ безконечному развитію и совершенствованію. Переворотъ этотъ, едва доступный описанію при помощи разнаго рода сравненій и метафоръ, есть самое таинственное и непостижимое изъ всѣхъ явленій бытія, и только для людей поверхностныхъ или ослѣпленныхъ предубѣжденіемъ онъ кажется чѣмъ то очень простымъ, понятнымъ и объяснимымъ изъ постепеннаго осложненія душевныхъ дѣятельностей. На самомъ дѣлѣ это осложненіе ровно ничего не объясняетъ и само по себѣ не можетъ, конечно, произвести совершенно новаго и качественно отличнаго отъ всѣхъ другихъ душевныхъ дѣятельностей состоянія, какимъ является, несомнѣнно, самосознаніе... Разъ явившись, различеніе себя, — «я» — отъ внѣшняго скоро и легко затѣмъ возникаетъ при благопріятныхъ условіяхъ вновь, по общимъ законамъ воспроизведенія всякаго душевнаго состоянія, разъ сформировавшись, начинаетъ являться потомъ все чаще и чаще, становится привычною и едва замѣчаемою и сознаваемое постоянною дѣятельностію и состояніемъ духа. Съ тѣмъ вмѣстѣ все яснѣе и яснѣе отдѣляющійся отъ человѣка внѣшній міръ, становящійся для него все болѣе и болѣе чужимъ, вызываетъ въ немъ, именно, въ силу этого отчужденія, глубокій интересъ и любопытство: возникаетъ стремленіе узнать его, стремленіе, которое заставляетъ ребенка осматривать каждый предметъ, пытаться его всѣми чувствами, обращаться къ взрослымъ съ постоянными вопросами и т. п. Это, необходимо являющееся за первымъ пробужденіемъ самосознанія, любопытство и интересъ къ внѣшнему міру у нѣкоторыхъ личностей сохраняется на всю жизнь, увеличивается, становится сознательнымъ и вызываетъ потомъ активное изслѣдованіе и изученіе явленій міра; но большинство уже въ дѣтствѣ и во всякомъ случаѣ въ зрѣломъ возрастѣ теряетъ это чувство интереса и любопытства, свыкается съ отчужденіемъ отъ внѣшняго и погружается снова въ полуживотное состояніе, въ какомъ было до перваго пробужденія самосознанія. Глубокое впечатлѣніе, производимое на душу первымъ актомъ пробужденія

самосознанія сказывается въ жизни каждой человѣческой личности тѣмъ, что моментъ пробужденія со всею его обстановкою, ближайшими обстоятельствами его вызвавшими, навсегда сохраняется въ памяти и ясно представляется, тогда какъ вся жизнь до этого момента и довольно продолжительный періодъ послѣ, совершенно почти исчезаетъ изъ памяти. Это воспоминаніе изъ ранняго дѣтства чаще связывается съ какимъ-нибудь крупнымъ событіемъ въ жизни дитяти, — съ потерей любимаго предмета или существа, наприм., испытаніемъ сильной радости и удовольствія; но нерѣдко — это бываетъ совсѣмъ мелкое и ничѣмъ незамѣчательное событіе, состояніе, дѣйствіе.

Въ періодъ описаннаго пробужденія самосознанія и долго послѣ, собственная личность человѣка, его «я» отождествляется всецѣло съ организмомъ, видимымъ носителемъ всѣхъ измѣненій субъекта страдательныхъ и дѣятельныхъ. Его «я» — это его собственное тѣло, съ которымъ онъ теперь познакомился, тѣло, присутствіе котораго онъ непосредственно чувствуетъ и сознаетъ, которое онъ осязаетъ и видитъ и образъ, представленіе котораго постоянно и неизмѣнно связываетъ со всѣми состояніями и измѣненіями, тѣмъ болѣе, что этотъ образъ тѣсно связанъ съ суммою постоянныхъ состояній сознанія въ формѣ неизмѣнно присущихъ мышечныхъ и органическихъ ощущеній. Но мало по малу фѣзическое лицо, тѣло со всѣми его свойствами и особенностями начинаетъ отступать на задній планъ, и центръ тяжести самосознанія переносится въ процессы духовные высшаго порядка и въ ихъ постоянныя свойства, хотя и организмъ тѣлесной или образъ — представленіе его навсегда остается въ составѣ идеи личности и исчезаетъ изъ него на время только на высшихъ степеняхъ отвлеченнаго созерцанія своей личности, созерцанія, котораго могутъ достигать только весьма немногіе люди. Само собою понятно, что также навсегда остается въ сознаніи «я», какъ его эмпирическія основы, комплексъ постоянныхъ ощущеній, изъ коего слагается главнымъ образомъ чувство бытія. Это перенесеніе совершается постепенно и начинается, по всей вѣроятности, сосредоточеніемъ вниманія на различіи между дѣйствительными воспріятіями, опытами и событіями жизни,

волненіями, желаніями и дѣйствіями; и ихъ внутренними отображеніями, воспоминаніями и представленіями. Послѣднія, какъ извѣстно, по самой своей природѣ отличаются меньшею яркостію, чѣмъ первыя, всегда ихъ блѣднѣе и слабѣе и потому легко узнаются и сознаются человѣкомъ какъ, — оставшіяся въ немъ навсегда, въ качествѣ его собственности, въ качествѣ содержанія его собственной личности, — слѣды и отображенія дѣйствительности; на ихъ совокупности и сосредоточивается теперь вниманіе въ актахъ самосознанія. Они отдѣляются въ сознаніи какъ нѣчто внутреннее, отличное отъ физическихъ измѣненій тѣла, объединяются (этимъ самосознаніемъ) въ одно цѣлое, какъ составныя части нѣкоторой внутренней организаціи, какъ содержаніе особаго внутренняго бытія, отличнаго отъ тѣла. Сознаніе это сначала необходимо бываетъ смутнымъ и неопредѣленнымъ; но оно постепенно проясняется, по мѣрѣ осложненія и организаціи внутреннихъ процессовъ въ различныя внутреннія дѣятельности, и входитъ въ составъ идеи «я», какъ постоянный ея элементъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ къ сознанію присутствія въ себѣ физической силы и возможности разнообразныхъ ея обнаруженій въ движеніяхъ, присоединяется постепенно чувство и сознаніе присутствія постояннаго силы духовной и возможности разнаго рода внутреннихъ дѣйствій или операцій, памяти, воображенія, соображенія и обдумыванія, волненія, желанія, рѣшенія и внутренняго усилія и т. п. Операціи эти сознаются, благодаря постояннымъ опытамъ, какъ постоянная готовность, возможность своего возникновенія при благопріятныхъ условіяхъ, т. е. какъ особаго рода способности или силы внутреннія, существующія до своего обнаруженія. Субъектъ мало по малу начинаетъ познавать себя постепенно, какъ агрегатъ и связку этихъ способностей, съ ихъ различными свойствами и степенями силы, которыя опредѣляются путемъ сравненія съ подобными же свойствами другихъ людей. Съ образованіемъ идеи добра и зла и накопленіемъ дѣйствій, осуществляющихъ и нарушающихъ нравственный законъ, къ этому агрегату (идеальному) присоединяется сознаніе такихъ или другихъ нравственныхъ качествъ: мало-по-малу человѣкъ начинаетъ, со-

знавая себя и произнося слово «я», разумѣть подъ нимъ свое внутреннее существо, съ его опредѣленнымъ содержаніемъ и опредѣленными его силами. Постоянно повторяясь въ этой высшей формѣ, самосознаніе приводитъ человѣка къ мысли, что внутри его, въ основѣ находящихся въ немъ постоянно отображеній прошлой и настоящей дѣйствительности, въ основѣ его силъ и способностей внутреннихъ находится особое начало, особая субстанція, отличная отъ тѣла, управляющая имъ и его носящая, какъ одежду. Идея «я» превращается въ идею души, въ образъ ея, въ которомъ концентрируется и объединяется все содержаніе внутренней жизни, въ формѣ какъ отображенія всей прошлой жизни, такъ и въ формѣ возможностей или способностей къ разнаго рода внутреннимъ дѣятельностямъ. Теперь идея тѣла и его свойства примыкаетъ только къ образу души, какъ второстепенная часть ассоціаціи, составляющей полную идею «я» или личности. Съ большею или меньшею опредѣленностью и ясностію этотъ составъ идеи личности, образующейся окончательно въ зрѣломъ возрастѣ, существуетъ необходимо у всѣхъ людей, на какой-бы низкой ступени развитія они ни находились, — у самыхъ неразвитыхъ и самыхъ образованныхъ. Съ образованіемъ его начинается дальнѣйшее отвлеченіе: душа отличается отъ всего ея эмпирическаго содержанія и всѣхъ ея способностей, получается то чистое «я» — простое по составу, неизмѣнное, всегда себѣ равное и тождественное, какимъ мы его описали въ началѣ; но это отвлеченіе съ опредѣленностію является у весьма немногихъ людей, хотя въ смутной формѣ у всѣхъ существуетъ и выражаетъ собою дѣйствительную природу самосознанія въ каждый изъ моментовъ его развитія.

Представленная въ предыдущемъ общая исторія возникновенія и развитія идеи «я» и личности, наглядно показываетъ, что идея эта, дѣйствительно, отличается чрезвычайною сложностію и на всѣхъ ступеняхъ своего развитія представляетъ въ своемъ составѣ множество элементовъ, объединяемыхъ, сначала идеею тѣла, затѣмъ идеею внутренняго состоянія, наконецъ, идеею души — субстанціи и духа. Далѣе, идея эта,

развиваясь изъ простѣйшихъ формъ и осложняясь постоянно, очевидно, измѣняется по своему составу, превращается постепенно и представляетъ нѣсколько формацій, изъ коихъ каждая включаетъ въ себя цѣликомъ предыдущую и входитъ въ свою очередь въ послѣдующую, чѣмъ и сохраняется непрерывность и единство личности, въ теченіе всей жизни. Но и этимъ не исчерпывается еще превращенія личности; въ каждомъ субъектѣ они слагаются изъ множества частныхъ формацій, смѣняющихся одна другую, и притомъ у нѣкоторыхъ подвергаются особаго рода болѣзненнымъ измѣненіямъ.

Вполнѣ и окончательно сформировавшееся самосознаніе, или идея «я» — личности слагается у всѣхъ людей изъ этихъ трехъ сложныхъ состояній или формъ его, возникающихъ преемственно одна за другою и сливающихся въ одно, болѣе или мѣнѣе прочно организованное цѣлое, возникающее въ сознаниі въ томъ же видѣ и по тѣмъ же законамъ, какъ и всякія сложные состоянія, т. е. въ видѣ одного простаго акта. При этомъ, въ зависимости отъ различныхъ условій и обстоятельствъ жизни личности, въ самосознаниі является преобладающею то одна, то другая, то третья форма «я» и, при господствѣ одной, двѣ остальные отступаютъ на задній планъ и едва сознаются. Въ одномъ случаѣ человѣкъ сознаетъ себя преимущественно какъ живой организмъ — тѣло, съ его чисто физическими свойствами, силами и измѣненіями, какъ постоянными, такъ и существующими въ данный моментъ; въ другомъ преобладаетъ сознаніе внутреннихъ силъ — ума, воли, чувства, ихъ качества, также качества нравственныхъ; въ третьемъ вниманіе сосредоточивается на душѣ, какъ особомъ существѣ, основѣ и послѣдней причинѣ жизни личности. Такимъ образомъ, содержаніе самосознанія и строй идеи личности, разсматриваемые въ томъ, что въ нихъ есть постояннаго и общаго, строго говоря, не бываютъ никогда однимъ и тѣмъ же, не только въ періодъ своего постепеннаго развитія, но и по окончаніи его: если не его составныя части, то ихъ взаимное отношеніе бываетъ различнымъ въ различные моменты жизни и въ этомъ смыслѣ общій характеръ самосознанія можетъ измѣниться нѣсколько разъ въ теченіе одного дня и даже часа. Но, кромѣ

этихъ общихъ измѣненій и превращеній, составъ и содержаніе и идеи «я» у каждаго индивидуума подвергается множеству частныхъ, свойственныхъ одной данной личности измѣненій въ теченіе жизни. Такъ, въ силу необходимой связи самосознанія съ представленіемъ внѣшняго, въ него всегда входитъ сложный образъ окружающихъ человека предметовъ, явленій и другихъ людей, съ которыми онъ находится въ такихъ или другихъ отношеніяхъ: сознавая себя, человекъ, потому, неизбежно представляетъ себя живущимъ въ такой-то мѣстности и въ такихъ-то постоянныхъ или временныхъ условіяхъ и отношеніяхъ съ другими людьми, принадлежащимъ къ такой-то націи, занимающимъ такое-то общественное положеніе, имѣющимъ какую-либо профессію и постоянную изо дня въ день повторяющуюся дѣятельность. Съ измѣненіемъ всего этого, понятное дѣло, измѣняется и эта часть состава самосознанія. При этомъ, опять.—въ одинъ моментъ своей жизни человекъ представляетъ себя по преимуществу жителемъ такой-то мѣстности или неимѣющимъ постояннаго мѣстопробыванія, въ другой членомъ семьи или общества, націи, въ третій—въ самосознаніи преобладаетъ представленіе общественнаго положенія, профессіи и т. п. Такого рода внутреннее измѣненіе самосознанія перѣдко сопровождается полнымъ измѣненіемъ характера и дѣйствій человека, и личность становится какъ-бы совсѣмъ другою, превращается въ собственномъ смыслѣ въ отношеніи къ содержанію разсматриваемой части своей: человекъ снисходительный и ласковый, напримѣръ, какъ отецъ семейства и членъ общества—кружка является суровымъ, недоступнымъ, когда сознаетъ себя, напримѣръ, начальникомъ, судьей; веселый и даже легкомысленный—становится серьезнымъ, важнымъ; смѣлый и рѣшительный—кажется и чувствуетъ себя робкимъ, стѣсненнымъ и т. п. Извѣстно также, какъ иногда поразительно измѣняется самочувствіе и представленіе о себѣ у людей, ставшихъ изъ подчиненныхъ начальниками, и наоборотъ, изъ бѣдняковъ богатыми, и наоборотъ и т. п.; какъ превращается самочувствіе и личность начальника въ присутствіи и даже при представленіи своего начальства, и у человека, занимающаго самую низкую степень въ общественной іерар-

хія, когда ему представляется возможность надъ кѣмъ-нибудь и надъ чѣмъ-нибудь повластвовать. Далѣе, каждому человѣку приходится нерѣдко входить въ положеніе другихъ людей и воспроизводить временно чужое самочувствіе и самосознаніе, воссоздавать въ себѣ чужое «я» — съ состраданіемъ или завистію, съ удовольствіемъ или отвращеніемъ. Въ этомъ случаѣ самочувствіе человѣка и самосознаніе какъ-бы подмѣняется на-время чужимъ. (Поэты, актеры). Рѣдкіе также свободны, особенно въ молодости, отъ разнаго рода мечтаній, въ которыхъ они представляютъ себя въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, со всевозможными возвышенными качествами, героями всякихъ приключеній и т. п. Всѣ эти временныя измѣненія въ представленіи себя, какъ опредѣленныя состоянія и образы, разъ явившись, получаютъ нѣкотораго рода устойчивость, становятся способными къ воспроизведенію и повторенію, независимо отъ обстоятельствъ вызвавшихъ ихъ въ первый разъ. Кромѣ всего этого, у каждаго человѣка составъ содержанія идеи личности измѣняется и превращается, болѣе или менѣе правильно и опредѣленно, сообразно съ возрастомъ: у каждаго бываетъ дѣтское самосознаніе состоянія полной зависимости отъ родителей, беззаботности, незнанія зла, мелкихъ дѣтскихъ интересовъ и приключеній. Продолжаясь довольно значительное время, въ предѣлахъ памяти,—это дѣтское самосознаніе, дѣтское «я» образуетъ прочно организованную формацію — представленіе; такая-же прочная ассоціація образуется въ періодъ отрочества, юности съ особыми отношеніями къ жизни, съ особымъ міросозерцаніемъ и массою событій; изъ этихъ формъ рѣзко выдѣляется самосознаніе и «я» періода зрѣлости и полного развитія всѣхъ силъ тѣла и духа; затѣмъ слѣдуетъ «я» наступающаго упадка силъ въ связи съ самодовольствомъ или раскаяніемъ, разочарованіями; наконецъ, «я» старческое — съ безучастнымъ созерцаніемъ окружающей жизни, нерѣдко съ возвратомъ къ дѣтству или съ думами о смерти и загробной судьбѣ. Всѣ эти и множество другихъ специальныхъ частныхъ формацій личности и самосознанія всегда, конечно, стоятъ въ отношеніи съ общими и главными, составляющими основу и общій фонъ для всѣхъ ихъ, и въ связи съ разнаго рода со-

бытіями, изъ коихъ слагается жизнь человѣка, располагаются въ памяти въ болѣе или менѣе длинный рядъ, связанный по смежности во времени. Опъ начинается съ образованіемъ яснаго воспоминанія и оканчивается наличнымъ даннымъ состояніемъ личности—индивидуума. У каждаго, понятное дѣло, этотъ рядъ свой особенный, сходный всегда въ большемъ или меньшемъ количествѣ пунктовъ съ рядами у другихъ людей, живущихъ въ одно время и при одинаковыхъ общихъ обстоятельствахъ и условіяхъ. Организованъ и связанъ этотъ рядъ тоже не съ одинаковымъ совершенствомъ у различныхъ людей: у однихъ, благодаря природной или ставшей привыкомъ невнимательности къ своимъ состояніямъ и событіямъ жизни, также вслѣдствіе природной или приобрѣтенной слабости и неточности памяти,—онъ отличается неопредѣленностію, спутанностію и сложностію; у другихъ всѣ главныя формы самосознанія и всѣ событія, съ ними связанныя такъ или иначе, расположены въ строгомъ и опредѣленномъ порядкѣ, соотвѣтственно порядку прошлой дѣйствительности,—что у людей культурныхъ облегчается значительно ассоціаціею событій жизни и внутреннихъ измѣненій съ числами дней, мѣсяцевъ, годовъ и иногда записями. Между этими крайними пунктами—самой низкой и непрочной и самой высокой и правильной организаціею всего содержанія прошлой жизни—существуетъ цѣлая скала градацій, которыя трудно выяснить и опредѣлить. Но при этомъ самый внимательный и памятный человѣкъ не можетъ все-таки ясно воспроизвести и тысячной доли всего пережитаго имъ и припомнить въ частности всѣ формы и видоизмѣненія своего самосознанія. Смутное общее сознаніе—чувство всѣхъ этихъ пережитыхъ измѣненій и превращеній присуще въ каждый моментъ самосознанія и всякій разъ, потому, присуще въ каждомъ частномъ случаѣ яснаго возникновенія идеи я; только по временамъ часть нѣкоторая возникаетъ съ опредѣленностію, и въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ встаетъ передъ человѣкомъ вся его прошлая жизнь въ важнѣйшихъ ея моментахъ, и исчерпывается, раздѣльно возникаетъ въ сознаніи все содержаніе личности, реализуется полная, въ существенномъ, идея его «я».

Представленный бѣглый и далеко не полный очеркъ измѣ-

неній и превращеній личности и идеи «я» показываетъ, что взятое во всемъ объемѣ самосознаніе человѣка средняго возраста и съ среднимъ богатствомъ жизненнаго опыта и перемѣнъ—представляетъ собою цѣлую громадную колонію, во всякомъ случаѣ очень многочисленную, разныхъ представленій «я» разныхъ идей личности, разныхъ по составу формацій ея. Каждая изъ нихъ стоитъ въ связи и соотношеніи съ общимъ составомъ этой идеи и со всѣми частными формами; но каждая въ то-же время есть опредѣленное, въ себѣ замкнутое и болѣе или менѣе прочно организованное и сплоченное цѣлое. Этотъ фактъ многочисленности и разнообразія, по составу представленій, собственнаго «я» и личности у каждого человѣка, прежде всего, если не вполне объясняетъ, то во всякомъ случаѣ освѣщаетъ многочисленныя и иногда странныя превращенія личности въ сновидѣніяхъ, душевныхъ болѣзняхъ и состояніи гипнотизма или искусственнаго сомнамбулизма, какъ это состояніе называли въ началѣ текущаго столѣтія. Въ душевной дѣятельности во время сна, извѣстной подъ именемъ сновидѣній, человѣкъ очень рѣдко сознаетъ себя тѣмъ-же самымъ, какимъ сознавалъ въ бодрственномъ состояніи за секунду даже до погруженія въ сонъ: онъ представляетъ себя обыкновенно другимъ лицомъ, въ другой совершенно обстановкѣ, въ другихъ условіяхъ жизни. При этомъ весьма часто, какъ это, конечно, извѣстно каждому по опыту, разные представленія личности спутываются и переплетаются или-же различныя формы ея быстро смѣняются одна другою и ставятъ человѣка въ самыя неожиданныя и невѣроятныя положенія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, и во всякомъ случаѣ въ большинствѣ ихъ, по всей вѣроятности, происходитъ простое воспроизведеніе прежде бывшихъ въ бодрственномъ состояніи измѣненій и формъ самосознанія, хотя эти измѣненія были моментальными и незамѣтными, а потому неудержаны памятью. И чѣмъ мимолетнѣе какая-либо форма, тѣмъ болѣе она имѣетъ шансовъ возникнуть во время сна. Вотъ почему намъ кажется весьма часто какое-нибудь представленіе себя во снѣ не приходило и не могло придти намъ въ голову въ бодрственномъ состояніи: на самомъ дѣлѣ оно было, конечно, въ другой нѣсколько формѣ, было,

напр., въ состояніи мечтаній и построеніи воздушныхъ замковъ или подъ вліяніемъ наблюденія другихъ людей, природы окружающей и т. п. -- Кромѣ постоянныхъ и нормальныхъ, существуютъ еще болѣзненные превращенія личности. Болѣзненные превращенія личности тоже въ большинствѣ случаевъ имѣютъ реальную основу въ прежнихъ формаціяхъ самосознанія, при этомъ причина ихъ укрѣпленія и преобладанія доселѣ непостижима, хотя несомнѣнно имѣетъ физическую причину въ измѣненіяхъ организма, невидимымъ образомъ измѣняющихъ дѣятельность души. Превращенія эти могутъ быть распределены на три группы, сообразно тремъ главнымъ составнымъ частямъ идеи «я». Первая имѣетъ основаніе въ измѣненіи общаго чувства организма, т. е. органическихъ и мышечныхъ чувствъ. Всѣ они начинаютъ восприниматься какъ-то иначе, а нѣкоторыя вовсе исчезаютъ, напр. мышечныя, кожныя и т. п. Человѣку въ этомъ состояніи кажется, что онъ сталъ совсѣмъ другимъ лицомъ, что — прежній онъ умеръ, что онъ сталъ безплотнымъ духомъ. При дальнѣйшемъ развитіи болѣзни, неопредѣленное сначала превращеніе наполняется содержаніемъ, и человѣкъ начинаетъ воображать себя какимъ-нибудь опредѣленнымъ лицомъ, при чемъ матеріаль для этого представленія берется изъ какой-нибудь прежде бывшей временно формы самосозанія и «я» и только раскрашивается въ подробностяхъ. Вторая форма превращенія болѣзненной личности коренится въ измѣненіи сознанія своихъ собственныхъ внутреннихъ силъ—ума, чувства и воли. Подъ вліяніемъ его, человѣкъ сознаетъ себя, наприм., великимъ гениемъ—изобрѣтателемъ, ученымъ, поэтомъ, реформаторомъ, царемъ, богомъ, наконецъ. И все это въ большинствѣ случаевъ представляетъ видоизмѣненіе представленій о себѣ въ нормальномъ состояніи, *via desideria*, которымъ человѣкъ предавался, можетъ быть, въ своихъ мечтахъ. Особую форму этого расстройства и превращенія личности составляетъ такъ называемое круговое помѣшательство, когда человѣкъ попеременно и большею частію, періодически воображаетъ себя то однимъ, то другимъ лицомъ. Третья группа расстройства личности въ формѣ превращенія имѣетъ источникъ въ измѣненіи идеи души, какъ

основы всей жизни личности. Въ этомъ случаѣ человѣкъ перестаетъ сознавать себя разумнымъ существомъ, находитъ, что онъ просто машина, на прим., локомотивъ, или неразумное животное—волкъ, быкъ, птица — и ведетъ себя сообразно съ этимъ представленіемъ. Опять здѣсь могутъ играть роль прежніе дѣйствительныя, можетъ быть, опыты человѣка представлять себя такъ,—бывшіе въ нормальномъ состояніи. По крайней мѣрѣ, относительно сознанія себя волкомъ сдѣлано наблюдение, что въ средніе вѣка, когда была вѣра въ возможность такого превращенія—помѣшательство весьма часто выражалось въ этой формѣ—въ формѣ ликонтропіи. Теперь случаи такого рода чрезвычайно рѣдки. Значитъ, въ болѣзненномъ состояніи самосознаніе, измѣнившись, подмѣнялось бывшимъ прежде опытомъ представлять себя волкомъ. Случаи превращенія личности въ гипнотизмъ замѣчательны особенно въ томъ отношеніи, что измѣненіе самосознанія въ гипнотизированномъ можетъ быть, по произволу, произведено путемъ внушенія.

Описанный нами фактъ постепеннаго образованія идеи субъекта— «я», или личности, ея превращеній и измѣненій въ теченіе жизни индивидуума, ея мультипликаціи—удвоенія, утроенія, наконецъ, ея разложенія и какъ-бы уничтоженія въ живой человѣческой особи,—фактъ этотъ, со времени Юма, пожалуй, даже Локка, приводится какъ доказательство противъ единства и тожества сознающаго субъекта, его слѣдовательно постоянства и неизмѣнности, среди разнообразія и смѣны явленій душевной жизни, а затѣмъ и его особности и субстанціальности. Но въ дѣйствительности здѣсь нѣтъ достаточнаго основанія для такого отрицательнаго вывода, даже нѣтъ, можно сказать, никакого основанія. Напротивъ, всѣ многочисленныя наблюденія надъ возникновеніемъ и жизнью личности въ нормальномъ ея состояніи и при болѣзненныхъ расстройствахъ, правильно понятыя и оцѣненныя, служатъ самымъ лучшимъ въ настоящее время подтвержденіемъ того, что въ основѣ всѣхъ измѣненій внутренней жизни человѣка лежитъ дѣйствительно нѣчто единое, всегда себѣ равное по своему существу, неизмѣнное въ способахъ своей дѣятельности, при всемъ безконечномъ разнообразіи содержанія этой дѣятельно-

сти; что это единое, тождественное и неизмѣнное есть особое начало сознающее, т. е. начало, вносящее единство въ разнообразіе внутреннихъ измѣненій, воспринимающее ихъ и дѣлающее ихъ объектомъ своего созерцанія, а въ нихъ и черезъ нихъ становящееся себѣ самому объектомъ, при помощи созерцанія отражаемаго въ нихъ своего собственнаго единства, постоянства и неизмѣнности. Дѣло въ томъ, во-первыхъ, — что при всякомъ измѣненіи въ содержаніи и направленіи самосознанія, при всякомъ превращеніи и измѣненіи идеи «я», или представленія человѣка о себѣ самомъ, — общій планъ построенія этой идеи, схема ея, въ которую укладывается измѣнившееся содержаніе, группируются новые элементы, остается однимъ и тѣмъ же: всѣ измѣненія, состоянія, дѣйствія всегда относятся къ одному постоянному пункту, всѣ отсюда освѣщаются какъ принадлежность, свойство измѣненія одного и отсюда получаютъ характеръ и смыслъ. Думаетъ ли человѣкъ о себѣ, какъ только о тѣлесномъ существѣ и непосредственно отождествляетъ себя съ тѣломъ, или сознаетъ себя носителемъ духовныхъ силъ и свойствъ, или, наконецъ, соединеннымъ съ плотію духомъ, онъ чувствуетъ себя единымъ, а всѣ измѣненія свои принадлежностью этого единого. При этомъ логичность, внутренняя связность и единство самыхъ даже нелѣпыхъ, болѣзненныхъ формъ самосознанія и «я» — поразительна. Человѣкъ, вообразившій себя царемъ, думаетъ и чувствуетъ и дѣйствуетъ какъ царь; вообразившій себя птицею, звѣремъ во всемъ стремится поступать какъ звѣрь или птица, — и такъ абсолютно во всѣхъ случаяхъ. Такимъ образомъ, личность въ самосознаніи всегда является какъ замкнутое цѣлое, имѣющее средоточіе. Въ послѣдовательномъ или одновременномъ удвоеніи или раздвоеніи личности, образованіи двухъ противолежащихъ или преемственно слѣдующихъ и взаимно даже вытѣсняющихъ друга друга самосознаній, съ различнымъ или даже противоположнымъ содержаніемъ, наблюдается тоже явленіе внутренняго единства, средоточія и одинаковой организаціи каждаго изъ этихъ самосознаній. Отсюда прямо слѣдуетъ, что въ душевной жизни всегда присутствуетъ какая-то сила, принципъ, который, во всякій данный моментъ и при всякомъ данномъ со-

держаніи и направленіи душевной дѣятельности, централизируетъ ее, организуетъ въ одно цѣлое, сводитъ всегда къ одному недѣлимому, себѣ равному пункту— «я». Эта сила одна оказывается устойчивою и постоянною среди непрерывнаго теченія душевной жизни и измѣненія ея содержанія: она группируетъ около себя и объединяетъ себѣ свои различныя явленія, въ каждый данный моментъ, облакаясь при этомъ въ различныя формы, какъ бы играя различныя роли. опредѣляется общими условіями и частными обстоятельствами всякаго отдѣльнаго человѣка. Призракомъ, такимъ образомъ, оказывается не она, какъ думаютъ психологи, отрицающіе единство и неизмѣнность личности, а эти ея различныя превращенія, измѣненія, мультипликаціи, какъ ея временныя, чисто случайныя формы, ея роли, которыя она сознательно принимаетъ на себя, или вынуждается принимать на себя обстоятельствами жизни, состояніемъ организма, съ которымъ неразрывно связана, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ его болѣзненными измѣненіями и расстройствами. Сама въ себѣ она при этомъ также мало измѣняется и превращается какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда, въ разные моменты обнаруживаетъ различныя способности и силы свои, т. е. въ одно время сосредоточивается въ познавательной дѣятельности, созерцаетъ и мыслитъ, въ другое — предается волненію, становясь какъ-бы однимъ болѣе или менѣе бурнымъ движеніемъ, иногда вовсе лишеннымъ мысли и представленія; въ третьемъ случаѣ обнаруживаетъ силу стремленія, сосредоточивается въ преслѣдованіи цѣлей внѣшнихъ и внутреннихъ, въ обнаруженіи дѣятельности и внутренней энергіи и т. п. Въ каждомъ изъ этихъ состояній сила дѣйствующая можетъ находиться продолжительное время, сохраняя постоянно готовность перейти въ другое, третье, комбинируя, затѣмъ, эти состоянія въ различныхъ пропорціяхъ. При этомъ она остается одною и тою-же, измѣняется только направленіе и содержаніе ея дѣятельности. Въ превращеніяхъ нормальныхъ и болѣзненныхъ, внушеніяхъ и т. п. самосознанія и личности повторяется тоже самое: сила самосознающая, полагающая себя какъ недѣлимое, простое «я» одна и та же, мѣняется только матеріаль, въ которомъ и черезъ который осуществляется са-

мосознаніе при тѣхъ или другихъ условіяхъ. Матеріаль этотъ, подъ вліяніемъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ, внѣшнею силою можетъ раздробиться на нѣсколько болѣе или менѣе устойчивыхъ группъ, изъ коихъ каждая становится способною стать особою формою самосознанія, давая средства организовать изъ себя единое цѣлое. Они будутъ слѣдовать другъ за другомъ въ быстромъ преемствѣ, ежеминутно смѣняя другъ друга съ такою быстротою, которая легко возбуждаетъ иллюзію ихъ одновременности. Тогда возникаетъ обманъ раздвоенія, утроенія личности, хотя въ дѣйствительности это будутъ всегда различныя формы дѣятельности одного и того-же самосознающаго начала, два или три, преемственно слѣдующія, измѣненія въ содержаніи, направленіи, наличныхъ средствъ и матеріалѣ этой дѣятельности, или двѣ, три устойчивыя группы состояній, объединяемыхъ самосознающею силою будутъ возникать, благодаря внѣшнимъ условіямъ, черезъ правильные болѣе или менѣе продолжительные періоды, и тогда явится иллюзія двойнаго существованія, двухъ духовныхъ жизней, различнаго направленія и содержанія.

Такимъ образомъ, всѣ измѣненія и превращенія идеи «я», личности и самосознанія прямо и очевидно свидѣтельствуютъ о единствѣ лежащей въ ихъ основѣ силы, о ея постоянномъ и неизмѣнномъ тождествѣ. И это при томъ предположеніи, что между различными формами идеи «я» и личности нѣтъ никакой связи, доступной наблюденію, и что общее единство жизни личности разрушается окончательно, т. е., наприм., два самосознанія, два «я» одного и того-же человѣка не объединяются въ какой-нибудь третьей общей имъ формѣ, въ которой они хотя-бы смутно чувствуются, какъ состоянія одного и того-же существа. Но въ дѣйствительности такого полного раздѣленія никогда не бываетъ, не только при превращеніяхъ содержанія идеи «я» и личности, естественныхъ удвоеніяхъ и утроеніяхъ ея, но даже въ самыхъ рельефныхъ болѣзненныхъ формахъ такого превращенія и раздвоенія. Относительно нормальныхъ измѣненій содержанія самосознанія — это никакъ и не отрицается, потому что здѣсь всегда сознается предыдущая форма самосознанія, болѣе правильная и устой-

чивая, при раздвоеніи сознается внутренняя связь и единство, общая основа двухъ направлений самосознанія—только съ меньшею ясностію и опредѣленностію, чѣмъ это бываетъ обыкновенно—и, кромѣ того, готовы возникнуть всѣ другія формы, бывшія когда-либо и сохранившіяся въ памяти. Они тогда представляютъ одно цѣлое и непосредственно сознаются какъ измѣненія одного начала и неизмѣнно группируются около этого единого, какъ его общее содержаніе и принадлежность. Въ случаяхъ болѣзненнаго измѣненія и раздвоенія разрывъ господствующей иллюзорной формы самосознанія съ предыдущими и со всѣмъ прожитымъ содержаніемъ кажется полнымъ, но это только кажется,—съ одной стороны, вслѣдствіе того, что, большею частію, эти измѣненія наблюдаются людьми, ищущими доказательствъ полнаго разрыва и разрушенія общаго единства личности, съ другой—вслѣдствіе трудности узнать отъ душевно больного человѣка то, какъ онъ себя чувствуетъ и сознаетъ рядомъ и одновременно съ подавляющими его иллюзіями и галлюцинаціями. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что хотя смутно, временно и по частямъ—прежнія формы самосознанія возникаютъ, и наличная форма ставится съ нимъ въ соотношеніе и связь, сознаваясь какъ часть и случай измѣненія одного и того-же. При этомъ обыкновенно выступаетъ съ большею опредѣленностію какая-либо изъ болѣе устойчивыхъ и привычныхъ формъ самосознанія: въ однихъ случаяхъ это бываетъ физическое самосознаніе, въ другихъ выступаетъ личность духовная.

Отвѣтъ на вопросъ, въ виду всего этого, о томъ, что это за сила, объединяющая всегда наличное содержаніе самосознанія и себя, наблюдающая въ немъ и черезъ него,—можетъ быть только одинъ: сила эта есть особый, духовный агентъ—душа—субстанція—особое существо, связанное съ тѣломъ и отъ него отличное. Правда, такой отвѣтъ есть своего рода гипотеза, но гипотеза, вынуждаемая необходимостію и потому граничащая съ дѣйствительностію. Она одна дѣлаетъ сколько-нибудь понятнымъ и представимымъ весь процессъ самосознанія въ его разнообразіи. Подставьте вмѣсто субстанціи духовной, какъ основы и дѣятеля въ самосознаніи и объеди-

ни личности, матеріальный организмъ, тѣло — и все въ этомъ явленіи становится темнымъ, непостижимымъ и необъяснимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніемъ противниковъ субстанціальнойности, сознающаго и самознающаго начала въ человѣкѣ, что основою единства самосознающаго служить тѣло и присущее ему общее чувство, называемое новымъ словомъ «целестезія», съ котораго, какъ мы видѣли, дѣйствительно, начинается сознание, — положеніемъ этимъ не только ничего не объясняется, но даже объясненіе и не начинается. Общее чувство организма есть состояніе сознания и внѣ его существовать не можетъ; для того, чтобы чувство это организовалось въ одно цѣлое состояніе изъ различныхъ элементовъ, входящихъ въ его составъ, — элементовъ весьма многочисленныхъ, необходимо предположить нѣкоторую объединяющую силу и притомъ силу сознающую. Силу эту нельзя считать свойствомъ организованнаго вещества, какъ это было показано уже, и — общеизвестно. Во всякомъ случаѣ, производство сознания изъ движенія вещества есть самая плохая изъ всѣхъ существующихъ гипотезъ. Но для объясненія самосознания, самооткрытія субъекта себѣ — самому въ своемъ единствѣ, нужно сдѣлать еще шагъ, который уже ведетъ матеріализмъ прямо въ область абсурда. Признавая основою и дѣятелемъ, производящимъ самосознание, общее чувство организма — целестезію, которая возникаетъ, съ его точки зрѣнія, неизвѣстно какъ, въ качествѣ добавки къ нервнымъ процессамъ въ мозгѣ, — онъ долженъ вообразить, что эта добавка, — этотъ призракъ воспринимаетъ самого себя, какъ единство, смотритъ на себя и думаетъ о себѣ, организуетъ и объединяетъ затѣмъ всѣ измѣненія самосознания. Надо имѣть слишкомъ большое предубѣжденіе и ненависть ко всему духовному и большой навыкъ обходить трудности и мириться съ несообразностями въ мысли, чтобы не видѣть въ подобномъ предположеніи верха нелѣпости. Въ сущности, все это построеніе даже не вообразимо и не осуществимо въ нашей мысли. Признаніе особаго — сознающаго и самосознающаго — начала духовнаго не только устраняетъ всякіе абсурды въ родѣ указаннаго, но вполне удовлетворительно объясняетъ все въ области явленій самосозна-

нія, при чемъ въ этихъ явленіяхъ открываются до извѣстной степени и общія формы бытія самосознающаго начала, его индивидуальность и особность въ каждомъ сознающемъ существѣ, --въ данномъ случаѣ, въ человѣкѣ.--Мы видѣли, что самое бытіе мыслящаго и сознающаго, --противоположнаго матеріальному—бессознательному,—начала есть фактъ, по меньшей мѣрѣ такой же очевидный, какъ и бытіе начала матеріальнаго, а въ дѣйствительности болѣе очевидный и непосредственно — прямо данный. Въ явленіяхъ самосознанія это начало открывается какъ абсолютно недѣлимая, въ себѣ замкнутая реальность, недѣлимый пунктъ энергіи, живой и развивающійся въ связи и соотношеніяхъ съ матеріею. Его основное свойство---сознаніе, т. е. различеніе и отождествленіе или сравненіе и идеальное отображеніе всего, съ нимъ соприкасающагося матеріальнаго, а затѣмъ и своихъ собственныхъ измѣненій и дѣятельностей, какъ основное свойство матеріи есть бессознательность и неспособность къ самоотраженію. Изъ этого двойнаго отраженія—матеріи въ ея формахъ и себя въ своихъ дѣятельностяхъ, въ связи съ различеніемъ—сравненіемъ всего состоитъ жизнь и дѣятельность этого пункта энергіи, этого атома *sui generis*, или монады, какъ жизнь атома матеріальнаго состоитъ въ слѣпыхъ сочетаніяхъ съ другими атомами и въ образованіи этимъ путемъ сложныхъ движеній и дѣятельностей вещества.

Веніаминъ Снегиревъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

30 Апрѣля № 8. 1891 года.

Содержаніе. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности Харьковской епархіи за 1889/90 учебный годъ (окончаніе).—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Совѣта Харьковского Епархіальнаго женскаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности Харьковской епархіи за 1889/90 учебный годъ.

(Окончаніе *).

IX.

Школьныя бібліотеки, состоящія изъ учебниковъ и пособій, а также книгъ для внѣкласснаго чтенія, имѣются лишь при 22 школахъ (о числѣ учебниковъ, книгъ для учителей и книгъ для внѣкласснаго чтенія учащихся, уѣздныя отдѣленія совѣта свѣдѣній не доставили).

Воскресныхъ и праздничныхъ чтеній въ церковно-приходскихъ школахъ, а равно и хороваго пѣнія во время праздничныхъ собраній въ этихъ школахъ въ отчетномъ году не было.

Кромѣ окружныхъ наблюдателей, нѣкоторыя церковно-приходскія школы за отчетное время посѣтили: г. начальникъ губерніи, о. предсѣдатель и члены Епархіальнаго училищнаго совѣта, нѣкоторые члены уѣздныхъ отдѣленій, г. директоръ народныхъ училищъ Харьковской губерніи, гг. инспекторы народныхъ училищъ, гг. попечители и попечительницы церковно-приходскихъ школъ.

Ближайшее руководство и наблюденіе за церковно-приходскими школами въ отчетное время было ввѣрено, примѣнительно къ количеству благочинскихъ округовъ, 34 наиболѣе способнымъ и опытнымъ въ дѣлѣ народнаго образованія священникамъ. Къ обязанностямъ наблюдателей относилось возможно частое посѣщеніе церковно-приходскихъ школъ, общее наблюденіе за правильнымъ и успѣшнымъ движеніемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ этихъ школахъ и руководство законоучителей и учителей по вопросамъ, касавшимся ихъ воспитательной практики, а также попеченіе о матеріальномъ преуспѣяніи существующихъ школъ и содѣйствіе къ открытію новыхъ. При повременныхъ обозрѣніяхъ школъ своихъ округовъ, наблюдатели слѣдили за тѣмъ, правильно ли велись учебныя занятія, соотвѣтствовало ли обученіе существующимъ учебнымъ программамъ и на мѣстѣ провѣряли степень религіозно-нравственнаго просвѣщенія учащихся; въ концѣ же учебнаго года производили повѣрочныя испытанія учениковъ въ томъ, что пройдено ими за отчетное время. Съ участіемъ приходскихъ священниковъ наблюдатели, при удобномъ случаѣ, указывали прихожанамъ, особенно деревенскимъ, на необходимость и важность воспитанія ихъ дѣтей въ духѣ православнаго христіанскаго вѣроученія и нравственности и,

такимъ образомъ, вызывая въ нихъ живое и дѣятельное сочувствіе на пользу церковно-приходскихъ школъ, выразившееся какъ въ открытіи крестьянскими обществами новыхъ церковно-приходскихъ школъ съ обязательствомъ поддерживать ихъ существованіе опредѣленными денежными взносами, такъ и въ посильныхъ пожертвованіяхъ на содержаніе уже существующихъ школъ. Нѣкоторые оо. наблюдатели, въ примѣръ дѣятельнаго участія и живаго интереса жизни церковно-приходскихъ школъ, присоединили и свои въ видѣ денежныхъ и матеріальныхъ пособій. Съ отличнымъ усердіемъ на пользу народнаго образованія въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамотности трудились окружные наблюдатели: 5-го Старобѣльскаго округа, прот. Михаилъ Павловъ, 1-го Зміевского округа, прот. Алексій Иларіоновъ и 3-й Харьковскаго округа, свящ. Димитрій Региневскій, наблюдатель Харьковскихъ градскихъ школъ, прот. Павелъ Ковалевскій и 1-го Богодуховскаго округа, свящ. Андрей Сапухинъ. Въ предѣлахъ Харьковской епархіи за отчетное время существовало 58 школъ грамоты, а именно: въ Ахтырскомъ уѣздѣ 3, въ Валковскомъ уѣздѣ 5, въ Волчанскомъ уѣздѣ 2, въ Зміевскомъ уѣздѣ 3, въ Изюмскомъ уѣздѣ 7, въ Купянскомъ уѣздѣ 3, въ Старобѣльскомъ уѣздѣ 24 и въ Сумскомъ уѣздѣ 7.

Дѣятельность наблюдателей и приходскихъ священниковъ въ отношеніи къ школамъ грамоты выразилась въ надзорѣ за тѣмъ, чтобы обученіе въ нихъ имѣло религіозно-нравственный характеръ, а потому и тѣ и другіе заботились о томъ, чтобы дѣти, поступающія въ школу, съ голоса прежде всего были научены правильно и выразительно произносить главнѣйшія повседневныя молитвы, и затѣмъ уже приступали къ обученію грамотѣ по книгамъ по преимуществу религіознаго содержанія.

Дѣломъ обученія въ школахъ грамоты занимались 62 чел., а именно: свящ. 12, діакон. 7, псалом. 27 и свѣтскихъ лицъ 16, въ томъ числѣ: окончившій курсъ духовной семинаріи 1, получившихъ образованіе въ народныхъ школахъ почетныхъ гражданъ 5, почетныхъ гражданъ 3, унтер-офицеръ 1 и 6 челов. крестьянскаго сословія. Какъ священники, такъ и другіе чины клира, за исключеніемъ одного діакона и псаломщика, изъ которыхъ первый получалъ денежное вознагражденіе въ размѣрѣ 50 р., а второй 40 р., занимались съ дѣтьми безвозмездно. Свѣтскія лица сред-

Вѣдомость № 1 о церковно-приходскихъ
(Приложеніе къ годовому отчету)

№ по порядку.	У ѣ з д ы.	Пространство уѣзда въ квадратнахъ верстахъ.	Количество населенія обоего пола.		Число православныхъ дѣтей школьнаго возраста.	
			Православныхъ.	Друг. испов.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.
1	Г. Харьковъ.	—	165812	22191	16683	16002
2	Харьковскій.	2578	151732	165	14902	14999
3	Ахтырскій	2441 ⁶ / ₁₀	136152	849	7128	7675
4	Богодуховскій	2770	114147	320	10789	10370
5	Валковскій	2015	111301	260	13972	13286
6	Волчанскій	3486	155500	102	12205	11120
7	Зміевскій.	4935 ⁶ / ₁₀	194653	251	15832	16467
8	Изюмскій.	5820	229000	52	18100	18540
9	Купянскій	6027 ⁹ / ₁₀	195301	397	13394	12880
10	Лебединскій.	2524	156830	323	14589	14367

нимъ числомъ получали за свои труды по обученію дѣтей отъ 1 до 3 р. и въ трехъ школахъ до 5 р. въ годъ за каждаго учащагося.

Обученіе въ школахъ грамоты совершалось по руководствамъ и пособиямъ, принятымъ въ церковно-приходскихъ школахъ. Изъ означеннаго числа школъ грамоты 24 были помѣщеніе въ церковныхъ сторожкахъ, 9 въ общественныхъ домахъ, 4 въ квартирахъ церковно-служителей, прочія 21 школа въ домахъ частныхъ лицъ.

Всѣхъ учащихся въ школахъ грамоты было 1505, въ томъ числѣ: мальчиковъ 1345, дѣвочекъ 160.

По отчетамъ уѣздныхъ отдѣленій совѣта, успѣхи учащихся въ школахъ грамоты по церковному ибнію и чтенію въ общемъ удовлетворительны.

На льготу IV разряда по отбыванію воинской повинности съ успѣхомъ выдержали экзаменъ два ученика Курячевской, Старобѣльскаго у., школы грамоты.

Къ развитію дѣла народнаго образованія въ уѣздахъ Харьковской епархіи были принимаемы нижеслѣдующія мѣры: съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, при уѣздныхъ отдѣленіяхъ открыты книжные склады, для продажи учебниковъ и пособій, употребляемыхъ въ церковно-приходскихъ школахъ, а также книгъ религіозно-нравственнаго содержанія отъ каковой продажи нѣкоторая часть вырученной суммы поступала на потребности особенно нуждающихся школъ въ уѣздахъ; по предложенію уѣздныхъ отдѣленій училищнаго совѣта и окружныхъ наблюдателей, мѣстные священники и другіе члены клира тѣхъ приходоѡ, въ коихъ не было никакихъ школъ, открывали школы грамоты, съ тѣмъ, чтобы, по мѣрѣ развитія учебнаго дѣла въ этихъ школахъ и улучшения оныхъ въ матеріальномъ отношеніи, переименовать ихъ въ церковно-приходскія.

Для болѣе успѣшнаго хода дѣла въ церковно-приходскихъ школахъ признается желательнымъ, чтобы а) при постройкѣ новыхъ церквей были устроены и особыя зданія для школъ и б) чтобы оо. благочинные принимали участіе въ засѣданіяхъ уѣздныхъ отдѣленій Епархіальнаго Училищнаго Совѣта на правахъ членовъ оныхъ; а для ближайшаго ознакомленія съ нуждами школъ и обсужденія мѣръ къ наилучшему удовлетворенію оныхъ были разрѣшеные жогодные окружные съѣзды священниковъ и другихъ лицъ, принимающихъ ближайшее участіе въ дѣлѣ преуспѣянія церковно-приходскихъ школъ.

школахъ Харьковской епархіи.

за 1883 (ю учебный годъ).

Сколько православныхъ дѣтей школьнаго возраста не посѣщаютъ школъ.		Число учащихся съ указан. исповѣд.								Число школъ цер.прих. и грамот.		Число приходоѡвъ съ населеніемъ.		Въ сколькохъ приходоѡхъ нѣтъ церковно-приходскихъ школъ.	
Мальч. чиков.	Дѣвочекъ.	Въ церк.-приходск. школахъ.		Въ школахъ грамоты.		Въ училищ. Минист. Нар. Просвѣщен.		Въ шк. друг. вѣдомс.		Дл. мал.	Дл. дѣв. Смѣшан. вѣн.	До 700 душъ.	Отъ 700 — 2000.		Свыше 2000 л.
		Мальч. чиков.	Дѣвоч.	Мальч. чиков.	Дѣвоч.	Мальч. чиков.	Дѣвочекъ.	Мальч. чиков.	Дѣвочекъ.						
14734	14386	368	41	—	—	1532	1575	49	—	5	—	—	—	22	14
11643	14381	259	63	—	—	3000	555	—	—	4	—	16	47	4	56
4742	7245	266	7	40	7	2080	423	—	—	6	—	14	40	5	48
8131	9921	413	30	45	20	2200	399	—	—	4	—	13	39	5	43
12441	12874	171	20	129	16	1231	376	—	—	—	—	4	31	4	29
8678	10592	80	23	170	15	3277	490	—	—	1	—	8	33	10	44
12336	15922	231	35	44	12	3221	498	—	—	—	—	9	62	5	64
15217	18121	322	22	161	19	2400	378	—	—	11	—	15	63	8	66
8913	12190	449	55	33	16	3999	619	—	—	—	—	5	41	18	46
12184	14098	175	12	—	—	2230	262	—	—	2	—	11	47	4	52

Вѣдомость № 2 о

№ по порядку.	У ъ З Д Ы.	Сколько соб- ственныхъ школьныхъ домовъ.	Наемныхъ.	Въ частныхъ квартирахъ.
1	Городъ Харьковъ	5	1	1
2	Харьковскій уѣздъ.	4	3	—
3	Ахтырскій	3	—	2
4	Богодуховскій	2	—	4
5	Валковскій	2	—	5
6	Волчанскій	1	1	—
7	Зміевскій.	1	3	1
8	Изюмскій.	3	1	13
9	Купянскій	6	2	—
10	Лебединскій.	1	—	—
11	Старобѣльскій	5	6	7
12	Сумскій	5	—	10
Итого		88	17	43

Вѣдомость № 3 о сред

№ по порядку.	У ъ З Д Ы.	Запасн. или ос- новной капиталъ.		Пособія отъ Свя- тѣйшаго Синода.		Пособія отъ цер- квей и духовен- ства.		Пособія отъ мо- насты- рей.		Отъ Епархі- альнаго училищ- наго со- вѣта.	
		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
		1	Городъ Харьковъ	—	—	38	—	—	—	—	—
2	Харьковскій	—	—	40	—	355	—	152	—	195	—
3	Ахтырскій	—	—	109	—	296	34	500	—	114	40
4	Богодуховскій	—	—	182	—	131	—	—	—	220	—
5	Валковскій	—	—	15	—	137	96	—	—	100	—
6	Волчанскій	—	—	110	—	399	84	—	—	100	—
7	Зміевскій.	—	—	125	—	475	56	—	—	285	96
8	Изюмскій.	—	—	88	—	101	—	500	—	165	—
9	Купянскій	—	—	93	—	122	6	—	—	146	50
10	Лебединскій.	—	—	20	—	193	88	—	—	100	—
11	Старобѣльскій	—	—	140	—	1256	6	—	—	187	75
12	Сумскій	—	—	40	—	1888	46	—	—	100	—
Итого				*) 1000		5357	11	1152	—	**) 2074	61

Примѣчаніе: *) 1. Къ 1890—91 учебному году состоитъ въ остаткѣ—1000
 **) 2. Сверхъ сего изъ наличныхъ средствъ, бывшихъ за отчетное
 въ расходъ: 1) въ жалованье завѣдующему письменною частію
 почтѣ денежныхъ пакетовъ—7 р. 84 коп., и 4) на выписку 1
 данными въ графѣ 5-й израсходовано—2599 р. 59 коп. Къ
 имѣется въ остаткѣ—541 р. 4. коп.

ШКОЛЬНЫХЪ ПОМѢЩЕНІЯХЪ.

Въ церков- ныхъ сторо- жкахъ.	Удобныхъ.	Неудобныхъ.	Сколько по- строено по- выхъ школь- ныхъ домовъ.	Сколько школьныхъ помѣщений застраховано.	При сколь- кихъ школахъ имѣется зе- мельный учас- токъ подъ садъ и огородъ.
1	6	2	—	8	—
4	4	7	1	4	—
6	8	3	—	1	—
8	4	10	1	2	—
3	6	4	1	2	1
5	2	5	—	—	—
7	5	7	1	2	—
3	10	10	—	—	—
10	10	8	—	4	—
3	1	3	—	1	—
36	13	41	3	2	—
4	17	2	2	5	1
90	86	102	9	31	2

ствахъ содержанія школь.

Отъ земства.	Отъ при- ходскихъ попечи- тельствъ.		Отъ во- лостныхъ и сельскъ обществъ.		Отъ го- родскихъ обществъ.		Отъ поле- чителей и благотво- рителей.		Сколько получаетъ. плати за ученіе.		Итого.		Сколько имѣется въ остаткѣ де- нежн. сред- ствъ на нача- лу слѣдующаго учебнаго года.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
—	—	570	—	—	500	—	575	—	779	50	2822	50	—	—
—	—	—	—	165	—	—	487	41	88	90	1483	81	55	34
—	—	—	—	—	—	—	480	—	50	—	1549	74	46	15
—	—	—	—	—	—	—	198	50	26	15	757	65	40	53
—	—	15	—	235	—	—	544	50	—	—	1047	46	100	—
—	—	—	—	—	—	—	213	40	—	—	823	24	75	34
—	—	—	—	150	—	—	8	—	—	—	1044	52	10	64
—	—	60	—	142	—	—	318	—	232	75	1606	—	49	13
—	—	70	—	30	—	—	422	—	54	—	938	31	68	6
—	—	—	—	50	—	—	100	—	—	—	463	83	143	83
—	—	100	—	130	—	—	363	15	—	—	2176	96	93	61
—	—	215	—	220	—	—	3174	78	279	—	5917	24	—	—
		1030		1122		500	6884	74	1510	30	20630	76	682	63

руб.

время въ распоряженіи Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, поступило Совѣта 350 р., 2) на канцелярскія нужды—164 р. 14 коп., 3) на пересылку по-экз. «Церковныхъ Вѣдомостей»—3 руб., итого—524 р. 98 коп. Всего съ пока-началу 1890—91. учебнаго года изъ мѣстныхъ поступленій Харьковской епархіи

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

25 Апрѣля текущаго года въ Правленіе Семинаріи доставлено благочиннымъ 2-го Старобѣльскаго округа, священникомъ Василиемъ Поновымъ 167 р. 20 к. добровольныхъ пожертвованій, поступившихъ отъ духовенства сего округа на устройство зданія для общежитія при Харьковской Семинаріи.

Увѣдомляя о семъ, Правленіе Семинаріи считаетъ долгомъ выразить жертвователямъ глубокую благодарность за ихъ сочувствіе нуждамъ семинаріи.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

Совѣтъ училища извѣщаетъ духовенство Харьковской епархіи, что приемные постѣ вакаціоннаго времени экзамены для поступления въ приготовительный и первый классы, а также и поддержка экзаменовъ воспитанницамъ приготовительныхъ классовъ Совѣтомъ училища назначены на 12 и 13 августа н. г., а 14 экзамены поступающимъ въ остальные классы и переекзаменовка воспитанницамъ сихъ классовъ; обычный актъ назначенъ на 11 іюня н. г.; при чемъ Совѣтъ училища предупреждаетъ, что всѣ лица, которыя не явятся въ назначенные дни къ экзамену, или переекзаменовкѣ, не будутъ впослѣдствіи допущены къ экзамену вовсе, а къ переекзаменовкѣ безъ представленія достаточно уважительныхъ причинъ неявки своевременно.

Епархіальныя извѣщенія.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу Господина Оберъ-Прокурора Св. Синода въ 30-й день марта 1891 г., Всемилостивѣйше соизволилъ на награжденіе канцелярскаго служителя Харьковской Духовной Консисторіи Якова *Ярошевича* чиномъ коллежскаго регистратора, за свыше 10 лѣтнюю усердную и полезную службу его.

— Указомъ Святѣйшаго Синода на имя Его Высокопреосвященства дано знать, что въ званіи почетныхъ попечителей церковно-приходскихъ школъ утверждены нижеслѣдующія лица: Директоръ Волчанской учительской семинаріи Владиміръ Христіановичъ *Хорошевскій*, по Волчанскому уѣзду, и землевладѣлецъ дворянинъ Евгенийъ Николаевичъ *Средболъскій*, по Валковскому уѣзду.

— Псаломщикъ (изъ окончившихъ курсъ Семинаріа) Іоанно-Предтечевской церкви, с. Мѣловатки, Купянскаго уѣзда, Николай *Веселовскій*, опредѣленъ на праздно священническое мѣсто при Успенской церкви, с. Алексѣевки Старобѣльскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ церквамъ Старобѣльскаго уѣзда, Предтечевской с. Варваровки кр. Стефанъ *Ключинскій*; Николаевской с. Волкодавовой кр. Петръ *Скубка*; Покровской заштатнаго города Недригайлова, Лебединскаго уѣзда, 2-й гильдіи кунецъ Федоръ *Русаковъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Кончина Его Императорскаго Высочества НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА Старшаго.—Собраніе членовъ Общества распространеніи Священнаго Писанія въ Россіи.—Собраніе членовъ С.-Петербургскаго епархіальнаго братства во имя Пресвятыя Богородицы.—Сельско-хозяйственная Искрасковщинская школа въ Сумскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи.—Благоустройство монастырей въ Владимірской губерніи.—Вопросъ о сибирскихъ лазахъ.—Колонизація «Новой Земли».—Племя Карагазовъ въ Иркутской губерніи.—Разсказъ переселенца, возвратившагося изъ Южной Америки.—Домъ трудолюбія въ С.-Петербургѣ.—Какъ чеканятъ монету въ С.-Петербургѣ на монетномъ дворѣ.—Уральскіе алмазы.—Вопросъ о кустарныхъ промыслахъ.—Медицинскіе совѣты.—Таблица вышедшихъ въ тиражъ 29 марта 1891 г. 5⁰/₀ облигацій 2-го восточнаго займа.—Объявленіе.

Высочайшимъ манифестомъ объявлено о послѣдовавшей 13 апрѣля кончинѣ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. Повелѣно наложить трауръ во всѣхъ частяхъ гвардіи и арміи на три мѣсяца.

Давно было извѣстно о печальномъ состояніи, въ которомъ находилось здоровье Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. Въ послѣдніе дни телеграфъ сталъ приносить все болѣе и болѣе тревожныя извѣстія о ходѣ болѣзни Великаго Князя. 13-го же апрѣля въ Крыму Его Высочество, на 60-мъ году жизни, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, въ Бозѣ почилъ.

Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, третій сынъ Императора Николая Павловича, родился 27 іюля 1831 г. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ Его Высочество посвятилъ себя военной службѣ и еще юношей участвовалъ въ Крымской кампаніи. Съ тѣхъ поръ и до конца жизни Великій Князь не оставлялъ военной дѣятельности и въ 1876 г. Его Высочество занималъ постъ командующаго войсками гвардіи и петербургскаго округа, будучи въ то же время генераль-инспекторомъ и кавалеріи по инженерной части.

Въ концѣ 1876 г. вся Россія единодушно привѣтствовала на-

значеніе Его Высочества главнокомандующимъ Дунайской арміею, назначенною для военныхъ операцій противъ Турціи.

Вступивъ въ командованіе этой арміей, Великій Князь, съ самаго дня объявленія войны и до окончанія кампаніи, доказалъ, что всеобщее сочувствіе, съ которымъ встрѣчено было Его назначеніе, было вполне Имъ заслужено. Блистательно задуманный и выполненный планъ переправы арміи черезъ Дунай сразу обнаружилъ въ Великомъ Князѣ выдающійся талантъ полководца. А побѣдоносное шествіе русской арміи до стѣнъ Константинополя, разгромъ турецкихъ войскъ подъ Плевной, на Балканахъ, Адрианополемъ, все это ясно доказало, что въ лицѣ Его Высочества русское доблестное воинство имѣло достойнаго Вождя.

Дѣятельность почившаго въ Бозѣ Великаго Князя въ русско-турецкой войнѣ была закончена подписаніемъ блистательнаго мирнаго трактата въ Санъ-Стефано. Если затѣмъ результаты побѣдъ русскаго оружія оказались не соответствующими его успѣхамъ, то въ этомъ было виновато во всякомъ случаѣ не русское войско и Его Августѣйшій Вождь.

Заслуги почившаго Великаго Князя были достойно оцѣнены Блаженной памяти Императоромъ Александромъ II и Его Высочество за взятіе Плевны былъ награжденъ высшимъ воинскимъ отличіемъ—орденомъ св. Георгія 1-й степени, а за блестящее выполнение русско-турецкой кампаніи вообще произведенъ въ генералъ фельдмаршалы.

Въ лицѣ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго Россія, раздѣляя скорби Царствующаго Дома объ утратѣ Дяди нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича, потеряла славнаго полководца, а русская армія кромѣ того—человѣка, глубоко преданнаго ея интересамъ, всегда любившаго военное дѣло и въ свою очередь пользовавшагося глубокимъ уваженіемъ и горячей любовью русскаго воинства, доблестнымъ вождемъ котораго Его Высочество былъ и въ мирное, и въ военное время.

15 апрѣля въ Харьковскомъ Кафедральномъ соборѣ послѣ преждеосвященной литургіи преосвященнымъ Владиміромъ, епископомъ Сумскимъ, въ сослуженіи съ Харьковскимъ духовенствомъ отслужена была панихида по почившемъ въ Бозѣ Его Императорскомъ Высочествѣ Государѣ Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ Старшемъ. На панихидѣ присутствовали: губернаторъ т. с. А. И. Петровъ, командиръ 10 армейскаго корпуса, г.-л. Н. Н. Винбергъ, началь-

никъ 10-й кавалерійской дивизіи, г.-л. А. М. Ребиндеръ, начальникъ артиллеріи 10 корпуса П. П. Эсауловъ, начальникъ 31 пѣхотной дивизіи г.-л. В. Э. Будде, генераль-майоръ Сукни, командиръ 1-й бригады 31 пѣхотной дивизіи г.-м. В. П. Голохвастовъ, начальники отдѣльныхъ частей, попечитель учебнаго округа т. с. Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ, харьковскій уѣздный предводитель дворянства князь Д. Ф. Голицынъ, управляющій казенной палатой д. с. с. А. И. Поповъ, ректоръ университета д. с. с. М. М. Алексѣенко, предсѣдатель губернской земской управы П. В. Кондратьевъ, городской голова И. О. Фесенко, представители правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и множество молящихся.

16 апрѣля, послѣ преждеосвященной литургіи, была отслужена въ Университетской церкви панихида по въ Возѣ почившемъ Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ. Гг. профессора и студенты приглашены присутствовать на панихидѣ.

— 8-го апрѣля въ Петербургѣ состоялось общее годовичное собраніе членовъ Общества распространенія Св. Писанія въ Россіи, подѣ предсѣдательствомъ профессора Н. А. Астафьева. Въ собраніи былъ прочитанъ отчетъ Общества о дѣятельности послѣдняго въ минувшемъ 1890 году, изъ котораго видно, что въ отчетномъ году было распространено 52,032 экземпляра книгъ Св. Писанія, въ томъ числѣ подарено въ больницы и тюрьмы 3,514 экземпляровъ; приходъ кассы составлялъ 31,775 рублей 50 коп., расходъ 32,259 рублей 82 коп.; такимъ образомъ оказался дефицитъ въ 484 рубля 32 коп. Причина дефицита та, что многіе изъ членовъ не доставили своихъ членскихъ взносовъ. Всѣхъ членовъ въ Обществѣ 1,361 лицо, въ томъ числѣ 471 духовныхъ и пять книгоношъ, которые были, какъ и всегда, главными дѣятелями въ Обществѣ. Въ особенности интересный отчетъ былъ прочитанъ о поѣздкѣ книгоноши И. К. Голубева въ прошломъ году въ западную Сибирь и Туркестанскій край.

— 9-го апрѣля въ домѣ оберъ-прокурора К. П. Побѣдоносцева происходило собраніе членовъ с.-петербургскаго епархіальнаго братства во имя Пресвятыя Богородицы.

Собраніе было открыто пѣніемъ братскаго хора, исполнившаго стариннымъ знаменнымъ распѣвомъ нѣсколько церковныхъ пѣснопѣній, послѣ чего на кафедрѣ возшелъ преосвященный архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій Амвросій и прочелъ рѣчь о сектантствѣ господствующемъ нынѣ среди нашего образованнаго общества.

Засѣданіе закончилось пѣніемъ хора.

— Министръ Государственныхъ имуществъ утвердилъ уставъ Искрисковщинской школы въ Сумскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи. Для устройства и содержанія этой школы мѣстный землевладѣлецъ И. Н. Терещенко пожертвовалъ искрисковщинскую экономію въ 300 десятинъ земли и 8 дес. плодоваго сада и огорода. Кроме того, для совершенствованія воспитанниковъ въ практическомъ сельскомъ хозяйствѣ И. Н. Терещенко предоставилъ все свое имѣніе, состоящее изъ девяти экономій, заключающихъ въ 10,000 дес. чернозема. Вообще Искрисковщинская школа обставлена въ матеріальномъ отношеніи лучше всѣхъ сельскохозяйственныхъ школъ, открытыхъ по настоящее время. Во вновь открытую школу уже поступило до 200 прошеній о зачисленіи въ ученики ея, при чемъ многія прошенія поданы лицами, окончившими гимназіи и трехклассныя школы министерства народнаго просвѣщенія; всѣхъ же вакансій въ школѣ 37.

— Монастыри съ начала своего существованія и до сихъ поръ служатъ для насъ нагляднымъ образомъ настоящей христіанской жизни. Ихъ значеніе теперь цѣннѣе, чѣмъ когда-либо, такъ какъ въ изуродованной интеллигенціи нашей подчасъ совсѣмъ стирается самое понятіе о томъ, что такое христіанскіе идеалы жизни.

Въ виду этого монастыри должны свѣтить распатанному обществу всѣмъ блескомъ святой жизни. Нельзя поэтому не привѣтствовать мѣръ Владимірской епархіи, о которыхъ сообщаетъ «Церковный Вѣстникъ»: Во Владимірской епархіи настоятели монастырей ежегодно въ январѣ являются къ преосвященному съ отчетностью по монастырямъ. Имѣя это въ виду, преосвященный Θεотнсть распорядился, чтобы всѣ настоятели монастырей одновременно прибыли во Владиміръ къ 23 января 1891 года и здѣсь въ общемъ собраніи, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Александра, викарія Владимірской епархіи, подвергли бы тщательному обсужденію слѣдующіе вопросы: 1) О воплиѣ согласномъ съ уставомъ совершеній богослуженія въ монастыряхъ и о введеніи во всѣхъ монастыряхъ дополнительныхъ молитвословій, на примѣръ, вечерняго правила и чяновъ (на примѣръ, о панагій) свойственныхъ монастырямъ; 2) о мѣрахъ къ улучшенію въ монастыряхъ церковнаго пѣнія и о введеніи въ нихъ напѣвовъ нотныхъ по изданнымъ отъ Св. Синода обиходамъ; 3) о мѣрахъ къ возвышенію духовно-нравственной жизни монашествующихъ и послушниковъ, и къ исправленію тѣхъ изъ нихъ, кои замѣчаются въ слабостяхъ; 4) о мѣрахъ къ предотвращенію въ монастыряхъ недостатка въ

священно-монашесствующихъ; 5) о мѣрахъ къ улучшенію гигиеническихъ условій въ монастыряхъ и къ соблюденію чистоты въ монастырскихъ помѣщеніяхъ, и 6) о мѣрахъ къ совершенно правильному веденію монастырскаго хозяйства, особенно въ общежительныхъ пустыняхъ.

Соборъ настоятелей дѣйствительно выработалъ рядъ мѣръ, которыя не новы по существу, но въ высшей степени важны по своимъ послѣдствіямъ, уничтожая на всѣхъ отрасляхъ монастырской жизни всѣ вкравшіяся злоупотребленія и ослабленіе дисциплины какъ въ личномъ подвигѣ монашесствующихъ, такъ и въ надлежащемъ благодѣіи монастырскаго службы.

— Г. Воронежъ возбуждаетъ въ «Свѣтѣ» очень важный вопросъ: быть ли не быть сибирскимъ, пограничнымъ съ Китаемъ, инородцамъ русскими христіанами?! Продолжать-ли идолопоклонникамъ ламамъ бытъ чиновнымъ духовенствомъ въ православной Россіи?! Эти нѣсколько странные вопросы совершенно умѣстны теперь, когда возможно, что временное, оказавшееся въ теоріи и въ практикѣ несостоятельнымъ, Положеніе 1853 года о ламахъ Сибири пріобрѣтетъ силу постояннаго основнаго русскаго закона?! Узаконить ли и поддерживать ли православно-русскому правительству ламайское идолопоклонничество въ православной Россіи, поощрять ли пропаганду ламаизма могучимъ покровительствомъ?!

Вотъ вопросы, кои, въ той или иной формѣ, неизбежно предстанутъ при разрѣшеніи разнообразныхъ вопросовъ объ устройствѣ быта язычествующихъ инородцевъ Восточной Сибири, которые прежними ошибочными распоряженіями правительственныхъ органовъ приписаны къ ламайскому идолопоклонническому суевѣрію. Ламы и ламаство въ Восточной Сибири, какъ пауки, опутали паутиной сибирскихъ инородцевъ. Какихъ бы сторонъ жизни и бытоустройства этихъ инородцевъ ни коснулись, при всякой изъ нихъ неминуемо столкнутся, станутъ лицомъ къ лицу съ поставленными здѣсь выше принципиальными религіозно-государственными вопросами.

Г. Воронежъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: было время при императрицѣ Екатеринѣ II, когда возникли между ламами безпорядки и тогда ихъ слѣдовало вовсе изгнать изъ русскихъ предѣловъ, какъ горсть пришлыхъ туземцевъ. Ламъ насчитывалось тогда всего только отъ 300 до 400 душъ. Вмѣсто этого ламъ водворили, организовали въ стройную, крѣпкую чиновную корпорацію и поработили имъ нѣсколько тысячъ пограничныхъ съ Китаемъ

сибирскихъ инородцевъ, въ ущербъ и политическимъ, и нравственнымъ, и экономическимъ, и религіознымъ интересамъ государства русскаго!..

Главнѣйшими послѣдствіями такого полуторавѣковаго, въ высшей степени аномальнаго развитія иноземнаго идолопоклонническаго ламства въ православной Россіи явились: 1) чрезвычайное, противозаконное и вредное для мѣстныхъ и для общихъ русскихъ интересовъ размноженіе ламъ съ 150 душъ на 15.000; 2) страшное экономическое разореніе и бытовое нравственное развращеніе этими ламами забайкальскихъ инородцевъ, не принявшихъ ламскаго званія; 3) неудержимое тяготѣніе и влеченіе сибирскихъ ламъ къ единовѣрнымъ имъ китайцамъ, Монголіи и Тибету и дѣятельное стремленіе ихъ отторгнуть отъ православной Россіи единоплеменныхъ ламамъ сибирскихъ инородцевъ, не ламскаго званія, и подчинять ихъ себѣ не только по вѣрѣ, но и граждански въ условіяхъ бытовыхъ...

Нужно ли доказывать, что къ этому злу нельзя относиться спустя рукава, тѣмъ болѣе косвеннымъ образомъ поощрять его развитіе?

— Въ «Русской Жизни» сообщаются данныя о колонизаціи Новой Земли. Колонизація эта началась вслѣдъ за посѣщеніемъ Новой Земли его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Алексіемъ Александровичемъ. На зиму 1888—89 года, къ которому относятся собранныя свѣдѣнія, всѣхъ семействъ осталось въ Новой Землѣ 12, въ числѣ 68 человекъ. Все ничтожное по количеству населеніе разбросилось на 250 верстъ въ длину и 130 въ ширину острова. При колоніи, кромѣ 4 семействъ самоѣдовъ, устроились на зимовку три русскіе промышленника помора. Имъ, для переселенія сюда, съ поморья, было выдано на три лица по 200 р. субсидій; имъ также были даны ружья, хорошее помѣщеніе, надѣлъ дровами и провизіей и все необходимое для зимовки. Ихъ зимовка должна была быть пробой и примѣромъ для будущихъ колонистовъ изъ русскихъ, въ виду колонизаціи этого острова русскими промышленниками Поморья съ Кольскаго полуострова.

Несмотря на всѣ трудности жизни въ холодѣ и мракѣ полярной ночи, опытъ оказался довольно удачнымъ. Что касается до колонистовъ, поселившихся въ самой колоніи, то они, повидимому, были довольны своею участію. Тюленьи промыслы оказались удобными и наступившій праздникъ Рождества встрѣчался довольно весело. Школа при церкви тоже оказала успѣхи; дѣти читали и начали уже писать, взрослые вытвердили молитвы, миссіонеръ былъ

доволенъ успѣхами своихъ малыхъ и большихъ учениковъ полярной школы. Самоѣды хотя и не обнаруживаютъ большихъ способностей при ученіи, но за то отличаются внимательностью и прилежаніемъ и, имѣя много свободнаго времени, съ удовольствіемъ учатся. Помѣщенія для школы нѣтъ, почему всѣ учатся въ квартирѣ священника, гдѣ просто усаживаются на полу кучей и учатся по азбукамъ, которыя хранятъ за пазухой вмѣсто сумы. Чтобы было свѣтло, надъ ними вѣшается лампа. У себя же они читаютъ обыкновенно приткнувшись къ ночнику, гдѣ горитъ тюленое сало.

На основаніи заявленій поморовъ газета высказываетъ, что русскіе промышленники, привезенные сюда для опыта, очень легко могутъ выносить какъ полярную ночь, такъ и одиночество и лишения подобной жизни. Они могутъ быть лучшими поселенцами этого острова: здоровье, силы, привычка къ морю, холоду, крѣпость и отвага поморовъ даютъ имъ право смѣло селиться, колонизовать Новую Землю. Они не растратятъ свои промыслы, какъ самоѣды, обставятъ удобнѣе жизнь и улучшатъ свое матеріальное положеніе, на что совершенно неспособны самоѣды. Отъ Поморовъ можно ожидать прочныхъ поселеній и хорошей помощи погибающимъ, и еслибы вмѣсто самоѣдовъ въ Кармакулы были поселены поморскія семьи, то колонія и пріютъ отъ этого много бы выиграли. Зимовщики поморы были очень довольны промыслами своими, и одинъ изъ нихъ не выѣхалъ на родину, оставшись на второй годъ. Остальные же два выѣхали только за тѣмъ, чтобы помочь семьямъ, и цынѣ намѣреваются ѣхать на Новую Землю уже съ семьями. Ихъ зимовка вызвала интересъ и въ другихъ поморахъ Бѣлаго Моря. Въ Архангельскѣ многіе поморы обращались послѣ этого съ просьбой дать имъ возможность зимовать и селиться на Новой Землѣ къ архангельскому губернатору князю Н. Д. Голицыну, который былъ всегда внимателенъ ко всему, что касается Новой Земли и ея колонизаціи.

Нужно надѣяться, что начатое дѣло будетъ при такихъ условіяхъ энергически поддержано.

— Нѣкто И. Ангарскій помѣстилъ въ «Восточномъ Обзорѣніи» этнографическій набросокъ о Карагазахъ, населяющихъ Иркутскую губернію. Это племя въ настоящее время близко къ совершенному исчезновенію съ лица земли, причемъ единственными въ литературѣ памятниками его существованія могутъ остаться, насколько извѣстно (автору), пятнадцать страничекъ о Карагазахъ священника Преловскаго, да двѣ—три странички въ сочиненіи од-

ного нѣмецкаго путешественника. Женщины у Карагазъ далеко не въ такомъ загонѣ, какъ у многихъ дикихъ народовъ. Служа помощницей мужу, Карагазка хотя и подчиняется ему, но тѣмъ не менѣе въ своей юртѣ является довольно полновластною хозяйкой и воспитательницей дѣтей. Ея заботы въ этомъ отношеніи однакоже преимущественно ограничиваются кормленіемъ ребенка и его пеленаніемъ. Карагазское дитя у дома лежитъ непременно въ углу юрты въ ящикѣ, обернутымъ въ берестяную кору, по груди нѣсколько разъ крестообразно обвязанное бичевкой или ремнемъ (поверхъ ящика). Ребенокъ кричитъ немилосердно, а мать какъ будто не слышитъ—варитъ себѣ пищу, а нерѣдко лежитъ безчувственно пьяная (особенно послѣ суглана), или, подвыпивъ порядкомъ, визжитъ, вцѣпившись въ чьи-нибудь волосы, испытывая такую же операцію и съ роскошными прядями своихъ черныхъ какъ смола волосъ со стороны какой-нибудь одичавшей тоже отъ вина подруги. Ребенокъ все еще кричитъ, но уже охрипшимъ, надорваннымъ голосомъ; крикомъ этимъ будитъ спящую у огня собаку,—она встаетъ и тихо идетъ въ уголокъ, гдѣ лежитъ ребенокъ: заботливо наклоняется надъ нимъ, горячимъ языкомъ лижетъ иззябшее лицо ребенка, согрѣваетъ его своимъ теплымъ дыханіемъ, пока онъ не успокоится. Въ темномъ, непривѣтливомъ углу тянется грустное воспитаніе карагазскаго ребенка, пока онъ не встанетъ на ноги; тутъ уже вполне его руководителемъ, охранителемъ, дядькой и гувернеромъ является собака. Держась за нее, онъ выучивается ходить, благодаря ей, маленькій сынъ, вымирающаго племени, спасается часто отъ паденій, ушибовъ и другихъ бѣдъ и напастей раняго безъ призорнаго дѣтства. Оттого собака въ карагазской юртѣ пользуется нѣкоторымъ правомъ гражданства и можетъ смѣло сибаритничать у костра; она не чужая въ юртѣ своего хозяина, а вѣрный, надежный другъ и отчасти заботливая, добрая нянька. Лакомствомъ для карагазскихъ дѣтей служитъ «бурдукъ», приготовленный изъ корнеплоднаго растенія сараны (Карагазы выкапываютъ корнеплодъ сараны изъ земли, вымываютъ, сушатъ его и получается такимъ образомъ сладковатая на вкусъ мука). Выходя изъ дѣтства, мальчикъ принимается за домашнія работы, тутъ онъ является помощникомъ матери, а затѣмъ наступаетъ для него многотрудное время: онъ приучается къ звѣропромышленности. Нѣсколько русскихъ охотниковъ звѣропромышленниковъ встрѣтились въ тайгѣ съ охотниками Карагазами; вниманіе Русскихъ, особенно привлекъ между Карагазами мальчикъ

лѣтъ 14, тощій, блѣдный, заплаканный. Русскіе спросили о причинѣ его слезъ, мальчикъ упрямо молчалъ, а старшіе отвѣтили, что онъ недавно упустилъ медвѣдя и благодаря ему, они терпятъ недостатокъ въ сѣбствныхъ припасахъ, потому и наказываютъ его голодомъ, не давая пищи до того времени, пока онъ не промыслитъ какую-нибудь добычу, а слѣдовательно пищу. «Да этакъ вѣдь онъ у васъ умретъ!» испуганно вскричалъ одинъ изъ русскихъ охотниковъ. «Можегъ», холодно и равнодушно отвѣчали Карагазы. Русскіе подѣлились пищей тайкомъ съ мальчикомъ, но онъ не сдѣлался веселѣе. На вопросъ о причинѣ такой печали, мальчикъ попрежнему упрямо молчалъ. Это было утромъ. Въ тотъ же день онъ плясалъ и плакалъ радостными слезами на едва застывшемъ трупѣ убитаго имъ медвѣдя; прежней тоски и тѣни не осталось. Самолюбіе охотника было удовлетворено, онъ былъ неизмѣримо счастливъ, тѣмъ больше, что съ этого дня начинается его совершенствіе; онъ дѣлается полноправнымъ гражданиномъ; въ этотъ день онъ переходитъ грань, отдѣляющую дѣтство отъ юности.— Тутъ онъ вступаетъ въ жизнь, какъ самостоятельное лицо.

— Переселенцы Сѣверо-Западнаго края, возвращающіеся какъ изъ сѣверной, такъ и южной Америки, проклинаютъ тотъ день и часъ, когда они туда отправились. 6-го марта, говоритъ польскій корреспондентъ «Варшавскаго Дневника», пограничными жандармами Александровскаго отдѣленія доставленъ въ Нешавское уѣздное управленіе для отправленія на родину или на мѣсто приписки возвратившійся изъ Америки постоянный житель села Кайзергведе, Константиновской волости, Самарскаго уѣзда и губерніи, проживавшій почти съ дѣтства въ деревнѣ Заваловка, Магаровской волости, Кіевской губерніи, Этельбертъ Вальтеръ, съ женой Эмилией и двумя малолѣтними дѣтьми. На допросѣ въ уѣздномъ управленіи, Вальтеръ далъ слѣдующее показаніе. Проживая въ Заваловкѣ, онъ тамъ женился на дочери крестьянина Готлиба Штилера и, какъ кузнецъ по ремеслу, обзавелся кузницей и жилъ безбѣдно. Слыша, что многіе для улучшенія своего матеріальнаго положенія уходятъ въ Америку, тестъ его и другіе односельчане стали подговаривать его, какъ человѣка, знающаго ремесло поѣхать въ Америку, чтобы лично убѣдиться, дѣйствительно-ли тамъ такъ хорошо, какъ люди говорятъ или мечтаютъ, и сообщить имъ съ полною откровенностью, какъ тамъ живетъ. Вслѣдствіе этихъ наговоровъ, Вальтеръ въ сентябрѣ прошлаго года, взявъ съ собой жену, дѣтей и около 300 рублей денегъ, отправился въ путь на

свой счетъ. Границу перешелъ тайно около Волочиска, изъ Волочиска, по желѣзной дорогѣ доѣхалъ до Бремена, а оттуда на пароходѣ въ Америку, въ городъ Балтимору. Не найдя въ этомъ городѣ подходящихъ занятій, онъ, по совѣту бывшихъ уже тамъ нашихъ эмигрантовъ, переѣхалъ въ гор. Юнгштейнъ, въ окрестностяхъ котораго находятся очень много желѣзнодорожныхъ и другихъ заводовъ, а также рудниковъ и каменоломенъ. Здѣсь съ большимъ трудомъ пріискалъ онъ себѣ работу въ рудникахъ, на фабрикахъ же и заводахъ не было никакой возможности получить работу, вслѣдствіе громаднаго наплыва рабочихъ изъ Россіи, Австріи и другихъ странъ. За двѣнадцатичасовую усиленную и безостановочную работу въ рудникахъ онъ получалъ по одному доллару и тридцати пентамъ (около 1 р. 70 коп. на наши деньги). Платы этой, при существующей тамъ общей дороговизнѣ, едва хватало на самое скудное пропитаніе его и семьи; объ обзаведеніи домашней утварью и одеждой для себя и семьи и думать было нельзя. Въ добавокъ съ 1 января 1891 г. почти всѣ желѣзнодорожные заводы прекратили дѣйствія, въ рудникахъ и каменоломняхъ прекращена добыча руды и угля. Сотни рабочихъ остались безъ заработковъ и принуждены были уходить на родину. Обо всемъ этомъ Вальтеръ въ нѣсколькихъ письмахъ сообщилъ подробно своему тестю и просилъ выслать ему денегъ для возвращенія на родину. Получивъ въ февралѣ извѣстіе, что деньги для него посланы въ Бременъ, онъ собрался въ обратный путь безъ всякихъ наличныхъ средствъ. Думалъ по дорогѣ просить подаянія, но неожиданно встрѣтилъ земляка Августа Лютера, который пробылъ въ Америкѣ болѣе года, не добился ничего и, получивъ изъ дому деньги, тоже возвращался домой. На счетъ этого добраго челоуѣка Вальтеръ доѣхалъ съ женой и дѣтьми до Бремена, гдѣ получилъ посланные тестемъ деньги и рассчитался съ благодѣтелемъ Лютеромъ. Изъ Бремена Вальтеръ отправился по желѣзной дорогѣ черезъ Берлинъ въ Александровскъ. Одновременно съ приходомъ изъ Америки въ Бременъ парохода, на которомъ прибылъ и Вальтеръ, въ Бременъ прибылъ пароходъ изъ Бразиліи. На этомъ пароходѣ было очень много возвращающихся изъ Бразиліи эмигрантовъ, преимущественно здѣшнихъ подданныхъ. Всѣ они въ ужасномъ положеніи, большинство безъ всякихъ средствъ для проѣзда на родину и много больныхъ. По ихъ рассказамъ, нѣтъ почти ни одной семьи, которая бы не лишилась тамъ кого-либо изъ своихъ членовъ. Много перемерло дѣтей. Всѣ возвращающіеся изъ

Бразиліи взрослые имѣютъ видъ крайне изнуренный, болѣзненный. Всѣ они, безъ исключенія, раскаиваются въ томъ, что послушались агентовъ и оставили отечество.

Почти всѣ эти агенты еврейскаго происхожденія.

— Лѣтъ двадцать тому назадъ среди столичныхъ филантроповъ возникла мысль объ устройствѣ такого благотворительнаго учрежденія, которое, будучи благотворительнымъ, въ то-же время способствовало бы уменьшенію тунеядства, исправляло бы нравственность, приучало бы къ труду и, что очень важно, давало бы возможность трудиться, давало бы пріютъ случайно потерявшимъ мѣсто, а также вновь пріѣзжающимъ въ столицу для пріисканія мѣста и т. д., вплоть до пріисканія мѣстъ своимъ питомцамъ. Объ осуществленіи этой идеи особенно хлопоталъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ петербургскихъ филантроповъ докторъ Дворяшинъ. Можно смѣло сказать, что если-бы не докторъ Дворяшинъ, осуществленіе этой благой мысли заставило бы ждать себя очень и очень долго. Всякому понятно, что такое предпріятіе требуетъ весьма значительныхъ затратъ, наши-же столичные филантропы, лишь только дѣло коснулось ихъ кармана, сейчасъ-же почувствовали охлажденіе, и великое дѣло чуть не было похоронено. Видя, что столь лелѣемому и стоившему столькихъ трудовъ плану грозитъ гибель, г. Дворяшинъ твердо рѣшилъ осуществить его и, не задумываясь, пожертвовалъ для этого чуть ли не все свое состояніе, а именно 300,000 рублей. Благодаря этой жертвѣ, въ Петербургѣ возникъ «Домъ трудолюбія». Были пріобрѣтены различные инструменты (столярные, токарные и проч.) по такимъ ремесламъ, которыя не требуютъ слѣшкомъ спеціальныхъ приспособленій. Вмѣстѣ съ этимъ въ Домъ трудолюбія были приглашены опытные и знающіе свое дѣло мастера и мастерицы, которые должны были не только завѣдывать мастерскими, соотвѣтственно своей спеціальности, смотрѣть за цѣлостью инструментовъ и матеріаловъ, но и обучать ремесламъ тѣхъ изъ питомцевъ, которые пожелаютъ этого. Особенное вниманіе было обращено на развитіе и доставку большаго количества работы женскимъ мастерскимъ—бѣлошвейной и портняжеской, число питомицъ которыхъ постоянно увеличивалось.

Съ теченіемъ времени, кромѣ различнаго рода мужскихъ и женскихъ мастерскихъ, явилась необходимость въ устройствѣ особаго, такъ сказать, интеллигентнаго отдѣленія, вслѣдствіе того, что постоянно являлась масса лицъ, какъ-то: чиновниковъ безъ мѣста, офицеровъ въ запасѣ, студентовъ, учителей ест., которымъ хотя и

не отказывали никогда въ принятіи, опредѣляя желающихъ изучить какое-нибудь ремесло въ соотвѣтственныя мастерскія или же давая такую работу на домъ, — но работа такая оказывалась несоотвѣтственной для нихъ и приносила мало пользы самому учрежденію. Поэтому устроено было особое отдѣленіе, въ которомъ занимались всевозможнаго рода перепискою, переводами ест. Чтобы имѣть всегда такого рода работу, администраціей Дома были завязаны сношенія съ различными торговыми учрежденіями, былъ закупленъ разнаго рода матеріалъ ест.

Для увеличенія средствъ Дома трудолюбія, въ уставѣ его былъ помѣщенъ параграфъ, по которому въ члены Общества попечительства объ учрежденіи принимается всякій, кто внесъ не менѣе одного рубля съ тѣмъ, что его имя печатается въ общемъ числѣ членовъ попечительства.

Въ Домъ трудолюбія принимается всякій бѣдный человѣкъ, заявившій объ этомъ словесное желаніе. По поступленіи онъ сейчасъ-же помѣщается въ тотъ отдѣлъ, который соотвѣтствуетъ занятію и сейчасъ же ему дается работа. Занятія въ Домѣ трудолюбія распредѣлены слѣдующимъ образомъ: работа начинается въ 7 часовъ утра; въ 8—8¹/₂ часовъ чай, затѣмъ работа до 12 часовъ дня; отъ 12 до 2 часовъ обѣдъ и послѣобѣденный отдыхъ; съ 2 до 4 работа; въ 4—4¹/₂ часовъ вечерній чай, затѣмъ до 7¹/₂ часовъ вечера работа; въ 7¹/₂—8 часовъ ужинъ и конецъ работы. По окончаніи работы каждый получаетъ билетъ на занятіе койки для ночлега въ другомъ зданіи Дома трудолюбія. Обѣдъ въ Домѣ трудолюбія состоитъ изъ двухъ блюдъ: щей или супа съ фунтомъ говядины и каши; къ обѣду полагается фунтъ хлѣба, въ чаю—полъ фунта. Курящимъ раздается табакъ. По субботамъ каждому питомцу Дома даются деньги на баню и кусокъ мыла.

Если кто изъ поступившихъ въ Домъ трудолюбія не имѣетъ законнаго вида или просрочилъ его, то начальство Дома принимаетъ на себя трудъ исклоротать его или перемѣнить. Если поступившій въ Домъ принадлежитъ къ крестьянскому обществу и имѣетъ за собой недоимку, то Домъ по истеченіи времени, когда администрація его успѣетъ оцѣнить трудъ вновь поступившаго, пополняетъ недоимку. Если кто изъ поступающихъ является въ ветхой, рваной одеждѣ, ему сейчасъ-же выдается приличная одежда, состоящая изъ рабочей блузы и шароваръ.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ всѣ работающія отпущаются для гулянья; заявившимъ себя хорошимъ поведеніемъ и

трудолюбіемъ предоставляется право воспользоваться однимъ изъ дешевыхъ удовольствій, на примѣръ, посѣтить одинъ изъ народныхъ театровъ; деньги, однако, на руки никогда не выдаются, а дается билетъ. Пропившій данное отъ Дома трудолюбія платье теряетъ право пребыванія въ Домѣ и лишается его покровительства.

При Домѣ трудолюбія заведена, такъ называемая, «адресная книга», въ которую записываются всѣ требованія лицъ и учреждений, желающихъ имѣть какого-либо мастераго или вообще служащаго. Въ эту-же книгу записываются начальствомъ Дома кандидаты на мѣста, выбираемые изъ числа тѣхъ питомцевъ Дома, которые въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ успѣли зарекомендовать себя хорошимъ и трезвымъ поведеніемъ, а также знаніемъ дѣла; противъ фамиліи каждаго изъ такихъ кандидатовъ дѣлается соответственная аттестація. Когда кто либо изъ питомцевъ Дома трудолюбія поступаетъ на мѣсто, ему дается соответственный костюмъ, причемъ берется слово уплачивать за данное платье по частямъ изъ получаемаго содержанія.

Сказаннаго вполне достаточно для того, чтобы понять, насколько полезны подобнаго рода учрежденія. Человѣкъ, дѣйствительно нуждающійся и желающій трудиться, сразу ставится въ такія условія, что, будучи удовлетворенъ въ своихъ насущныхъ потребностяхъ за сравнительно небольшой трудъ, онъ въ то-же время имѣетъ надежду въ самомъ недалекомъ будущемъ устроиться по своему желанію и занять соответственное мѣсто. Будучи обезпеченнымъ въ кускъ хлѣба, ему нѣтъ надобности отыскивать мѣсто, ходя по улицѣ, и мозолить глаза своимъ убожествомъ. Кромѣ всего этого, Домъ трудолюбія даетъ возможность почти безошибочно опредѣлить, дѣйствительно-ли человѣкъ нуждается въ помощи и, главное, заслуживаетъ-ли ее? Такимъ образомъ, Домъ трудолюбія является учрежденіемъ не только желательнымъ, но и крайне полезнымъ и благотѣльнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Нельзя не пожалѣть поэтому, что подобнаго рода учрежденія у насъ, въ Россіи, еще крайне не развиты. Разнаго рода благотворителей у насъ есть много вездѣ, но вся бѣда въ томъ, что дѣлая благотворенія, наши благотворители не интересуются и мало обращаютъ вниманія на результаты своихъ благотвореній, а между тѣмъ это очень важно.

— На-дняхъ на Петербургскій монетный дворъ привезли изъ Барнаула 330 пудовъ золота, которое скоро будетъ превращено въ имперіалы и полумперіалы. По словамъ «Новаго Времени», че-

чеканка происходитъ въ настоящее время, можно сѣзать, публично, такъ какъ каждую среду всѣ желающіе допускаются для осмотра лабораторіи и мастерскихъ двора во время самого производства работъ. А вотъ и ихъ описаніе: Въ лабораторіи золото, прежде всего, очищаютъ отъ стороннихъ примѣсей. Это дѣлается въ большихъ глиняныхъ чашкахъ или котлахъ, гдѣ золото нагревается вмѣстѣ съ сѣрною кислотою. Воздухъ здѣсь наполненъ удушливыми парами сѣры. Въ котлѣ же происходитъ въ это время поистинѣ адское шипѣніе. Затѣмъ, при дальнѣйшихъ химическихъ манипуляціяхъ, на днѣ котла остается осадокъ, надъ осадкомъ—мутный растворъ. Его сливаютъ и подвергаютъ надлежащей обработкѣ. Въ итогѣ получается химически чистое золото, въ видѣ порошка, сплывающаго въ небольшіе комья. Можно подумать, что передъ вами не золото, а красный песокъ для посыпки садовыхъ дорожекъ—до такой степени не внушительна эта землистая масса, заключающая цѣлое богатство въ сотни тысячъ рублей. Вотъ какъ ошибочно судить о чемъ-либо по наружному виду!..

Гораздо красивѣе выглядятъ двѣ синія скалы, стоявшія у входа въ лабораторію.

Однако, это только мѣдный купоросъ и цѣна ему нѣсколько копѣекъ.

Землистые комья химически чистого золота накладываются въ формочки и прессуются. Эти драгоценные кирпичи потомъ бросаютъ въ плавильную печь.

Тутъ картина мѣняется. Попросите отворить дверцу печи и вы увидите тогда ея золотое дно. Расплавленное золото величаво спокойно, оно слишкомъ тяжеловѣсно и благородно, чтобы кипятиться подобно какому-нибудь бульону. Только изъ дверецъ печи вылетаютъ на воздухъ яркія искорки золотого перегара. Они необычайно эффектны.

Словомъ, тутъ вы уже чувствуете, что передъ вами настоящее золото, а не песокъ для садовыхъ дорожекъ.

Той же самой процедурѣ химической очистки, осажденія, формованія и плавленія подвергаются въ лабораторіи и другіе металлы: серебро и мѣдь.

Расплавленный металлъ, перемѣшанный съ нужнымъ количествомъ лигатуры, отливается въ видѣ продолговатыхъ четырехугольныхъ плитъ, которыя сдаются лабораторіей въ мастерскія монетнаго двора.

Здѣсь происходитъ самая чеканка.

Для этой цѣли металлическая плита предварительно плющится на громадной вальцовкѣ и такимъ способомъ получаютъ гладкіе листы той или другой толщины, смотря по роду приготавливаемой монеты. Понятно, что листы для мѣдныхъ пятаконъ, напримѣръ, должны быть толще тѣхъ листовъ, изъ которыхъ дѣлать полкопѣйки. Эти листы рѣжутся на полосы пальца въ 2—3 шириною, опять смотря по монетѣ.

Теперь обратите вниманіе на колоссальныя машины съ паровымъ приводомъ. По маховымъ колесамъ бѣгутъ широкіе ремни, исчезающіе гдѣ-то подъ поломъ. Слышенъ равномерный стукъ сильныхъ ударовъ. Точь въ точь будто передъ вами швейныя машины, только крупныхъ размѣровъ. Это и въ самомъ дѣлѣ, если хотите, швейныя машины, но вмѣсто бумажной или шерстяной пряжи, онѣ имѣютъ дѣло съ металлическими полосами, о которыхъ сейчасъ было сказано. Роль швейной иглы здѣсь исполняетъ круглый штампъ, а вмѣсто чохлой швен передъ каждой машиной сидитъ дюжій бородачъ. Держа въ рукѣ полосу металла, онъ осторожно пододвигаетъ ее подъ удары штампа и послѣ каждаго удара на полосу образуется круглое отверстіе. Выбитые кружочки вполне соотвѣтствуютъ приготавливаемой монетѣ;—и по діаметру, и по толщинѣ. Изъ-подъ штампа они падаютъ внизъ, въ особый ящикъ. Вы едва успѣваете слѣдить, какъ они текутъ туда другъ за другомъ.

Эти кружочки отличаются отъ монеты, только отсутствіемъ чеканки: двуглаваго орла, съ одной стороны, и названія, съ другою. Остается пополнить этотъ недочетъ и кружочекъ превратится въ монету.

Для такой цѣли служатъ точно такія же машины, какъ и предыдущія. Но только тамъ былъ гладкій штампъ и подъ нимъ отверстіе, а тутъ два штампа и оба съ рѣзьбою, соотвѣтствующіе монетѣ. На верхнемъ штампѣ одна сторона монеты, на нижнемъ—другая.

Если металлическій кружокъ попадаетъ между этими двумя штампами, то на немъ одновременно отчеканятся обѣ стороны и онъ превращается въ монету.

Но этимъ не кончается дѣло. Монета должна быть точно опредѣленнаго вѣса. Пригодность ея въ этомъ отношеніи рѣшаютъ чувствительныя вѣсы чрезвычайно сложнаго устройства.

Разумѣется, какъ чеканка, такъ и вывѣшываніе, а также сортировка монеты идетъ автоматически. Машины и вѣсы работаютъ

сами по себѣ. Трудъ же рабочихъ сводится единственно къ тому, чтобы во-время наполнить воронку кружками или монетами. Изъ этой воронки они по трубкѣ потекутъ сами куда слѣдуетъ, силою собственной тяжести. Короче, это трудъ кочегара, слѣдящаго за тѣмъ, чтобы въ паровозѣ было достаточно топлива и воды.

— Недавно въ Уральскомъ Обществѣ любителей естествознанія почетнымъ хранителемъ музея Общества Д. И. Лобановымъ было сдѣлано сообщеніе объ уральскихъ алмазахъ, по поводу приобретеннаго имъ въ минувшемъ январѣ алмаза, несомнѣнно уральскаго происхожденія. Пермскія Губернскія Вѣдомости сообщаютъ слѣдующія подробности о находкѣ этого алмаза. Къ мѣстному торговцу уральскими камнями В. И. Лапину пришелъ крестьянинъ съ не большою партіей рубиновъ и сафировъ, добытыхъ на Старательскомъ приискѣ въ Невьянской дачѣ, Аятской волости, близъ деревни Киприной, въ пяти верстахъ отъ с. Аятскаго, и предложилъ купить найденный на томъ же приискѣ неизвѣстной ему породы камешекъ, снятый при промывкѣ золота съ валгерда. Лапину принесъ камешекъ къ Д. И. Лобанову, который купилъ его за недорогою сравнительно цѣну. Камень оказался уральскимъ алмазомъ; вѣсиль онъ немного менѣе $\frac{1}{2}$ карата, имѣетъ форму ромбическаго додекаэдра, почти безцвѣтенъ, прозраченъ и имѣетъ внутри черное пятнышко. Въ январѣ г. Лобанову удалось приобрести другой крошечный алмазикъ съ прииска г. Поклевскаго, въ Монетной дачѣ (Мостовской приискъ). Дорогія находки г. Лобановъ принесъ въ даръ музею Общества, въ которомъ до сихъ поръ не было уральскихъ алмазовъ. Въ своемъ сообщеніи Д. И. Лобановъ сдѣлалъ довольно подробный очеркъ исторіи находокъ алмазовъ на Уралѣ. Съ 1829—1858 годъ найдено на Уралѣ 131 экземпляръ алмазовъ. Наибольшій алмазъ вѣсиль $4\frac{15}{23}$ карата. 1830 годъ былъ самый богатый по количеству найденныхъ алмазовъ; тогда найденъ 21 экземпляръ.

— Въ послѣдніе годы кустарные промыслы обратили на себя особенное вниманіе и правительства, и земскихъ учреждений. Различныя общества, какъ вольно-экономическое, русское техническое, сельско-хозяйственныя и др. тоже серьезно занялись этимъ вопросомъ; наконецъ, періодическая печать удѣляетъ много мѣста на своихъ столбцахъ разнымъ сторонамъ вопроса о кустарныхъ промыслахъ.

Кустарные промыслы имѣютъ у насъ исключительно важное значеніе, служа весьма значительнымъ подспорьемъ къ хлѣбона-

шеству. Не смотря на это, наше кустарное производство, по отношенію къ сбыту своихъ произведеній, поставлено въ крайне тяжелыя условія, при которыхъ ему приходится вести борьбу за этотъ сбытъ въ силу одной его мелкости, разрозненности и бѣдности; результатомъ этого является подчиненіе этого сбыта разнаго рода посредникамъ и скупщикамъ еще гораздо раньше, чѣмъ кустарныя издѣлія достигнутъ рынка, гдѣ они наравнѣ съ произведеніями крупной промышленности подвергаются всѣмъ случайностямъ конкуренціи, колебанія цѣнъ, торговыхъ кризисовъ и т. п. Это и есть главное и коренное зло, отъ котораго страдаетъ наша кустарная промышленность. Такимъ образомъ упорядоченіе сбыта кустарныхъ издѣлій является главною цѣлью, къ достиженію которой должны быть направлены всѣ мѣропріятія.

Лучшіе изслѣдователи кустарной промышленности сходятся въ томъ, что артельная форма представляется для кустарнаго производства надежнѣйшимъ оплотомъ въ борьбѣ съ посредниками и скупщиками. Форма артелей зависитъ отъ мѣстныхъ условій и характера производства. На первое время, какъ легче осуществимая и болѣе доступная, пойдетъ въ ходъ сырьевая и складочная форма артели, т. е. заготовленіе сообща сырого матеріала и сдача готовыхъ, издѣлій за отвѣтственность всей группы, причемъ земство могло бы оказать артелямъ поддержку организаціей для нихъ кредита при заготовкѣ матеріала и выдачей денежныхъ авансовъ подъ готовые издѣлія. Затѣмъ, земство можетъ быть безкорыстнымъ посредникомъ между кустаремъ и заказчиками, если такими являются разныя правительственныя вѣдомства, желѣзныя дороги и разныя промышленныя и общественныя учрежденія. Далѣе, по распространенію издѣлій кустарей среди частныхъ потребителей дѣятельность земства выразится въ устройствѣ въ разныхъ центральныхъ пунктахъ и въ большихъ городахъ складовъ кустарныхъ издѣлій. Но, разумѣется для проведенія въ жизнь всѣхъ этихъ мѣропріятій при земствахъ необходима особая организація, вѣдающая дѣло кустарной промышленности въ губерніи. Прежде всего земство должно обстоятельно ознакомиться съ промыслами губерніи, собрать по этому предмету статистическія данныя. Эту функцію съ удобствомъ могутъ исполнить и уже исполняютъ земскія статистическія бюро, или особые кустарные комитеты или, наконецъ, учрежденныя въ нѣкоторыхъ земствахъ экономическія бюро. Изъ среды мѣстныхъ землевладѣльцевъ, земскихъ врачей, учителей и другихъ лицъ, проживающихъ въ уѣздахъ, могутъ быть выбраны

кустарные полечители, функция которых должна быть чрезвычайно широкой въ смыслѣ собиранія и доставленія свѣдѣній о промыслахъ его участка, о размѣрѣ производства, о качествахъ и стоимости издѣлій. Съ развитіемъ этого дѣла можетъ, наконецъ, явиться необходимость въ учрежденіи особаго института лицъ, стоящихъ близко у дѣла, являющихся ближайшими исполнителями всѣхъ мѣропріятій земства по упорядоченію сбыта и улучшенію техники кустарныхъ издѣлій и его представителями въ сношеніяхъ съ агентами нравительства и частныхъ учреждений по полученію заказовъ на кустарныя издѣлія, института аналогичнаго съ институтомъ земскихъ страховыхъ агентовъ; этотъ институтъ можетъ быть названъ институтомъ кустарныхъ техниковъ. На обязанности этихъ же техниковъ должно лежать распредѣленіе полученной работы между кустарями, слѣдить за правильнымъ и своевременнымъ ея исполненіемъ и сдавать готовые издѣлія. Установленіемъ этого института, помимо его полезности по существу, открывается широкая и благодарная, въ смыслѣ нравственнаго удовлетворенія, дѣятельность для нашей молодежи, окончивающей курсъ въ нашихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ и незнающихъ, куда приложить полученные ими свѣдѣнія.

— Быть можетъ, читателямъ небезызвѣстенъ народный способъ леченія ревматизма, который состоитъ въ томъ, что больныя мѣста обкладываются свѣжими березовыми листьями на болѣе или менѣе продолжительное время. Способъ этотъ иногда увѣнчивается успѣхомъ, но не всегда, потому что при хроническомъ недугѣ болѣею частью поражены бываютъ обширныя области тѣла—суставы и мышцы. Чтобы дѣйствовать на всѣ пораженныя мѣста, пишетъ въ «Церк. Вѣстн.» д-ръ Пахомовъ, я дѣлаю для такихъ больныхъ общія листовныя ванны и до сихъ поръ былъ доволенъ ихъ результатами. Дѣйствіе ваннъ зависитъ отъ теплоты и притомъ очень интенсивной, развивающейся въ ваннѣ вслѣдствіе освобожденія ея листьями. Послѣдніе, какъ вещество шероховатое, вбирая і солнечную теплоту, не проводятъ ея по дереву, а выпускаютъ ее обратно въ атмосферу, поэтому если ихъ покрыть какимъ-либо дурно проводящимъ теплоту предметомъ, то теплота перейдетъ съ нихъ въ покрытое пространство и температура его сильно поднимется. На этомъ и основанъ мой способъ леченія тяжелой ломоты. Листовныя ванны приготовляются такимъ образомъ. Берется обыкновенно металлическая ванна, или лучше—сколоченный на подобіе ея ящикъ изъ досокъ, или широкая кад-

ка, въ которой могъ бы помѣститься сидя человекъ, затѣмъ набираются съ утра березовые листья (по преимуществу) въ мѣшки изъ-подъ муки, каковыхъ для ванны надо набрать не менѣе двухъ, даже трехъ. Листья высыпаются въ одну изъ сказанныхъ посудинъ и закрываются одѣяломъ и даже рогожею. Черезъ нѣсколько часовъ листья сильно нагрѣются и тогда больной, разгребая ихъ, осторожно садится въ ванну, закапывается въ нихъ и потомъ закрывается одѣяломъ, армякомъ, даже рогожею (я рекомендую свой способъ только бѣдному сельскому люду, не имѣющему средствъ ѣхать на курорты, или въ лечебныя заведенія), оставляя, конечно, голову свободною. Такую ванну непременно надо принимать въ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ сквозного вѣтра и лучше на ночь. Тотчасъ по закрытіи ванны, температура ея поднимается и больной начинаетъ сильно потѣть. Послѣ ванны, въ которой необходимо просидѣть $\frac{1}{2}$ часа и даже часъ, если позволятъ силы, больной переходитъ въ постель и тамъ продолжаетъ потѣть еще часа $1\frac{1}{2}$. На другой день пациентъ можетъ заниматься своею работою до заката солнца. Черезъ 2—3 дня ванна повторяется. Вообще больше семи (7) ваннъ не требуется для излеченія, или значительнаго облегченія болей. Повторяю, что ванна сильно нагрѣвается, нѣкоторые больные наблюдали въ ней 60° R., поэтому при вхожденіи въ нее надо разгрести листья и дать поверхностнымъ слоямъ немного остыть, а потомъ уже садиться. Люди преклоннаго возраста, а также страдающіе порокомъ сердца или сильною одышкою, должны пользоваться ею очень осторожно, лучше совсѣмъ такимъ лицамъ не употреблять ее. Кромѣ ревматизма, она можетъ быть полезна при водянкахъ, зависящихъ отъ болѣзни почекъ и опухляхъ, оставшихся отъ воспаленія.

— *Средство противъ удушья.* Противъ удушья употребляется полынь съ молокомъ: кладутъ нѣсколько полынн въ горшокъ, наливаютъ молокомъ, ставятъ въ печь для кипяченія, затѣмъ, давъ значительно остынуть, пьютъ утромъ, однажды въ день, чайную чашку тепловатаго этого отвара, пока не пройдетъ болѣзнь. Этотъ совѣтъ испытанъ нѣсколькими лицами и оказался весьма пригоднымъ.

ОТЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

Таблица 5-ти проц. облигацій 2-го восточнаго займа 1878 г.,
вышедшихъ въ тиражъ 29 марта 1891 г.

100 руб. достоинства.

№№ билет.		Ч. лист.	№№ билет.		Ч. лист.	№№ билет.		Ч. л.
отъ	до		отъ	до		отъ	до	
215	229	15	211094	211096	3	267399	267413	15
231	236	6	100	142	43	268687	268886	200
238	250	13	144	209	66	280281	280289	9
255	294	40	211	217	7	291	432	142
296	329	34	219		1	434	442	9
331	412	82	222036	222132	97	444	462	19
414	423	10	134	225	92	664	484	21
9833	9871	39	231	241	11	281096	281109	14
873	905	33	248592	248609	18	111	174	64
907	929	23	611		1	177	178	2
935		1	613		1	180	241	62
937	942	6	615	649	35	243	300	58
948	958	11	651	666	16	295067	295184	118
960	967	8	668	680	13	191	272	82
969	10004	36	684	714	31	297936	297942	7
10007	049	43	777	730	14	944	298045	102
27047	27123	77	732	746	15	298047	098	52
126	248	123	748	751	4	100	138	39
105459	105658	200	757	764	8	307438	307458	21
134590	134789	200	766		1	460	500	41
161105	161111	7	771		1	502	532	31
113	129	17	713	814	42	534	613	80
131	175	45	257065	257085	21	634	647	14
177	202	26	087	090	4	656	668	13
204	261	58	092	113	22	333876	333902	27
263	309	47	115	145	31	365086	365108	23
204992	205016	25	147	175	29	130	135	6
205018	023	6	178	203	26	148	189	42
025	033	9	205	236	32	191	319	129
036	100	65	238	241	4	420689	420888	200
102	111	10	244	274	31			
113	125	13	267209	267301	93			
127	177	51	303	313	11			
179	199	21	315	352	38			
211004	211025	22	354	375	22			
035	092	58	377	397	21			

Итого 4,027 облиг. на
сумму 402,700 руб.

1,000 руб. достоинства.

18934	19005	72	093	099	7	513	555	43
19007	015	9	101	119	19	558		1
017	029	13	121	142	22	560	590	31
031	069	39	67454	67458	5	594	595	2
071	076	6	460	475	16	599	611	13
078	084	7	477	483	7	613	619	7
086	091	6	485	511	27	621	633	13

№№ билет.		Ч. лист.	№№ билет.		Ч. лист.	№№ билет.		Ч. л.
отъ	до		отъ	до		отъ	до	
635	651	17	426	433	8	252	257	6
653		1	114106	114123	18	260		1
655		1	125	236	112	262	275	14
658		1	238	292	55	278	279	2
660	663	4	303	317	15	281	303	23
666	668	3	151461	151468	8	208656	208669	14
672	679	8	470	486	17	779		1
77348	77364	17	488	506	19	681	683	3
371	372	2	508	512	5	685	688	4
374	387	14	514	515	2	690		1
389	410	22	521	522	2	692		1
412		1	525	530	6	695	710	16
414	438	25	532	563	32	712	737	26
449	450	2	565	566	2	739	815	77
453	467	15	569	572	4	817	830	14
470	571	102	574	577	4	832	840	9
80207	80236	30	581	585	5	843	855	13
239	262	24	587	592	6	858	875	18
267	268	2	594	600	7	879	881	3
276	300	25	603	608	6	218331	218335	5
315	317	3	610	645	36	337	379	43
319	335	17	647	662	16	381	382	2
337	384	48	664	670	7	384	392	9
386	387	2	672	675	4	394		1
389	437	49	677	688	12	396	408	13
87487	87488	2	189065	189067	3	412	432	21
490	550	61	070	073	4	434		1
553	689	137	077	080	4	437	438	2
100212	100214	3	087	101	15	481	489	9
216	236	21	103	107	5	501	512	12
238	248	11	110		1	517	520	4
250		1	112	132	21	522	550	29
253	276	24	134	139	6	552	575	24
279	315	37	141	166	26	578	588	11
317		1	168	179	12	590	599	10
319		1	182		1	601	604	4
323		1	184		1	264735	264825	91
327	370	44	188		1			
372	379	8	190		1			
382	387	6	192	202	11			
100389	100395	7	205	227	23			
397	414	18	229	239	11			
416	424	9	243	250	8			

Итого 2,291 облиг. на
сумму 2,291,000 руб.

Всего 6,318 облиг. на сумму 2.693,700 р.

Теченіе процентовъ по симъ вышедшимъ въ тиражъ облигаціямъ прекращается и капиталъ по нимъ будетъ выплачиваемъ съ 2-го іюля 1891 г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
 НА ОБЩЕПОЯТНО-НАУЧНЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
„НАУКА И ЖИЗНЬ“.

Журналъ выходитъ еженедѣльно (52 №№ въ годъ) по слѣдующей программѣ:

1. Общепонятныя статьи по всеѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ; приложенія наукъ къ практической жизни и промышленности; открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія.

2. Медицина (особенно гигиена), сельское и домашнее хозяйство, гѣсоводство.

3. Статьи по исторіи наукъ и промышленности; научная хроника и смѣсь; библиографія.

4. Научныя игры и развлечения; задачи; почтовый ящикъ.

5. Всякіе рисунки, относящіеся къ тексту.

6. Объявленія.

Журналъ имѣетъ цѣлью дать чтеніе полезное и въ то же время интересное для всеѣхъ, своевременно и въ литературно обработанной формѣ, сообщая новости научныя, техническія, промышленныя и т. д. Въ теченіе года до 500 иллюстрацій.

Новые подписчики получаютъ съ № 1.

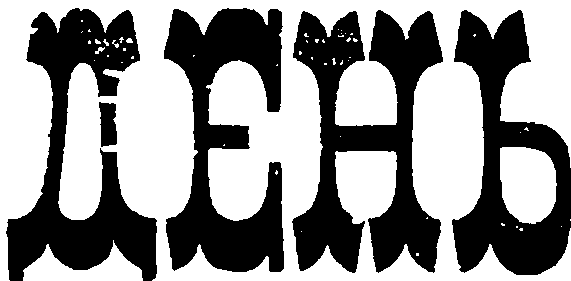
Цѣна: { съ пересылкой и доставкой на годъ 5 руб.
 > > > > полгода. . . 3 >

Адресъ редакціи: Москва, Малая Дмитровка, домъ Шильдбахъ.

Редакторъ-Издатель Д-ръ М. Н. Глубоковскій.

Политическая, общественная и литературная газета

НА ГОДЪ . . 5 р.
 НА 8 МѢС. . 4 р.
 НА 6 МѢС. . 3 р.

НА 4 МѢС. 2 р.
 НА 2 МѢС. 1 р.
 НА 1 МѢС. 60 к.

ЗА-ГРАНИЦУ
 НА ГОДЪ 10 р.

Объявленія по 10
 коп. за строку.

Адресъ: С.-Петербургъ, Преображенская, 4. (360 вып. въ годъ.) Редакторъ И. В. Скоричевъ.
 Издатель А. А. Греев.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою „Листовъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~■~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Кратировъ.